

К 1393283

ас

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ОНОМАСТИКА
И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
СЕВЕРНОЙ РУСИ

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ОНОМАСТИКА
И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
СЕВЕРНОЙ РУСИ

ВЫПУСК 3

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
ПО ОБРАЗОВАНИЮ ГОУ ВПО «ВОЛОГОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

ИСТОРИЯ РУССКОГО СЛОВА

ОНОМАСТИКА
И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
СЕВЕРНОЙ РУСИ

Выпуск 3

ВОЛОГДА
2007

*Издание подготовлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта “История
промысловой лексики Северной Руси” (грант РГНФ № 07-04-00125a)*

Редакционная коллегия:

**доктор филологических наук С. Н. Смольников (отв. редактор),
доктор филологических наук, профессор Ю.И. Чайкина,
кандидат филологических наук, доцент Е.П. Андреева,
кандидат филологических наук, доцент Л.А. Берсенева,
кандидат филологических наук, доцент С.Б. Виноградова,
кандидат филологических наук Н.В. Комлева.**

История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси.
Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. Отв. редактор С.Н. Смольников.
– Вологда 2007. – с. 156

ББК 81. 411. 2 – 03

Сборник продолжает серию публикаций, в которых представлены результаты изучения истории специальной лексики и ономастики Русского Севера в различных аспектах. Книга предназначена для широкого круга читателей: ученых-лексикологов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей русского слова.

ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

<i>Т. А. Сидорова (Архангельск)</i> Особенности мотивационной структуры специальных слов (лексикон поморов)	5
<i>Е.П. Андреева (Вологда)</i> Слово рыба и его производные в промысловой лексике старорусского языка	20
<i>Л.А. Берсенева (Вологда)</i> Слово лѣсь в специальной лексике Северной Руси XV–XVII вв.	30
<i>И. Е. Колесова (Вологда)</i> Специальная лексика в историческом корневом гнезде глагола лить	41
<i>Е. Н. Егорова (Архангельск)</i> Методика лингвокультурологического исследования (на материале описной книги Николо-Корельского монастыря 1602 года)	52
<i>Л. Ю. Зорина (Вологда)</i> История диалектного метрологического термина рѹжница	56
<i>В. К. Андреев (Псков)</i> О некоторых изменениях в семантике слов под влиянием экстралингвистических факторов (названия построек в псковских говорах)	66
<i>И.Г. Кудрявцева (Вологда)</i> Развитие состава модальных префиксов и префиксоидов в сфере терминологического словообразования в русском языке	69
<i>Э.Л. Трикоз (Вологда)</i> Лингвоментальный портрет человека второй половины девятнадцатого века (к проблеме языковой рефлексии)	86

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОНОМАСТИКИ

Е. Н. Варникова (Вологда)

Ойконимы, образованные от терминов подсечно-огневого земледелия, как свидетельство массового (крестьянского) заселения Вологодского края 94

Е. Н. Иванова (Вологда)

Локативные именованния географических объектов в памятниках письменности белозерского края конца XIV–XV в. 106

Ю. И. Чайкина (Вологда)

Именованния жителей Великого Устюга в деловых документах разных типов второй половины XVII в. 113

Н. С. Дьякова (Вологда)

Синхронно-диахронный подход в исторической ономастике 119

Н. В. Комлева (Вологда)

Модели именованния женщин в вологодских деловых документах XVI–XVII вв. 125

О. Е. Афанасьева (Вологда)

Влияние разных центров деловой письменности на формирование особенностей антропонимии Поонежья XVI–XVII вв. 136

Л. Г. Яцкевич (Вологда)

Модальная транспозиция имён нарицательных в собственные имена в поэзии С.С. Бехтеева 142

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ СЛОВ (ЛЕКСИКОН ПОМОРОВ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Исследование языковой картины мира северного крестьянина на материале памятников деловой письменности Подвинья XVI – XVII вв.» № 07-04-00188а.

Объектом данного исследования являются различные тематические группы промысловой лексики, зафиксированной в специальных словарях [Мосеев 2005; Гемп 2004; Жилинский 1957; Куликовский 1898; Подвысоцкий 1885; Пономарёв 1996 и др.].

Основная цель исследования – выявление специфических признаков мотивационной структуры слов, представляющих собой способ объективации профессиональных картин мира. При этом мотивационная структура осмысливается как составляющий компонент внутренней формы, репрезентантом которой становится морфемная структура.

Анализ материала показал, что морфемная структура слов специальной лексики объективирует лишь часть знаний, стоящих за концептуальной структурой внутренней формы. В силу этого происходит фразеологизация морфемной структуры, корреляция которой с лексическим значением наблюдается лишь на концептуальном уровне слова. Например, в лексеме *шептало* ('пирог с сушёными персиками' [Подвысоцкий 1885]) морфемная структура объективирует часть онтологической ситуации *выпечки*. Персики при нагревании разбухают и начинают «шептать». Слуховое восприятие процесса и зафиксировано в морфемной структуре. Мотивированность имеет ситуативно-образный характер. Особенность мотивационной структуры составляет и

мотивационный код, под которым понимается соотнесение различных идеографических сфер. В анализируемом слове используется антропоморфный код (пирогу приписывается свойство человека).

Особенность специальной лексики определяют типы мотивированности. Так, логическая мотивированность зачастую характеризует номинации лица по роду занятий. В таких словах семантика производного включает семы, актуализируемые морфемной синтагмой: *вёсельщик* ('тот, кто гребёт вёслами'), *шестовик* ('промысловик, работающий с шестом'), *пешник* ('тот, кто пешит лёд' [Пономарёв 1996]) и т.д. Реализуется рациональная стратегия номинации (ориентация на те или иные физические свойства объекта действительности). В данной группе слов наблюдается ориентация на орудие действия. Особо следует обозначить такую разновидность *логической мотивированности*, как *логико-ситуативная*, в основе которой – ориентация на тот или иной компонент онтологической ситуации, стоящей за словом. Например, в профессиональной лексике рыболовов производные с общим словообразовательным значением 'лицо, чьи действия направлены на объект' могут иметь единое логическое основание, которое понятно лишь самим рыболовам. Так, *бережник* – 'рыбак, удерживающий в нужном положении береговой конец невода', *хоботник* – 'рыбак, выбирающий в лодку сетное полотно – хобот', *карбасник* – 'хозяин карбаса', *ушкуйник* – 'промысловик белого медведя – ушкуя', *носник* – 'рыбак, подрабатывающий перевозом людей или продуктов, в процессе перевоза сидит на носу судна' и т.д. [Пономарёв 1996]. Действия, которые субъект направляет на объект, нельзя объединить на основе единой понятийной семы. Ср.: *бережник* удерживает, *хоботник* выбирает, *карбасник* владеет, *ушкуйник* промышляет, *носник* подрабатывает и т.д. В основе мотивационного признака то сам объект (*хоботник*), то его свойство (*бережник*), то место субъекта (*носник*). Именно поэтому необходимы специальные знания (фрейм), связанные с конкретной реальной ситуацией: чёткое распределение ролей (обязанностей) между членами артели, локализация рыбаков на судне, специфика профессиональных действий и т.п. Недаром говорится: «На промысле твёрдо руководить надобно. Не криком

работа на море стоит, каждому своё дело и место дай...» [Гемп 2004: 387].

Морфемная структура таких слов маркирует те или иные компоненты ситуации, которые и формируют мотивационную структуру.

Познание и мышление индивидуальны по своей природе, но на них влияют общие социальные условия жизни, природные, климатические, род занятий, быт, мироощущение, интеллектуальные возможности и т. п. Думается, у рыболовов поморских сёл сформировалась единая апперцепционная база, которая и является компонентом структуры знаний, стоящей за внутренней формой номинаций. Этот тип мотивированности можно назвать *логико-дискурсивным*. Каждое наименование обусловлено дискурсивным характером ментального компонента внутренней формы, под которым нами понимается отражение в сознании денотативного пространства объекта действительности.

Если значение мотивирующего компонента включается в периферию семантической структуры производного слова, то выделяется *логико-периферийная* разновидность логической мотивированности. Например, в группе наименований животных, на которых охотятся звероловы, в основе стратегии номинации лежат такие физические признаки, как *цвет шерсти* (*белёк, серка, зеленец*), *качество кожи* (*кожохудный зверь*), *цель добычи* (*сальный зверь*) и т.д. Все эти признаки являются существенными для звероловов, но включаются в периферийную часть семантической структуры слов. Ср.: *белёк* ('детёныш тюленя, у него шерсть белого цвета'), *зеленец* (новорожденный щенок гренландского тюленя; шерсть его зеленовато-жёлтая'), *серка* ('окологодовалая особь тюленя; в этот период имеет серый окрас' [Клыков 1968]) и т.д.

Мотивационная структура может осложняться различными пресуппозициями. Например, логическую пресуппозицию составляют специальные (профессиональные) знания. Так, лексемы *бережник* ('рыбак, удерживающий в нужном положении береговой (пятной) конец невода') и *пятник* ('рыбак, тянущий верёвку пятного крыла невода' [Пономарёв 1996]) объективируют единую онтологическую ситуацию (у рыбаков общий объект воздействия, но разные действия: один *удерживает*, другой *тянет* пятной конец

невода). *Логической пресуппозицией* является профессиональное знание того, что пятное крыло – та часть невода, которая остаётся на берегу, в противоположность ходовому, завозному крылу невода (завозится на лодке в глубь водоёма), из которого начинается тяга. Вёсельщик на карбасе называется *серёдышем* [Жилинский 1957]. Корреляция морфемной структуры и семантической осуществляется в рамках пресуппозиции – знании того, что вёсельщик находится в середине судна. В сфере солеварения используется слово *местник*, означающее ‘работник, производивший очистку и починку варничной печи’ [Гецова 1995]. Чтобы осмыслить связь лексического значения с морфемной структурой, необходимы специальные знания того, что *местом* называется печь, представляющая собой вырытую в варнице и выложенную яму.

Пресуппозицией могут служить и энциклопедические знания. Так, рабочего, прибывшего на заработки в Сибирь, называли *нижегородцем* [Борхвальд 1998]. В основе номинации – знание того, что рабочие бригады комплектовались в Нижнем Новгороде, куда и съезжались желающие отправиться в Сибирь.

В основе *образного типа мотивированности* лежат образные стратегии номинации, в которых реализуются установки не на конкретные физические свойства объекта действительности, а на представление об этих объектах в сознании говорящих (оценка, связь с другими объектами, модальный аспект, культурологический, социальный и т.д.). Представляется возможным и выделение *пресуппозиционно-дискурсивной мотивированности*, в основе которой – ориентация на образные пресуппозиции. Например, намерзающее озеро, в котором много родников, называется *тальник*. Казалось бы, ничто не связывает лексическое значение и морфемную структуру. Однако знание пресуппозиции (из-за наличия родников лёд на озере быстро тает) детерминирует мотивационные отношения пересечения (причинно-следственные). То же можно наблюдать и в лексеме *хранище* (‘небольшая полынья, разводье на льду, из которого показывается тюлень’ [Мосеев 2005]). Только знание пресуппозиции (это место, где тюлень

спит, от его дыхания с храпом тает лёд и образуется полынья) обуславливает мотивированность.

Для производных слов специальной лексики характерна и *логико-пропозициональная мотивированность*, в основе которой лежит пропозициональная структура. Следует отметить, что объективируется лишь одна из возможных пропозиций. Например, в лексеме *тяглец* ('рыбопромышленник, забрасывающий яруса и поднимающий их из воды с уловом' [Клыков 1968]) актуализируется лишь пропозиция *поднимает яруса* (поднимать = тянуть) как наиболее существенная для рыболовов. Однако всем известно, что перед тем, как *вытянуть* улов, необходимо *забросить* яруса (вторая пропозиция представлена имплицитно).

Часть *онтологической ситуации*, важной для рыболовов, маркируется в лексеме *ветрило* ('парус' [Клыков 1968]). Паруса надуваются ветром, и только при ветреной погоде паруса поднимаются, так что *ветер* – часть ситуации, связанной с парусами.

Ситуация, связанная с той или иной профессиональной деятельностью, в сознании носителей языка может отождествляться с явлением природы. Например, в речи поморов место соединения льдин друг с другом, нередко покрытое наслудом, называется *супоем* (от глагола *паять*), место, где стыкуются два течения, называется *рубец*. Открытый течению островной мыс, который «подбрасывает» течение реки, называется *бривна* и т.д. [Мосеев 2005]. Ассоциации навеяны известными ситуациями, что актуализируется образами, объективированными в морфемных структурах. Такие ситуации можно назвать *вторичными* и *образными*, а мотивированность – *образно-ситуативной*.

Возможно и образное осмысление пресуппозиции. Например, в лексеме *поездок* ('невод, который тянут две лодки' [Жилинский 1957]) корневая морфема объективирует *образную пресуппозицию*. Образное (метафорическое) восприятие объектов действительности лежит и в основе сельскохозяйственных терминов *зяблуха* (сырые, малоплодородные земли, где бывают ранние заморозки), *кислядь* (временно заброшенные земли, которые «кисли»), *киселиха* (илистая почва,

слабоподзолистая, завалуненная), *ляжно* (земли, которые запускались, лежали без дела [КЛДЭ]) и др. Внутренняя форма таких слов концептуализирует *оценку* земельных участков (оценка объективируется в образных пресуппозициях): *земля*, с точки зрения носителей языка, *зябнет* (мёрзнет), *киснет* (не используется), *лежит* (отдыхает), похожа на *кисель* (происходит смещение двух модусов восприятия действительности – зрительного и тактильного).

Смещение модусов восприятия действительности тоже является особенностью ментального компонента внутренней формы слов специальной лексики. В свою очередь, эта особенность связана с сохранением древних представлений в сознании человека, например, мифических.

Мифические пресуппозиции можно считать разновидностью *образных* или *этнокультурных*. Так, мифическое восприятие земли как живого существа, имеющего жилы, по которым течёт вода, как у человека кровь, отразилось в слове *пожилина* ('место высокого стояния грунтовых вод, где колодцы роют' [КЛДЭ]). *Жила* в народном сознании символизирует жизнь, силу, что нашло отражение в устойчивых выражениях и словах: «*по жилам кровь бежит*», «*в жилах кровь стынет*», «*жилы рвать*», «*двужилый*» и т.д. Вода – тоже символ жизни. Не случайно все поселения создавались у рек, озёр, ручьёв. Найти место, где можно вырыть колодец, значило обнаружить «*жилу земли*». Именно внутренняя форма концептуализирует и сохраняет древние представления носителей лингвокультуры (ментальный компонент внутренней формы). Префикс актуализирует мотивационный признак пространственного расположения «*близ*» или «*вдоль*», а суффикс –ИН/а/ реализует мотивационный признак «одна из множества» [Ефремова 2005].

Интересными, на наш взгляд, являются наименования топких, опасных мест на болотах (не зарастающие окна в болотах): *глазники*, *глазина*, *глазовик*, *глазовина*, *зеночка* и др. Возможно, это остатки мифических представлений о болотниках, леших, кикиморах. Внутренняя форма слов концептуализирует представления о *глазе* как зеркале, границе между мирами (коррелятом является и слово *колодец*). Кстати, слова *зеркало*, *зрачок*, *зрение* являются этимонами.

Синхронно эти представления (мифическая пресуппозиция) могли и не сохраниться носителями языка, но мотивационная структура в этих словах осмысливается всеми, так как осмысливается корневой морф, обозначающий реалию, концептуальные свойства которой так или иначе нашли отражение в сознании.

Мифическое восприятие окружающего мира концептуализируется в слове *обережье* ('сухой возвышенный участок среди болота' [КЛДЭ]). Внутренняя форма зафиксировала отношение человека к таким участкам: сакральный смысл названия связан с функцией берега. Лексическое значение концептуализирует свойства объекта. Возникает корреляция *функция – свойство*.

Как показывают наблюдения, ментальные компоненты внутренней формы таких слов зачастую хранят представления об архаической картине мира.

Для гидрографической терминологии характерной чертой является не только и не столько тот или иной признак объекта, концептуализированный во внутренней форме, сколько отношение к этим признакам. Таким образом, наблюдается функциональное сближение социальной и географической терминологии, а в мотивационной структуре таких слов можно обнаружить модальный и оценочный компоненты. Например, в основе гидротерминов, обозначающих ручьи, может лежать такой мотивационный признак, как *температура*. Выбор именно этого признака обусловлен его важностью для носителей языка, что и формирует модальность (существенный / несущественный).

Так, ручей с холодной родниковой водой называется *студеник* или *студенец*. Именно к таким ручьям ходят, чтобы утолить жажду в жаркий день, поэтому указание на низкую температуру воды является важным. Ручей, появляющийся весной в результате таяния снега, называется *талица*. В термине внутренняя форма концептуализирует не только *температуру*, но и *причину* возникновения ручья. Талую воду поморы используют для хозяйственных нужд, но не для питья, поэтому выбор мотивационного признака обусловлен не только

свойствами объекта, но и отношением к нему (практической значимостью для носителей языка).

В морфемной структуре гидротермина *туровец* концептуализируется такое свойство, как *скорость течения* (диал. *туровить* – ‘торопить, подгонять’ [СРНГ 1996]). Ручей с медленным течением называется *кошелец* (диал. *кошелять* – ‘медлить, мешкать’ [там же]). Видимо, скорость течения ручья тоже имеет значение для носителей языка, и выбор этого признака не случаен: через ручей с высокой скоростью течения сложнее перебраться, чем через ручей с небольшой скоростью течения. Жители, использующие эти названия, рассказывают, что такие ручьи очень большие, широкие, почти реки (поэтому важнее не такие свойства, как *температура, шум, происхождение*, а именно *скорость течения*).

Модальный компонент может составлять *оценка* говорящими объекта действительности. Чаще оценка выражается в образном восприятии объекта.

Например, в ряде терминов концептуализируется такое свойство, как *характер течения*: *боркун* (диал. *боркать* – ‘стучать, брэнчать’ [СРНГ 1964]), *бурчушка* (диал. *бурчать* – ‘ворчать’), *говорушка*. В основе номинации – слуховое восприятие объекта и антропоморфное его осмысление. Так называются шумные ручьи. Мотивационный код – соотнесение сфер *природы и человека*. Оценочный компонент мотивационной структуры объективируется служебной морфемой – УШК-. Репрезентируется положительное отношение к «говорящим» ручьям.

Особенности *ландшафта* отражены в гидротермине *каменка / каменник*. Так называется ручей с каменистыми берегами. А ручей с берегами, заросшими лесом, называется *чернеина*. *Чёрный* в народных поверьях означает «иной» / «чужой» мир (мифологическое восприятие мира). Ручей с заросшими берегами недоступен, скрыт, значит, занимает «чужое» пространство.

Внутренняя форма номинации концептуализирует *отношение* к объекту, а лексическое значение – *особенности ландшафта*. Вообще для мироощущения поморов важной является оппозиция *своё – чужое*. Она связана с восприятием объектов как освоенных, используемых в той или иной деятельности, и, наоборот, «чужих», недоступных в силу природных реалий. В основе такого

противопоставления лежат представления о сакрально-природном предназначении пространства для жизнедеятельности общества.

Отсюда, видимо, и такой термин, как *глушиха* ('пролив, затемнённый высокими берегами, имеет узкий вход' [КЛДЭ]). *Глухой* на Севере означает «дикий». Таким образом, и в этих словах в мотивационной структуре содержится модальный компонент.

В основе номинаций *путик* ('охотничья тропа, место установки ловушек на зверя и птицу'), *путни* ('острова, по которым проходит зимняя дорога через озеро по льду' [КЛДЭ]) лежит этнокультурный концепт <путь>. Учитывая важность охотничьей деятельности, необходимость связи между отдалёнными населёнными пунктами, когда озёра, реки долго скованы льдом, можно понять концептуализацию «пути» и «беспутья» («глуши») в терминах.

Особенности рельефа (болота, леса, обрывы и т.п.) вызвали необходимость концептуализировать в земледельческих терминах *характер почвы*, её пригодность / непригодность для земледелия (тоже модальный компонент).

Например, белая, пепелистая, малоплодородная почва, известковая, иловая называется *беляк / белуха / белужина*. Внутренняя форма концептуализирует *цвет почвы* из-за известковых примесей. Место, сопредельное с таким участком земли, находящееся за ним, называется *забелуха*. Мотивационный признак *пространственного расположения* объективируется префиксом ЗА-. Модальный компонент в лексемах можно выразить модальной пропозицией – *почва не пригодна для земледелия*.

Если в земле содержатся торфяные примеси, участок называется *чернополем* (торф тёмно-коричневого цвета). Между внутренней формой и лексическим значением в таких терминах репрезентируются отношения пересечения: *цвет примеси – примесь*.

Неплодородную землю ещё называют *пустошью*. Возникает аналогия с неродящей женщиной, которую в народе называют «пустой». Внутренняя форма отражает этнокультурный концепт «пустоты», который в русском сознании ассоциируется с нечистой силой (ср.: «чтоб пусто было») и с бездуховностью (ср.:

«пустозвон», «пустослов»), а также с бесполезностью («пустопорожние разговоры»). Поэтому землю-кормилицу, не используемую для посева, так и называют (оценочный и собственно модальный компоненты).

На развитие образных моделей географических и сельскохозяйственных терминов влияет тип мышления. Если для финно-угорских номинаций характерны модели «человек – географический объект», «животное – географический объект», «мифический персонаж – географический объект», то для русских терминов алгоритм номинации связан с бытом, неодушевлёнными предметами, частями тела человека или животного.

Например, *занога, отножка* ('поворот у реки'), *пазушина* ('сухое место на болоте') – так и вспомнишь выражение «как у Христа за пазухой», *защёка* (небольшое озеро на болоте), *взголовок / изголовь* ('исток реки и мыс в повороте реки'), *лобач* ('подъём, крутая горка') [КЛДЭ] и др. Большинство названий-терминов связано с «отрицательным» рельефом, так как для поморов «позитивность» – это норма. Образы, объективированные морфемной структурой, маркируют ещё один аспект модального компонента – *образный*. Наглядно-чувственное восприятие действительности отражает отношение носителей языка к объектам, так как выбор того или иного образа не случаен.

Среди «болотных» терминов встречаются и русские. «Положительный» рельеф и отношение к нему концептуализируется во внутренней форме термина *седун*. Так называется болото, не опасное для жизни (на нём можно *посидеть*). Для жителей болотной местности это очень важное свойство. В термине *зыбун* (опасное для жизни болото) мотивировочным является свойство объекта *колебаться, быть зыбким* (диал. *зыбать* – 'колебать' [СРНГ 1996]). Внутренняя форма и лексическое значение образуют корреляцию «*причина – следствие*» (колеблется, поэтому опасно).

Следовательно, в отличие от лексического значения, внутренняя форма географических и сельскохозяйственных терминов концептуализирует не только свойства объектов, но и отношение к ним, детерминированное мировоззрением носителей поморской культуры. Думается, что во внутренней форме отражён

диахронический аспект бытования термина, который больше связан с мифической картиной мира поморов. Синхронический аспект мотивации концептуализируется лексическим значением.

Большинство терминов осмысливается только носителями поморской культуры. Мотивационные модели отражают основные принципы номинации слов данной группы. Это ориентация на те признаки объектов, которые играют существенную роль в хозяйстве, быту, трудовой деятельности поморов, или такие свойства, которые отличают объект от других подобных (место расположения, причина возникновения, оценка и т.д.). Анализ материала позволил выделить такие модальные признаки, как *полезность / бесполезность, пригодность / непригодность, освоенность / неосвоенность, положительность / отрицательность* и т.д. Эти признаки включаются в мотивационную структуру слова.

Модальные компоненты могут быть представлены, например, в модальных пресуппозициях и пропозициях. Так, в лексиконе шерстобитов есть слово *волнотеп* ('тот, кто обрабатывает шерсть' [Громов 2000]). Глагол *тепти* означает 'бить, валять, трамбовать' [СРНГ 1996]. Образное восприятие объекта маркируется первым компонентом морфемной структуры: *волна* – это только овечья шерсть, а не любая. *Образная пресуппозиция* и составляет модальный компонент. Аналогичный модальный компонент можно отметить в лексемах *скуловик* ('член артели, у кого опыт и сила'), *охотник* ('тот, кто нанимается на работу' [Мосеев 2005]) и др. Стереотипное представление о выборных представителях из числа государственных служащих, осуществляющих контроль за соблюдением законности на золотых промыслах, детерминируется лексемой *заседатель* [Борхвальд 1998]. Внутренняя форма слова маркирует отношение к служащим как ничем не занимающимся, а лишь заседающим (*модальная пресуппозиция*). Подобное отношение к людям, работающим на золотых промыслах в области умственного и непроемственного физического труда, выражено в лексеме *служака* (оценочный компонент маркируется суффиксом).

Особенность мотивационной структуры заключается и в обязательном её компоненте – *интерпретационном*, который детерминируется социально-языковой идеологией, практической деятельностью конкретной социальной группы, знанием культурных кодов, особенностями профессиональной картины мира.

В профессиональной лексике *интерпретационный компонент* мотивационной структуры не объективируется в лексическом значении и представляет собой специальные профессиональные знания, которые могут маркироваться в морфемной структуре. Например, лексема *дульщик* имеет значение ‘работник, приводивший в движение ручной мех у горна’ [Гецова 1995]. Чтобы объяснить связь лексического значения и морфемной структуры, необходимо знать, что глагол *дуть* означает как раз способ, которым приводится в движение ручной мех (логическая пресуппозиция). В золотом промысле рабочий, которому поручается производство взрыва горных пород, называется *запальщик* [Борхвальд 1998]. Между лексическим значением и морфемной структурой возникают причинно-следственные отношения, которые объективируются специальной пресуппозицией – знанием того, что сначала необходимо совершить действие, маркированное морфемной структурой (*запалить*). *Жердником* рыболовы называют главного распорядителя подлёдного лова и разведчика рыбных стай зимой в озёрах [Жилинский 1957]. Мотивационные отношения объективируются знанием того, что *разведка* осуществляется специальным орудием, которое называется *жердью*. Слово *воротяшки* означает ‘сапожный инструмент, ремень до колена из кожи’ [Гецова 1995]. И только знание ситуации использования этого инструмента позволяет определить мотивационную структуру: ремень используется для заточки ножа, во время этой процедуры нож несколько раз трётся о ремень, *возвращаясь* то вверх, то вниз.

Как было показано выше, мотивационная структура в таких номинациях обуславливается концептуальным уровнем слова. Поэтому интерпретационный компонент детерминируется не только пресуппозициями, но и знанием ситуаций,

компонентов ситуаций, пропозиций, образов, которые приобрели культурную значимость, и т.д.

Помимо модальных и оценочных компонентов, мотивационная структура может включать и этнокультурные. Например, к *этнокультурной пресуппозиции* можно отнести форму ментального компонента в лексеме *шубный* (язык). *Шубным* называют поморы язык (речь) человека, с трудом подбирающего слова [Гемп 2004]. Морфемная структура слова объективирует лишь образ, реализующий мотивационный компонент, детерминируемый мотивационным кодом соотнесения сферы *одежды* и сферы *речи* (реализуется модус смещения восприятия действительности). В основе этой мотивационной модели лежит образ одетого в шубу человека, который малоподвижен и неуклюж (так как шуба сковывает движения). Знание того, что шуба сковывает движения, и составляет пресуппозицию. Выбор именно образа *шубы* детерминируется особенностями реалий Севера.

Основу стратегии номинации составляет представление о речевом этикете поморов (этнокультурная пресуппозиция).

Мотивированность слова *рыбник* ('место, где много ягод и грибов') тоже обуславливается этнокультурной пресуппозицией. На Севере сытное место, где можно прокормиться, называется *рыбным*, так как рыба здесь – основная еда. Только эти знания и детерминируют корреляцию лексического значения слова и его морфемной структуры.

Таким образом, мотивационная структура специальных слов поморского лексикона имеет некоторые особенности, обусловленные дискурсивным характером формальной организации ментального компонента внутренней формы (пропозиции, ситуации, элементы ситуаций, пресуппозиции). Названные ментальные структуры могут быть образными, логическими, этнокультурными, мифическими и т.д. В связи с этим в специальной лексике реализуются особые типы мотивированности: логико-ситуативные, пропозициональные, логико-периферийные, образные и т.д. При этом мотивационная структура осложняется такими компонентами, как модальный, образный, оценочный, этнокультурный,

интерпретационный. Возникают особые виды корреляции лексического значения и морфемной структуры: причина – следствие, функция – свойство, оценка – объект и т.д. Всё это обуславливает фразеологизацию морфемной структуры, и мотивированность осмысливается на концептуальном уровне (внутренней формы).

Литература

Борхвальд О.В. Словарь золотого промысла Российской империи. М.: Русский путь, 1998.

Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск : ПГУ, 2004.

Громов А.В. Жгонский язык. Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005.

Жилинский А.А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957.

Клыков А.А. Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.

Мосеев И.И. Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

Подвысоцкий А.О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Сокращения

Гецова – Архангельский областной словарь. Вып. 9 / Под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Издательство МГУ, 1995.

КЛДЭ – Картотека лаборатории диалектологии и этнографии Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Пономарев – Профессиональная лексика рыболовства. Словарь / Сост. Ф.А. Пономарев. – Архангельск, 1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под. ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–40. М.–Л., 1961–2006.

СЛОВО *РЫБА* И ЕГО ПРОИЗВОДНЫЕ В ПРОМЫСЛОВОЙ ЛЕКСИКЕ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА

Изучение специальной лексики позволяет выделить слова, которые играют особую роль в формировании той или иной терминосистемы. Для терминологии рыболовства одним из ключевых слов является лексема *рыба*.

В составе специальной лексики слово *рыба* употреблялось прежде всего в собирательном значении: 'рыба как объект промысла и продажи'. В 93 году на вешней ловле на Беле озере ловили рыбу белозерцы посацкие люди охочие ловцы кереводы, и бродники, и переметы. Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1609 об.–1610. И на томъ устье Пѣнеги реки изумену Ионе з братьею и Васке и Собинке по обе стороны тони чистить, и курмы бить, и рыба ловить. Гр. Двин. у. 1618 – СГКЭ I, 545 – КДРС. Особенностью слов с высокой терминообразующей способностью является наличие у них широких синтагматических связей. В этом значении анализируемая лексема фиксируется в памятниках письменности, как правило, с глаголами, обозначающими процесс ловли: *ловить, выловить (вылавливать), высачить, неводить*: И для того устюжана и дымковской слободы жители рыболовы въ лодкахъ надъ ѣзомъ въ тѣхъ плесахъ и ниже ѣзу по ѣздами по все годы... мережами своими плавью и иными всякими ловли рыбу вылавливаютъ. А. Уст. 1692: 94 – КДРС. Июля в 17 день высачено из забору рыбы семги восьми рыбы. Того ж дни высачили четыре ста десять рыб. Кн. Понойск. рыбн. пром. 1659 – Арх. Он. И рыба казакомъ велѣтъ неводить на государевъ обиходъ. ДАИ VIII, 245. 1679 г. Реализуется это значение у слова *рыба* и в составе сочетаний с глаголами, указывающими на процесс купли/продажи: *продать, явить, купить*. Например: Явил продать щук соленых 163 ведра, язей 18 ведр, окуней 17 ведр, и та вся рыба в 10-ти кадцах. Кн. там. УВ 1633–1634 – ТКМГ I, 50. Купил рыбы 360 лососей, дал 9 рублев. Кн. расх. К.-Бел. м. 1567–1568, л. 3 – Ник., OLXXVIII.

В старорусских памятниках деловой письменности, таких, как таможенные книги, хозяйственные книги монастырей, частотно использование гиперонима

рыба в сочетании с гипонимами, обозначающими вид рыбы: *рыба палтусъ, рыба сельдь, рыба семга* и т.п. По-видимому, такое употребление лексемы можно отнести к характерным особенностям делового языка. *Галичанин Михаило Алексеев с товарищи продали рыбы палтусу, троски сырой, валчюгу*. Кн. там. Тот. 1676 – ТКМГ III, 592. *Вологжанин Осип Онтипин явил в проезд 11 бочек с полубочкою рыбы сельдеи*. Кн. там. Вол. 1633–1634 – ТКМГ I, 89. *А семги рыбы с нами пошло на наемных подводах сорокъ пять возовъ*. Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1656–1658 – АЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 12, л. 2.

В старорусской терминологии рыболовства существенным было противопоставление *красной и белой рыбы*, эта оппозиция сохраняется и в более поздние периоды. Словосочетание *красная рыба* обозначало рыбу наиболее ценных сортов, хрящевую рыбу, такую, как белуга, лосось, осетр, севрюга, таймень. *А неводы ловят рыбу репуксу малую а сетми гарвами в осенинах ловят красную рыбу лососи и таймени и пальи*. Кн. писц. Обон. пят. 1563, 75 – КДРС. Двучленный термин *рыба белая* обозначал простую чешуйчатую рыбу (в отличие от красной рыбы). *Да угодыя Печенского монастыря старцовъ оброчные, а не луковые: по рѣкѣ по Туломе в Муромашахъ Варламовъ ручеекъ да Кротовъ ручеекъ и с верхотинами и с озерами, в ручейкахъ бобры бьютъ, а в озерахъ бѣлую рыбу ловят*. Гр. Кольск. 1675 г., 519.

В интересующий нас период продуктивным является синтаксический способ номинации: специальное понятие дифференцируется при помощи прилагательного-определителя, этим объясняется большое количество составных терминов с опорным компонентом *рыба*. Так в терминологии рыбного промысла используется словосочетание *рыба уловная*, обозначающее пойманную рыбу. *И уловную всякую рыбу берегли живою и тое уловную рыбу отдавали въ прорѣзные суды рыбного двора цѣловальникомъ*. Гр. Белоз. 1680 – ДАИ VII, 184. *Ловить рыба... бѣлуги, осетры, шевриги, стерляди и бѣлые рыбыцы и иную всякую... и тое уловную рыбу въ садахъ беречь живою*. Поручи. Шексн. 1681 – АЮБ II, 800. Составное наименование *рыба заповѣдная* обозначало 'рыбу, пойманную в государственном водном угодые, закрытом для общего пользования'. *И у нихъ де*

въ уловѣ въ тѣхъ тагасѣхъ никакой заповѣдной рыбы кромѣ снѣтковъ, не было.

А. Белоз. 1680 – ДАИ VII, 189.

В памятниках широко представлены также составные наименования рыбы, в которых определение указывало на используемое орудие или способ лова, например: *рыба запорная, рыба погонная. Пришед на рыбную ловлю болиши двусот человѣкъ и запорную рыбу пот тыном ловили и в озерах караси выловили.* Явка Павл. Обнор. м. 1640 – САСК (С), 26. *Слуги монастырские Буслав Козлянинов да Нечаи Семина купили погонные рыбы... стѣрляди 870 рыб денег дано 5 рублей 8 алтынъ 2 деньги.* Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1603 – Ник. ОСXLIX.

Качество рыбы во многом зависело от того, в какое время года она была выловлена, этим объясняется большое количество составных наименований, обозначающих время лова: *рыба вешняя, рыба меженка, рыба межень, рыба меженская, рыба межная, рыба осенняя, рыба осень, рыба поledenная (полѣденная).* Например: *А в год бываетъ межени и осени 9000 рыб.* Смета дох. и расх. К.-Бел. м. 1601 Ник. – OCLVIII. *Взято на усть Поное рекѣ с тонѣ Лахты у немецких покрутчиков... с 40 рыб межных 4 рыбы.* (Кн. понойск. рыбн. пром.) Арх. Он. 1659 г. – КДРС. *И тое рыбы продають осенние 4680 рыбъ по сороку рублевъ 1000. А меженины по тритцати рублевъ 1000.* Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1601 – Ник. OLVIII. *Поехал из монастыря Константин Малой к Москвѣ с поledenною рыбою.* Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1582 – Ник. ОСXXI. Как свидетельствуют приведенные примеры, рыба, выловленная в “межень”, т.е. в середину лета, ценилась ниже рыбы, добытой осенью или зимой.

Важным мотивировочным признаком являлось и указание на место лова, широко использовались такие наименования, как: *рыба возжеозерская, рыба терская, рыба чаранда, рыба чаранская, рыба шехонская.* Например: *Келарь Мисаило на гостине дворѣ купил возжеозерские рыбы 2 воза пол 400 щук свѣжых да 100 лещиков.* Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1582 – Ник., ОСХ. *Тотъ же Титъ в Варзуге далъ старицу Феодосью 50 рыб терских.* Кн. вкл. Ант.-Сийск. м. 1593 – Чт. ОИДР, 1917, кн. 2: 15. *Купил рыбы чаранды щук четыре бочки дал четыре рубли.* Кн. прих.-расх. Сп.-Прил. м. 1632 – ДПРС I, 59. *Чаранженин... явил на б*

санех 18 бочек рыбы чаранских, полтретья воза рыбы свежие, полвоза просольные. ТКВ I, 139. Тот же Титъ в Варзуге далъ старцу Феодосью 50 рыб терских. Кн. вкл. Ант.-Сийск. м. 1593 – Чт. ОИДР 1917, кн. 2: 15. Да вамъ же изготовить садъ подъ погонную Шехонскую живую рыбу подъ деревнею Берегомъ. А. Белоз. 1680 – ДАИ VII, 181.

В среднерусский период были широко распространены штучные единицы меры, отчасти поэтому существенным мотивировочным признаком наименования рыбы являлся ее размер: рыба крупная, рыба мѣлая, рыба моль. И ты бѣ нашимъ дворцовымъ и стороннимъ рыбнымъ ловцомъ, которые ѣздятъ на Бѣлѣозеро для погонной и поледной рыбной ловли велѣлъ на нашъ обиходъ ловить... крупную рыбу. А. Белоз. 1677–1682 – ДАИ VII, 179. Куплѣно у великосѣлов у Ивашка Щелитина с товарищи 160 щукъ... да воз мѣлкие рыбы. Кн. расх. К.-Бел. м. 1607–1608 – Ник. ОСCLIX. Да рыбные жъ ловцы въ Бѣлѣозерѣ ловятъ рыбу моль тагасами... да въ рѣкахъ въ Шекснѣ, и въ Кемѣ, и въ Кумьогѣ въ заѣздахъ вершами. Гр. Белоз. 1665 – ДАИ V, № 7. Словосочетание рыба головная обозначало крупную, отборную рыбу, тогда как для наименования рыбы средних размеров использовался двучленный термин рыба подголовная. Велите давать также головных двѣ рыбы... не токмо что болишихъ ино и подголовныхъ не дают. Кн. коп. К.-Бел. м. – ГПБ, ДА, А I, № 17.

Мотивировочный признак ‘способ приготовления’ косвенно указывал и на размеры рыбы. Составное наименование рыба сковородная имело значение ‘некрупная рыба для жарки’. Рыбы сковородной за ворота куплено на 10 алтын. Кн. расх. 1606–1607 – Ник. ОССIII. Сочетание рыба ушная обозначало мелкую рыбу, используемую в основном для приготовления ухи. Да рыбы ушной купил на четыре денги. Кн. прих.-расх. Вол. арх. д. 1676 – ВОКМ, ф. 1, оп. 2, № 20, л. 28 об.

Широкий круг составных наименований составляют сочетания, в составе которых прилагательное указывает на способ обработки рыбы. При этом необработанная рыба, как правило, только что выловленная, обозначалась как рыба живая, рыба свежая. Степан купил к столу рыбы живые на три алтна. Кн.

прих.-расх. Волог. арх. д. 1676 – ВОКМ, ф. 1, оп. 2, № 20, л. 31. *Купил свѣжые рыбы двѣ извары окуневъ и щукъ платил ·Г· рубл ·Г· алтына ·В· де.* Кн. прих.-расх. Сп.-Прил. м. 1668 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 70-а, л. 25. Обработка рыбы начиналась с ее потрошения, в письменных источниках находим противопоставленные сочетания: *рыба непоротая – рыба поротая. Кѣлар<ь> Вас<ь>ян купил рыбы семги порожские поротые и непоротые пол 15 пуда, пуд по полполтине.* Кн. расх. Кир. м. № 2, 13 об. 1567 г. – КДРС. В холодное время года рыбу замораживали, памятники письменности фиксируют составное наименование *рыба мерзлая. Да в Каргополе ж... купили мерзлые рыбы щук и лещей 589 рыб.* Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1582 – Ник. ОСХV. Но чаще всего сохраняли рыбу путем ее засолки, этим объясняется частотность таких двусловных наименований, как *рыба бочечная, рыба просольная, рыба живопресольная, рыба соленая. А с тех ловель давати им государева оброку просольные и бочечные рыбы 418 бочек белозерок.* Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1626 об.–1627. *Куплено... двѣ квашни рыбы просолной щукъ и окуней... и той рыбы квашня отдана... приказицу.* Кн. прих.-расх. Ант.-Сийск. м. 1678–1679 – АЛОИИ, ф. 5, оп. 2, № 45, л. 71 об. *А в Кириловъ монастырь давати намъ съ году на годъ... съ обжи по три бочки рыбы живопресольные, бочка щучины живопресольные.* Порядн. К.-Бел. м. 1547 – АЮ, № 176. *Куплено рыбы соленые кадочку дал четырнатцать алтнѣ.* Кн. прих.-расх. Сп.-Прил. м. 1662 – ГАВО, ф. 512, оп. 1, № 55, л. 27 об. Наконец, рыбу вялили и сушили, о чем свидетельствуют наименования: *рыба вислая, рыба сухая. А что осталось на Бѣлѣозерѣ, въ старой моей вотчине, хлеба старого и нынешнего... полотного мяса и вислые рыбы... долгъ мой заплатити в Мирзинѣ монастырь.* Дух. гр. Белоз. 1670 – АЮ № 421. *Тако жъ и съ рыбы съ сухіе, и съ вандышевь, и съ хохолковъ имати имъ съ продавца съ четырехъ с четвертей денга.* Гр. там. Белооз. 1551 – Арх. Стр. I, № 185, ст. 324.

В составе специальной лексики слова *рыба* имело и метрологическое значение: ‘штучная единица исчисления рыбы’. *В Вашики купили поледенные рыбы на монастырской обиход: головы 4108 судокон... да лещевого больших и*

меньших 1522 рыбы, да лещевого судочков 3906 рыб, да лещевого юранков 1134 рыбки. Ник., ОСХ.

В среднерусский период в феодальном хозяйстве существовали различные формы повинностей, связанные с промыслом рыбы, к числу которых относился натуральный оброк. Уже в XV в. слово *рыба* означало 'натуральный сбор за пользование рыбным угодьем'. *Ото княз(я) Михайла Ондръевич(а) къ ватаманамъ моимъ, хто поидеть на моемъ судне на Белоозеро и они бы съ неводоу съ Кириловскихъ рыбъ не имали.* Гр. Белоз. до 1480 г. – Арх. Стр. I, № 25. *А кладен оброкъ на Белозерские волости с лещих озер по старому рыбоу и за рыбу деньгами.* Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1630 об. В памятниках деловой письменности это же значение нередко выражалось при помощи составного наименования *рыба оброчная*: *А в котором году государь не велит взяти оброчные рыбы, и им давати за рыбу денгами 2 рубли.* Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1614.

Прилагательное в составе двучленного наименования могло указывать на рыболовное орудие, используемое в угодье. Например, сочетание *рыба ѣзовая* имело значение 'натуральный сбор за пользование рыбным угодьем с езом': *И им та рыба писати список опроче, а возити к Москве с оброчноу ж рыбоу с езовоу вместе и отдавати на Дворец.* Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, 1593 об.–1594. В XVI веке слово *рыба* употреблялось и с определителем, имеющим количественное значение: *рыба десятая, рыба другонатцатая, рыба пятая, рыба четвертая.* Подобного рода составные наименования имели значение 'натуральный сбор за пользование рыбным угодьем в виде определенной части улова': *Съ улова десятую рыбу со всякихъ ловцовъ съ неводчиковъ и съ харовъ и съ речныхъ заборовъ и съ переметовъ и з поездовъ.* Откуп. гр. Двин. у. 1582 – Арх. Стр. I, № 294. *А имали с того езу на царя и великого князя другонатцатую рыбу, а на митрополита 11 рыб.* Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1505 об. *Отдали на Хеченымы Костицы на тони на нев(о)д плавати из пятой рыбы.* Кн. прих. Корел. м. № 942, 7 об. 1575–1580 гг. – КДРС. *Рыбная ловля ловити на усть Унбы рѣки и въ погостѣ осмью луки четырема неводы и по ѣздами и гарвами по прежней по своей*

по рѣчной ловлѣ... давати съ той со всея рѣчные ловли с четырех неводовъ и с ѣ поездовъ и съ гаровъ четвертая рыба. Порядн. К.-Бел. м. 1577 – АЮ, № 179.

Как видим, слово *рыба* в составе лексики рыбного промысла имело несколько значений. Семантический способ номинации представляется продуктивным в старорусском языке. Его роль в развитии специальной лексики подчеркивает Г.П. Снетова: «Семантическое терминообразование связано с появлением нового лексико-семантического варианта у общеупотребительного слова, что ведет к увеличению системно организованных в семантическом плане, регулярных по своей сущности специальных наименований и целых терминологических полей» [Снетова 1988: 90].

Как было показано выше, для дифференциации специальных значений нередко использовались определители (ср., например, *рыба уловная* – *рыба оброчная*). Кроме того, за счет составных наименований достигается наиболее полное отражение отличительных признаков специального понятия: *рыба белая* – *рыба красная*. Такие оппозиции также способствовали развитию системных связей.

Следует проследить и деривационные связи анализируемого слова. Лексема *рыба*, безусловно, является ядерным термином в составе лексики рыбного промысла и в силу того, что выступает как вершина словообразовательного гнезда, в составе которого находим большое количество специальных слов. Деминутив *рыбка* имел значение ‘небольшая рыба’, о чем свидетельствуют следующие примеры: *В Вашии купили поледенные рыбы на монастырской обиход: головы 4108 судоков... да лещевого больших и меньших 1522 рыбы, да лещевого судочков 3906 рыб, да лещевого юранков 1134 рыбки.* Кн. расх. К.-Бел. м. 1581–1585 – Ник., ОСХ. *Купил у Тимофея Петрова да у Назара заица морского да семешку рыбку.* Кн. прих. Ник.-Кор. м. 1602 – ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 5, л. 41. Составной термин *белая рыбица* отмечается в значении ‘ценная промысловая рыба семейства лососевых, с серебристым телом и белым брюхом; белорыбица’. *И въ томъ же мѣстѣ... старосты и крестьяне ловятъ де рыбу бѣлые рыбицы и иную всякую на себя, ночью порою, многими поѣздами и съ лучемъ строгами.* А.

Белоз. 1677–1682 – ДАИ VII, 176. Эти примеры подтверждают мысль Ю.И. Чайкиной о том, что в структуре специального слова суффиксы субъективной оценки выражают не коннотативные семы, а семы, характерные для предметно-понятийного макрокомпонента лексического значения этих слов, в частности, указывают на размер реалии [Чайкина 2005: 123].

Многие названия лиц, связанных с рыбным промыслом, также восходят к слову *рыба*. Лексема *рыбник* в старорусской терминологии рыболовства была многозначной. В XIV–XV вв. слово *рыбник* употребляется в значении ‘смотритель княжеских, а позднее царских, казенных рыбных ловель, сборщик подати с ловцов’: *Се яз, князь Андрей Дмитриевич пожаловал есми своего старца Кирила. Что его неводы на Белеозере, коли велить ловить зиме или лете, и моим рыбником не надобе рыбное, ни их пошлыны, ни иная которая пошлына.* Гр. жал. К.-Бел. м. 1397–1427 – АСБР, № 42. *Что ходять ег<о> неводы на Белѣозерѣ, и яз ег<о> пожаловал: мои рыбники с-ыгумновых неводов и съ ег<о> люди неводов... за рыбное емлють с невода по двадцети бѣлъ.* Жал. гр. Белоз. 1476–1482 – АСБР II, № 236. Позднее памятники фиксируют у слова *рыбник* значение ‘тот, кто занимается рыбной ловлей’: *Левка Кусковъ по рѣкѣ по Сухонѣ промысль у всѣхъ рыбниковъ и у всего миру отнять... и заѣзковъ и колья бить не велить, и куромъ ставить.* Отв. Тот. 1643 – АЮБ II, 180. В старорусском языке указанная лексема имеет также значение ‘тот, кто занимается продажей рыбы’: *Анбар Максимка Никитина рыбака з Борковы, под ним 2 лавки.* Новг. лав. кн. 1585: 18 – КДРС.

В более узком значении употреблялось слово *рыболовъ* ‘тот, кто ловит рыбу, рыбац’, образованное путем сложения: *И для того устюжана и Дымковской слободы жители рыболовы въ лодкахъ надъ ѣзомъ въ тѣхъ плесахъ и ниже ѣзу поѣздами по все годы... мережами своими плавью и иными всякими ловли рыбу вылавливають.* Жал. гр. 1692, Арх. м. – Уст. II, 94.

Составные термины *рыбный ловецъ*, *рыбный промышленникъ* обозначали того, кто занимается рыбным промыслом: *И всего выезжало з Белаозера с посаду на вешнюю воду на Бело озеро рыбу ловити рыбных ловцов 63 человеки.* Ез. кн. К.-

Бел. м. 1585, л. 1610 об. *Приезжают ловить явочные ловцы Бѣлозерцы посадикие и уѣздные всякихъ чиновъ рыбные промысленики.* А. Белоз. 1673 – ДАИ VI, 277.

Прилагательное *рыбный* нередко выполняло роль терминоэлемента, благодаря которому в состав лексики рыбной ловли включались слова из административной и торговой сферы: *рыбный приказщикъ, рыбный целовальникъ, рыбный прасоль*. Начиная с XVI в. в памятниках деловой письменности фиксируются составные наименования *рыбный приказщикъ* ‘лицо, ведающее рыбными угодьями’ и *рыбный целовальникъ* ‘выборное низшее должностное лицо, контролирующее рыбный промысел’. *А записывающа те рыбные ловцы прасолы как ехать рыбу ловити, у белозерских у рыбных приказщиков.* Ез. кн. К.-Белоз. м. 1585, л. 1607 об. *И рыбному приказщику и целовальникам тех рыбных ловель с челнов и с кережек и с крюков и з багров имати государеву оброку по тому ж.* Там же, л. 1609 об. Сочетание *рыбный прасоль* в значении ‘торговец, скупщик рыбы’ находим в памятниках XVII в.: *Продано на гостинѣ дворѣ въ гдсрвѣ таможеннои вѣсѣ московским рыбным прасолом Афонасю Аврамову Нестеру Стефанову с товарицы сто девяносто девят пуд тритцат полсема фунта мнстрьские рыбы семги соленые.* Кн. прих.-расх. Он. Крест. м. 1676–1677 – РГАДА, ф. 1195, оп. 1, № 259, л. 5 об.

Прилагательное *рыбный* широко использовалось в качестве определителя и в других лексико-семантических группах: названиях рыболовных орудий (*рыбная снасть, колъ рыбный, заборъ рыбный, мережа рыбная*), рыболовецких судов (*лодка рыбная*), действий (*ловъ рыбный, ловля рыбная, ловитва рыбная, обирка рыбная*), рыболовецких угодий (*езовище рыбное, ловище рыбное, тоня рыбная*), что позволяет говорить о его высокой терминообразующей роли.

Наконец, в древнерусский период было известно субстантивированное прилагательное *рыбное* в значении ‘подать, взимаемая за рыбную ловлю’: *Се яз, князь Андрей Дмитриевич пожаловал есми своего старца Кирила. Что его неводы на Белеозере, коли велить ловить зиме или лете, и моим рыбаком не*

надобе рыбное, ни их пошлыны, ни иная которая пошлина. Гр. жал. К.-Бел. м. 1397–1427 – АСВР II, № 42.

Итак, анализ синтагматических, ассоциативно-derivационных и словообразовательных связей лексемы *рыба* показывает ее высокую терминоорганизующую роль. Выявление в составе специальной лексики подобных базовых элементов, их последующее описание, на наш взгляд, крайне важно. Подобный подход дает возможность проследить формирование и функционирование различных терминосистем, выявить у них общие и специфические черты.

Литература

Снетова Г.П. Метонимический перенос как способ терминообразования в старорусском языке. // Значение и форма слова. Калинин, 1988.

Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономазиологический аспект. // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

СЛОВО *ЛЕСЪ* В СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ СЕВЕРНОЙ РУСИ XV–XVII ВВ.

На Русском Севере с древнейших времен основным материалом для возведения жилища, хозяйственно-бытовых построек, культовых сооружений являлся лес. Заготовка леса – один из древнейших промыслов, который изначально не был закреплен за определенной профессией. По мнению исследователей деревянного зодчества, к XVII в. этот процесс был уже достаточно хорошо организован, поставлен на промышленную основу: на продажу поступали бревна, брус, тес, специально обработанные части дерева, отходы деревообработки. Н.Н. Воронин, М.Г. Милославский в качестве основных строительных материалов называют доски, бревна, дрань, скалы, тес, указывая на их особенности и размеры [Воронин, 110; Милославский, 58].

Общим названием материалов, продуктов деревообработки, использующихся как в гражданском, так и в культовом зодчестве, было слово *лѣсъ*. Рассмотрим особенности функционирования лексемы и ее дериватов в промыслово-ремесленной терминологии Северной Руси XV–XVII вв.

Общеславянское по происхождению слово *лѣсъ* первоначально обозначало «пространство, поросшее лиственными деревьями». Исторические словари фиксируют основное значение лексемы, которое сохраняется и в современном русском языке – «множество деревьев, растущих на большом пространстве; лес»: *Къ шеваленному двору хрестьяне из лѣсу вывезли дрова дал найму 4 гривны* (Кн. прих.-расх. К.-Бел. м. 1567 – Ник., OLXXXIV). *Сколко у них... в лесах бортовых ухоженъевъ и звѣриных ловель, и бобровых гонов, и перевесей* (Гр. Тот. 1687 – САСК (С), 254).

Источники XV–XVII вв. отражают общеупотребительный характер лексемы, однако в отдельных видах документов синтагматические связи слова обуславливают иной статус слова. Ряд признаков, названных прилагательными, предопределяет употребление составных наименований с главным компонентом

лѣсъ в памятниках особых жанров. Зависимый компонент-прилагательное может указывать на следующие характеристики реалии:

1) назначение: *ѣзовый лѣсъ* («участок леса, отведенный для строительства и ремонта еза») – *А к тому езу лесу езового по реке по Шексне вверх от порогу от Кривца по зимней взвозец по дороге по Быковскую в длину на 3 версты а поперег от Шексны по дороге по большую по Быковскую ж на 2 версты* (Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1560–1560 об.).

2) владельца лесных угодий: *монастырский лѣсъ*, *домовой лѣсъ* – *Будто мы на Великой рекѣ лѣс дѣлали въ их монастырском лѣсу а мы сироты лѣс дѣлали на Великой рекѣ в Софѣйском домовом лѣсу на старином мѣстѣ, гдѣ дѣлали дѣды и отцы наши* (Гр. Леж. вол. 1672–1673 – САСК (С), 181).

3) вид деревьев, их качество: *сосновый добрый ядреный лѣсъ* – *Вырубить намъ подрядчикомъ въ своемъ сосновомъ добромъ ядреномъ лѣсу гладкихъ и несукватыхъ бревень на церковное строение* (Поряdn. Вол. 1700 – ИИАО III, 281).

Такие составные наименования функционировали только в текстах, относящихся к деловой письменности. Употребление подобных сочетаний способствовало специализации лексического значения, поскольку в них были отражены признаки реалии как объекта трудовой, промысловой деятельности человека.

Данный лексико-семантический вариант послужил мотивирующей базой для образования целого ряда производных слов: *лѣсной*, *лѣший* (*полѣший*), *лѣсовати* (*полѣсовати*), *лѣсничий*, *полѣсовицкѣ*.

Рассмотрим семантику отдельных дериватов.

Глагол *лѣсовати* (*полѣсовати*) имел значение «жить в лесу с целью охоты или другого лесного промысла»: *А нашимъ бояромъ новгородскимъ и корѣльскимъ дѣтемъ и иному никому в тѣ острова не вступатися, в страдому землю, ни в пожни, ни в тоні, ни в ловища, ни црѣновъ имъ не наряжати, ни по лесомъ не лесовати* (Гр. 1479 – Сев. гр., 154). *Се купи... землю и воду и лѣсъ*

полѣший на Выгу, полѣсовати 4-ма человекомъ, ловити 4-ма человекомъ (СлРЯ XI–XVII, 16: 212).

Специальный характер производных глаголов подтверждает наличие семантически тождественного тавтологического сочетания, свойственного промыслово-ремесленной терминологии старорусского языка – лѣсы лѣсовати (ср. заборы забирати, мосты мостити и т.п.): *А противъ того попу Онтону досталоя на Лѣтнеи сторонѣ рѣка Яреньга, и на морѣ тоня рыбы ловити, и пожнѣ въ Яреньге, и озера, и лѣсы лѣсовати, и всякии угодыя, ловища, или соловарное мѣсто будетъ* (Разд. Двин. сер. XV в. – ГВНП, 234).

На второй ступени производности можно отметить существительное полѣсовицикъ – «охотник, живущий и промышляющий в лесу»: *Будет Дудина монастыря полесовицики ково поймают* (А. Новг. 1606 – АСВР, т. 3, с. 331). *У полесовициков у Федки Игнатъева, у Онуфрея Гладышева с товарищи куплена на обиход государя патриарха 1685 белок чистые.* (Кн. прих.-расх. Крест. м.) Арх. Он. 1661 г. (СлРЯ XI–XVII, 16: 212).

Анализ употребления лексемы лѣсь и ее дериватов показывает, что специализация основного значения шла по двум направлениям: на первом этапе актуализируется потенциальная сема 'объект промысла', в дальнейшем выделяется семантический признак 'место, пространство, на котором можно заниматься каким-либо промыслом'. Таким образом, слово лѣсь использовалось как элемент терминосистемы лесного, дровяного дела, производные лѣсовати (полѣсовати), полѣсовицикъ – охотничьего промысла.

Второе значение слова лѣсь, появившееся в результате метонимического переноса, – «срубленные деревья, очищенные от веток, обработанные определенным образом» (ср.: лѣсь — «срубленные деревья, очищенные от сучьев, иногда обработанные в виде брусьев, тесин»; СлРЯ XI–XVII, 8: 210).

Памятники деловой письменности XV–XVII вв. позволяют проследить процесс формирования вторичного, специального значения лексемы. На первом этапе происходит дифференциация прямого и вторичного значения в пределах контекста: *А на езовое дело лес добывают в своих лесех* (Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л.

1569 об.). Хронологические рамки источников свидетельствуют о том, что такой синкретизм семантики слова *лѣсъ* сохранялся достаточно долго, а разграничению значений способствовало появление целого ряда составных наименований: *И тес на зубцы и чешуйной лес мне, мастеру Игнатью, самому внимать в лесе* (Поряди. Дмитриевск. в. 1646 – ПРИАН, 128); *Церковной лѣсъ изъ лѣсу на монастырь вывоженъ: стенного лѣсу числом ста полчетверта* (Челоб. У.-Морж. в. 1694 – АХУ I, 114). Однако в некоторых случаях даже синтагматические связи лексемы *лѣсъ* не позволяют четко определить ее семантику: *Купили лесу валежу на 100 сажен на дрова варничные у Ондруши Слезинского дали 4 гривны* (Кн. расх. Тот. пр. 1598 – ВХК, 230). В данном случае составное наименование *лесъ валежъ* может обозначать как «участок леса с упавшими деревьями», так и «упавшие деревья».

Второй этап развития семантики слова – появление семантического признака ‘срубленные деревья’: *В октябре же месяце в разных числах на всякое строение покупка всякому лесу... куплено лесу 29 дерев, плачено 14 ал. Ратмеровской в. у Данила Афонасьева Опариных куплено лесу 35 дерев, да 35 скал, да 25 дранц, плачено за все 16 ал.* (Кн. там. УВ 1678–1679 – ТКМГ III, 245).

Актуализации данного семантического компонента способствует функционирование целого ряда составных наименований, в которых зависимое прилагательное указывает на различные признаки.

Срубленные деревья, подготовленные для строительства, обозначались с помощью составного наименования *лѣсъ готовый*: *Порядился есми язъ Софрон изъ готовово лѣсу церковь рубить собор Архистратига Михаила* (Рядн. У.-Вымь 1683 – ИИАО IV, 72).

В основе семантики составных наименований *лѣсъ мирской*, *лѣсъ подрядной*, *лѣсъ покупной*, *лѣсъ церковный* лежит мотивировочный признак ‘принадлежность, источник строительного материала’:

лѣсъ мирской – ‘срубленные деревья’ + ‘принадлежащие крестьянской общине (приобретенные на средства крестьянской общины)’: *А лес, чем*

покрывать и подруб подрубить, то мирской (Поряdn. Дмитриевск. в. 1658 – ПРИАН, 130);

лѣсъ церковный – ‘срубленные деревья’ + ‘принадлежащие церковной общине (приобретенные на средства церковной общины)’: *На тоѣ церковѣ церковного лѣсу приготовить и тоѣ церковѣ обложить и воздвигнуть* (Челобитн. Уст. у. 1682 – РГАДА, ф. 1206, оп. 1, д. 133, л. 2);

лѣсъ покупной – ‘срубленные деревья’ + ‘приобретенные за деньги (купленные)’: *И те оба анбары один с перерубом на месте гостина двора для привозных товаров и продажы устюжане Стефан Тарасов Поршевников да Иван Семенов Муромцов покупным лесом подрубали* (Кн. расх. УВ 1678–1679 – ТКМГ III, 246);

лѣсъ подрядной – ‘срубленные деревья’ + ‘заготовленные по подряду’: *А буде мы подрядчики и порутчики того лѣсу не выделаем и не поставим на срок против сей записи... а тот подрядной лѣс на нас же порутчиках* (Поряdn. Леж. Вол. 1671 – САСК (С), 164).

Вторая группа составных наименований содержит зависимый компонент-прилагательное, указывающий на размер реалии (толщину деревьев) – *лѣсъ большой, лѣсъ средней, лѣсъ тонкий, лѣсъ толстый*: *А в тот езь выходило лесу большого на колье и на не<ре>клады, и навалу 183 дерева 7 и 8 сажен... а среднего лесу на грузила и на суковатики, и на вылы 130 дерев 6 и 7 сажен* (Ез. кн. К.-Бел. м. 1585, л. 1536 об.); *Того ж числа... взято з договору толстого соснового лесу у белозерца посадского человека Петра Ширяева* (Кн. расх. Белоз. 1725 – АЛОИИ, ф. 271, оп. 2, № 399, л. 3); *Того лѣсу на строение церкви с предѣломъ купить было вскоре негде, а куплено государь самого тонкого лѣсу малое ж число* (Гр. Вол. 1698 – САСК (С), 303).

Составные наименования третьей группы характеризуют срубленные деревья с точки зрения их вида, качества – *лѣсъ бѣлый, лѣсъ еловый, лѣсъ добрый* и т.п.: *Явили варнишных дров мяндачу и белово лесу 19 плотов* (Там. кн. I, 304. 1635 г. – КДРС); *Того ж числа куплено на берегу пригонною водою сокового елового лесу* (Кн. расх. Белоз. 1725 – АЛОИИ, ф. 271, оп. 2, № 399, л. 2); *А лѣс*

намъ мастером положить доброй и не щиловатой без забели и не трупловатой. (Арх. Бог. Важ. м., № 1222. Порядн. 1699 г.).

Дальнейшая специализация значения слова *лѣсъ* обусловлена тем, что актуализируется дополнительный компонент значения – ‘обработанный особым образом, предназначенный для изготовления чего-либо’, прямо указывающий на специальный характер лексемы, ее функционирование в составе промысловоремесленной терминологии.

В связи с этим лексема *лѣсъ* используется в качестве родового наименования всех строительных материалов, это определяет сочетаемость слова – наличие обязательного зависимого компонента-конкретизатора. Существование вещественного значения (*лес* как материал для изготовления чего-либо) доказывает появление сингулятива *лѣсина* («срубленное дерево, очищенное от сучьев; бревно, тесина, брус»), зафиксированного в памятниках XVII в.: *Розобрали на Орлецѣ бережной извѣстной сарай и приплавили на Куростровъ... столбовъ и тесу и заплотъ девять сотъ лѣсинъ* (Кн. прих.-расх. Холмог. арх. д. № 103, 65 об. 1686 г.).

В севернорусской деловой письменности XVII в. лексема *лѣсъ*, обозначая родовое понятие, выступает в качестве стержневого компонента целого ряда устойчивых сочетаний: *лѣсъ храмовый, лѣсъ кровельный, лѣсъ бочешный, лѣсъ лавочный, лѣсъ нутряной, лѣсъ папертный, лѣсъ тесовый, лѣсъ бревенной* и др.

В семантической структуре данных составных наименований выделяется три семантических признака: ‘назначение реалии’, ‘способ обработки реалии’, ‘размер реалии’. Необходимо отметить, что значение того или иного сочетания может содержать как один из перечисленных компонентов, так и несколько.

Рассмотрим группу номинативных единиц, в основе семантики которых лежит мотивировочный признак ‘назначение реалии’, представив их ЛЗ в виде совокупности сем:

лѣсъ бочешный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для возведения покрытия особой формы, бочки’: *И на то полумерное строение у устюжанина у*

Филипа Корнильева куплено бочешного дубового лѣсу на 2 р. (Кн. расх. УВ 1678–1679: 254);

лѣсъ кадешный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для изготовления бондарных изделий’: Да он же, келарь, своим умыслом с нас, сирот крестьянишекъ, с наших промыслишекъ, с лѣсу кадешого і с тесу и з задаточного лѣсу и дров правит кортомы большие (Гр. Глушиц. м. 1690 – ОСВ XII, 87);

лѣсъ корабельный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для строения кораблей’: Да Тотьяна ярышки Сава Яковлев втроем на плоте плыли к Колмогорам с карабельным лесом (Там. кн. I, 121. 1634 – КДРС);

лѣсъ кровельный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для возведения кровли’: Тот ветхой кровелной и чешуйной выметной лес вывести в поле и сожечь (Пам. на челоб. Унск. Ус. 1691,2);

лѣсъ лавочный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для изготовления лавок’: Ни лѣсу сполна не дают, въ трапезу оконных закрышек, ни лавошного лѣсу’ (Явка УВ 1626: 186);

лѣсъ нутряной – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для отделки внутренних помещений’: А нам, крестьяном, церковным стеновым и нутряным лесом церковного мастера Патрикея не задержати (Порядн. Троицк. в. 1637: 416);

лѣсъ папертный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для возведения паперти’: А трапезной и папертной лѣсъ держать на трапезные дрова (Пам. на челоб. Шенкурск. 1697: 5);

лѣсъ подволочный, лѣсъ потолочный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для изготовления потолка (подволоки)’: А иніи церковнии лѣсы половые и подволочные и кровелной тесь и всякія церковныя припасы, то все готово къ церковному строению (Никол. пуст. У.-Морж. 1694 – АХУ I, 114); Вывезено бревен сто дватцет потолочного лѣсу на рѣки ж (Кн. описн. Ник.-Кор. м. 1694, 13 об.);

лѣсъ половый – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для изготовления пола’: *А иніи церковнии лѣсы половые и подволочныи и кровельной тесъ и всякія церковныя припасы, то все готово къ церковному строению* (Никол. пуст. У.-Морж. 1694 – АХУ I, 114);

лѣсъ свайный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для изготовления свай’: *Свайного лѣсу незатесаного 6000 бревень 3-хъ сажень* (ДАИ VI, 39. 1670);

лѣсъ стеной (лес стеновой) – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для возведения стен’: *Церковный лес из лѣсу на монастырь вывоженъ: стеного лѣсу числом ста пол-четверта* (Челобит. Усть-Моржегор. 1694: 114);

лѣсъ трапезный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для возведения трапезы’: *А трапезной и папертной лѣсъ держать на трапезные дрова* (Пам. на челоб. Шенкурск. 1697: 5);

лѣсъ тыновой – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для изготовления изгороди, тына’: *На куплены места купил лесу тынового и поставили назади мест тын стамой* (Кн. прих.- расх. Холмог. т. 1600 – ВХК, 247);

лѣсъ храмовый – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные особым образом’ + ‘для возведения храма (церкви)’: *И намъ, темъ крестьяномъ, лѣсъ ронить и скалы, и тес, и подскальники и всякой храмовой лѣсъ* (Дело Верхопушемск. в. 1694: 1127);

лѣсъ церковный – ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘для возведения средней, центральной части храма, церкви’: *Мѣрою лѣсъ трапезной четырех сажень...а церковный лѣсъ четырех же сажень* (Челобит. Усть-Моржегор. 1694: 114).

Второй мотивировочный признак, объединяющий ЛЗ таких составных наименований, как лѣсъ бревенной, лѣсъ тесовый, лѣсъ чешуйный и т.п., – ‘вид, способ обработки реалии, определяющий ее форму’:

лѣсъ бревенной — ‘срубленные деревья’ + ‘очищенные от сучьев и веток’;

лѣсъ желобовый — ‘срубленные деревья’ + ‘обработанные’ + ‘в виде желоба’;

лѣсъ тесовый — ‘срубленные деревья’ + ‘распиленные вдоль’ + ‘обработанные тесанием’;

лѣсъ чешуйный — ‘срубленные деревья’ + ‘распиленные на части’ + ‘обработанные в виде фигурных дощечек’.

Ср.: *А лес к тому церковному делу всякой бременной, и тес, и скалы* (Поряdn. УВ 1672: 423); *Сѣкли де лѣс всякою дрова и бревна, и столбы въ их мнстрском ободномъ лѣсу въ их роци и тесовом, желобовом лѣс за их мнстрским полем* (Арх. Карг. м., № 219, тяж. д. 1679 г. – КДРС); *А лес тесовой, тес кровельной... церковное все казенное* (Поручи. УВ 1617: 162); *И тес на зубцы и чешуйной лес мне, мастеру Игнатью самому внимать в лесе* (Поряdn. Дмитриевск. в. 1646: 126).

Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что, как правило, двукомпонентные составные наименования, где термин выступал в качестве стержневого слова, не давали полного представления о реалии, отражали лишь один из ее признаков (назначение, форма). В связи с этим возникли многокомпонентные устойчивые сочетания, где значение лексемы лѣсъ уточнялось:

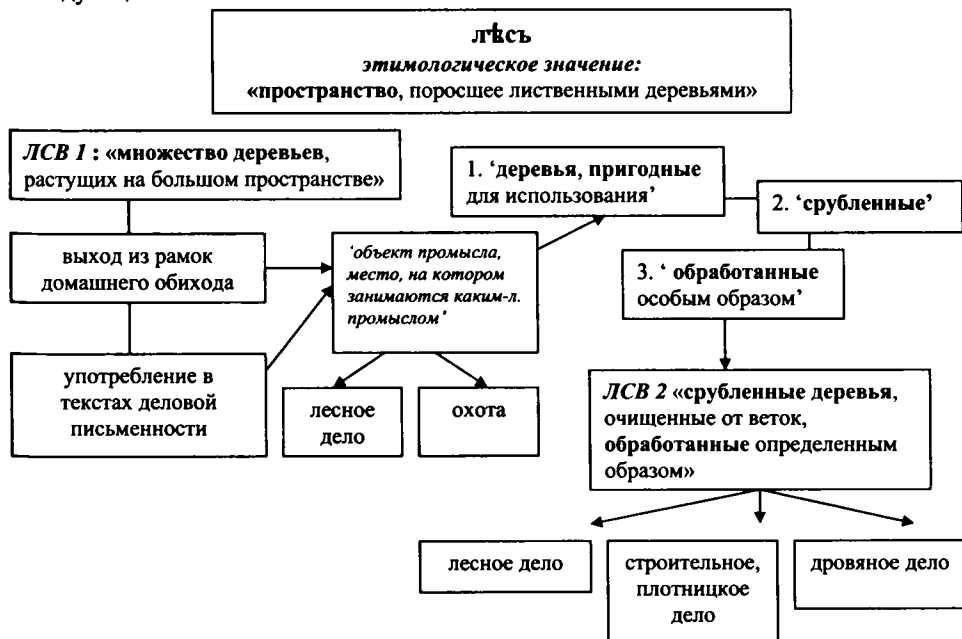
лѣсъ тесовый долгий — ‘лес’ + ‘распиленный вдоль и обработанный тесанием’ + ‘значительный по длине’ + <‘предназначенный для возведения кровли или отделки внутренних помещений’>;

лѣсъ папертный столбцовый — ‘лес’ + ‘обработанный в виде столбов’ + ‘предназначенный для устройства паперти’: *Ни лѣсу сполна не дают, ни папертного столпцового лѣсу* (Явка УВ 1626: 186);

лѣсъ кровельный тесовый саженный — ‘лес’ + ‘распиленный вдоль и обработанный тесанием’ + ‘предназначенный для устройства кровли’ + ‘длиной в сажень’: *Да темъ же старостам поставить к тому храму саженной кровельной тесовой лѣсъ* (Явка УВ 1627: 32).

Наряду с составными наименованиями *лѣсъ тесовый*, *лѣсъ чешуйный*, *лѣсъ бревенной* и т.п., для обозначения разновидностей строительного материала использовались однословные термины с тождественным обобщенно-собирательным значением: *тесъ*, *чешуя*, *бревно*. Наличие подобных вариантов обусловлено тем, что в документах XVI–XVII вв. была отражена как письменная, так и разговорная речь: составные наименования были характерны для более официальных источников (приходо-расходных, таможенных книг).

Проведенный анализ позволяет установить причины и условия специализации значения общеупотребительной лексики *лѣсъ*, особенности ее функционирования. Результаты наблюдений можно представить в виде следующей схемы:

Литература

Воронин Н.Н. Очерки по истории русского зодчества XVII–XVIII вв. – М.–Л.: ОГИЗ, 1934.

Милославский М.Г. Деревянное зодчество в России XVI–XVII вв. (по архивным материалам): Дис. канд. архитектуры.– М., 1951.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ КОРНЕВОМ ГНЕЗДЕ ГЛАГОЛА *ЛИТЬ*

Историческое корневое гнездо (ИКГ) с глагольным корнем, представленным алломорфами **-ли-* /*-лой-* /*-ле-* /*-лј-*, на протяжении всей своей истории имеет большой семантический потенциал и сложную семантическую структуру. По предварительным данным, в него входит более 700 лексем. Неотъемлемой частью данного ИКГ на всех этапах его развития является лексика, функционирующая в профессиональной сфере человеческой деятельности.

Система народной терминологии, по мнению исследователей, существовала уже в дописьменный период [Трубачев 1966]. Первым, примерно в VII–VIII в. н.э., из рамок домашнего обихода выделилось железное дело, другие же промыслы более длительный период сохраняли домашний характер. Этим фактом объясняется сложность отграничения промысловой лексики от общеупотребительных слов разговорной речи [Трубачев 1966; Чайкина 2005: 121].

В ИКГ глагола *лить* уже в праславянский период появился целый ряд лексем, которые должны быть отнесены к специальной, а именно к промысловой лексике. Все они обслуживали железное дело, а точнее ту часть этого промысла, которая была связана с литейным производством. Эти лексемы в ИКГ объединяются в единую лексико-семантическую зону «Литейное дело» (15 лексем): **liti*, **lijati* и **lěvati* ‘изготавливать из расплавленного металла’ (ЭССЯ, 15: 33: 159–161), **naliti* ‘изготовить некое количество предметов’ (ЭССЯ, 22: 176), **nalivati* ‘отливать из металла’ (ЭССЯ, 22: 175), **lěvnlъjъ* ‘связанный с литьем’ (ЭССЯ, 15: 33), **lijatelъ* ‘литейщик’ (ЭССЯ, 15: 103), **lijanjъ* и **litъje* ‘опредмеченное действие’ (ЭССЯ, 15: 103, 160), **litъje* ‘предмет из металла’ (ЭССЯ, 15: 160), **litъjъ* ‘связанный с литьем’ (ЭССЯ, 15: 160), **livъсь* ‘литейщик’

(ЭССЯ, 15: 161), **lityсь* 'литейщик' (ЭССЯ, 15: 160), **litva* и **litьba* 'собр. литейщики' (ЭССЯ, 15: 159–160).

В отличие от других ИКГ (например, ИКГ глаголов *бить*, *вить*, *брать* и др.) [Григорьева 1998; Рыбакова 2003; Рычкова 2006] в ИКГ глагола *лить* в праславянский период сформировалось только одна ЛСЗ, связанная с ремесленной терминологией. Связано это с семантическими особенностями исследуемого глагола в праславянский период. Первоначально он обозначал конкретное действие, объектом и субъектом которого являлась вода, и имел значение 'идти (о дожде)' (ЭССЯ, 15: 159). Поэтому изначально данный глагол обозначал только явления природы, процесс терминологизации его значения в этот период только начался.

Следует отметить, что значительное место в данной ЛСЗ занимает группа словообразовательных синонимов, называющих лицо по профессии (5 из 15 лексем): **lijateljь* 'литейщик', **livьсь* 'литейщик' (ЭССЯ, 15: 161), **lityсь* 'литейщик' (ЭССЯ, 15: 160), **litva* и **litьba* 'собр. литейщики' (ЭССЯ, 15: 159–160) (ЭССЯ, 15: 103). Подобная широкая вариативность номинации была характерна для данного периода в целом, что объясняется тем, что профессиональная лексика формировалась в рамках общенародной лексики и находилась в тот период в самом начале своего становления [Шкатова 1984: 38].

В древнерусский период специальная лексика уже имела общие структурные и семантические признаки [Рупосова 1993: 38]. В этот период в ИКГ глагола *лить* продолжает формироваться ряд лексико-семантических зон, функционально ограниченных профессиональной сферой. Происходит это в основном в результате специализации значения глагола *лити*. Наиболее полно отражена в исторических и диалектных лексикографических источниках по-прежнему ЛСЗ «Литейное дело», увеличившаяся в объеме по сравнению с праславянским периодом. Лексика других промыслов представлена в словарях единичными лексемами, что позволяет предположить, что связанные с ними номинативные сферы сформировались в исследуемом ИКГ только к старорусскому периоду. Исследователи отмечают, что в древнерусский период

профессиональная лексика развивается в системе общенародной и имеет народно-разговорную основу [Шкатова 1984: 38]. В данную ЛСЗ, по лексикографическим данным, входит 20 лексем, 12 из которых сохранились с праславянского периода. Также в памятниках древнерусского периода употребляется ряд лексем, которые в «Этимологическом словаре славянских языков» не реконструированы как праславянские: *лить* 'изготовленный литьем' (СДЯ, 4: 406), *лијани* 'изготовленный литьем' (СДЯ, 4: 418), *вылити* 'изготовить литьем' (СлРЯ XI–XVII, 3: 217), **перелити* 'изготовить литьем заново', *переливати* 'изготавливать литьем заново' (СлРЯ XI–XVII, 14: 256), *полити* 'переплавить несколько предметов' (СлРЯ XI–XVII, 16: 216), *поливаније* 'процесс переплавки' (СлРЯ XI–XVII, 16: 216), *слити* 'изготовить из металла' (СлРЯ XI–XVII, 25: 88), *сливати* 'соединять в плавке' (СлРЯ XI–XVII, 25: 84). Однако семантика данных лексем и тот факт, что они образованы по продуктивным уже в праславянский период словообразовательным моделям, позволяет предположить, что данные слова не являлись новообразованиями древнерусского периода, а возникли в языке гораздо раньше. Одновременно три лексемы (**lěvati*, **lěvъnъjъ*, **lityba* – ЭССЯ, 15: 33, 159–160), реконструированные в «Этимологическом словаре славянских языков», в древнерусских памятниках не фиксируется. Можно предположить, что эти лексемы действительно не сохранились в древнерусском языке, поскольку они реконструировались по данным южнославянских и западнославянских диалектов. Утрата лексемы **lityba* при сохранении ее словообразовательного синонима лексемы **litva*, вероятнее всего, вызвана постепенным разрушением синонимии по мере развития промысла, с которым связаны данные лексемы. В результате сохранился тот вариант, суффикс которого был более продуктивен для выражения значения собирательности, а именно суффикс -в (а) [Азарх 1984].

В рамках ЛСЗ продолжает сохраняться явление вариативности. Формируются три ряда словообразовательных синонимов: а) 'литейщик' – **литець*, **ливець*, *лијатель* (СлРЯ XI–XVII, 8: 261) и примыкающее к ним **литва* 'собира. литейщики'; б) 'изготовленный литьем' – *литой* (СлРЯ XI–XVII, 8: 244), *лијани* (СДЯ, 4: 418), *лить* (СДЯ, 4: 406); в) 'процесс изготовления

чего-либо из расплавленного металла' – *ли́жание* (СлРЯXI–XVII, 8: 245), *литъе* (СлРЯ XI–XVII, 8: 245). В исследуемом ИКГ увеличивается количество префиксальных глаголов, что во многом связано с развитием грамматической системы глагола, а точнее с развитием способов глагольного действия [Колесова 2006: 143]. При образовании производных от *лити* со значением 'изготавливать из расплавленного металла или воска' семантика префиксов позволяет выделить несколько групп глаголов. Префиксы *вы-* и *пере-*: *вылити* 'изготовить литьем' (СлРЯ XI–XVII, 3: 217), **перелити* и *переливати* 'изготавливать литьем заново' (СлРЯ XI–XVII, 14: 256) добавляют в значение глагола сему 'доведение действия до предела'; *по-*: *полити* 'переплавить несколько предметов' (СлРЯ XI–XVII, 16: 216) обозначает направленность действия на множество объектов одновременно или последовательно; *с-*: *сливати* 'соединять в плавке' (СлРЯ XI–XVII, 25: 84) конкретизирует действие по его цели.

Функционирование лексико-семантических зон ИКГ глагола *лити* в старорусский период протекало в условиях возникающего противопоставления книжно-письменного языка, опиравшегося на генетические славянизмы, и разговорного, собственно русского языка, на основе которого возникал деловой стиль, т. и. «приказной язык» [Чайкина 2004: 6; Камчатнов:103,120]. Большие сдвиги в общественно-экономической жизни русского общества и развитие промыслов и ремесел привели в этот период к бурному развитию профессиональной лексики [Ставшина 1982: 120]. Некоторыми исследователями даже ставится вопрос о наличии в русском литературном языке XVI–XVII в. особой функциональной разновидности – промыслово-ремесленного стиля, хотя слова, связанные с ремеслом, в этот период еще нельзя считать в полном смысле терминами [Чайкина 2004:5]. Это подтверждается и данными о развитии специальной лексики в исследуемом ИКГ глагола *лить*. Для специальной лексики старорусского периода характерна не только тесная связь с общенародным словарем, но и использование одного и того же слова в качестве термина в пределах разных терминологических систем [Снетова 1988: 66],

возникновение полифункциональных терминов [Андреева 2006], что также отмечено в ИКГ глагола *лить*.

В старорусский период в ЛСЗ «Литейное дело» сохранились все лексемы, зафиксированные на древнерусском этапе. Кроме того, для данного этапа развития языка по лексикографическим данным для этой семантической зоны восстанавливается около 40 лексем, не отмеченных ранее. С дальнейшим развитием способов глагольного действия и залоговых отношений связано появление ряда префиксальных и постфиксальных глаголов, называющих различные элементы технологического процесса: *выливати* 'изготавливать литьем' (СлРЯ XI–XVII, 3: 217; ОСВГ, 96); *облити* 'покрыть литым металлом со всех сторон или сверху' (СПЛ, 2: 287); *отлити* 'изготовить литьем' (СлРЯ XI–XVII, 13: 258); *слиться* – соединиться под влиянием температуры; расплавиться (СРГК, 6: 155); *сливатися* 'соединяться в плавке' (СлРЯ XI–XVII, 25: 85).

Также в старорусский период активизируется отглагольное именное словообразование, происходящее с помощью суффиксации [Азарх 1984]. Впервые в старорусский период зафиксирована группа лексем, образующихся по модели, характерной для лексической системы устоявшихся, играющих заметную роль в экономике промыслов [Чайкина 2005: 122]: «глагол + -ни-, -к- → существительное 'название технологического процесса'». Это лексемы *лѣяти* → *лѣяние* (СлРЯ XI–XVII, 8: 324); *выливати* → *выливка* (СлРЯ XI–XVII, 3: 217); *переливати* → *переливка* (СлРЯ XI–XVII, 14: 256); *сливати* → *сливание* 'плавка' (СлРЯ XI–XVII, 25: 84); *сливати* → *сливка* 'заливка расплавленного металла в форму' (СлРЯ XI–XVII, 25: 85). К этой группе примыкают лексемы *вылити* → *вылитие* и *выливати* → *выливъ* 'процесс' (СлРЯ XI–XVII, 3: 217–218), образованные от глаголов с помощью суффикса -тиj- и безаффиксным способом.

Следующая группа отглагольных суффиксальных существительных называет литейное оборудование или его отдельные части: *левок* (СРНГ, 16: 308), *литница* (СРНГ, 17: 72), *лѣяк* (СРНГ, 17: 232), *лѣяло* и *лѣяница* (СлРЯ XI–XVII, 8: 324) – 'форма для отливки'; *литище* и *литка* 'отверстие для заливки металла в

изложницу' (СРНГ, 17: 72); *литушная (ложка)* 'ковш для разливания стали' (СПЛ, 2: 181); *литник* 'излишек чугуна после заполнения формы' (СРНГ, 17: 72). В данную группу входит целый ряд словообразовательных синонимов, что также характерно для данного периода [Чайкина 2005].

В ЛСЗ «Литейное дело» также выделяются еще две группы лексем, состоящие в основном из словообразовательных синонимов. Отглагольные прилагательные со значением 'относящийся к литью, изготовленный с его помощью': *литий* (СлРЯ XI–XVII, 8: 243), *лиятельный* (СлРЯ XI–XVII, 8: 261), *литейный* (СлРЯ XI–XVII, 8: 242), *лялый* (СлРЯ XI–XVII, 8: 324), *отливной* (СлРЯ XI–XVII, 13: 258), *слитой* (СРНГ, 38: 285). Группа отглагольных существительных, называющих результат технологического процесса, распадается на два синонимических ряда: а) 'кусоч металла' – *слитокъ* (СлРЯ XI–XVII, 25: 88), *сливокъ* (СлРЯ XI–XVII, 25: 85), *слитыи* (СРНГ, 38: 286), *слитух* (СРНГ, 38: 286); и б) 'бабка со свинцом' – *литок* (СРНГ, 17: 73), *литка* (СРНГ, 17: 72), *налитка* (СРНГ, 20: 18), *налиток*, *налитушка* и *налитик* (СРНГ, 20: 18). К этой группе примыкают лексемы *наливень* 'арাপник с рукоятью, залитой свинцом' (СРНГ, 20: 15) и *литушка* 'рыбка – наживка из меди' (СРНГ, 17: 74), также называющие результат технологического процесса.

Значительное увеличение объема ЛСЗ «Литейное дело» по сравнению с древнерусским периодом происходит в основном за счет развития словообразовательной синонимии. Можно также предположить, что рост количества лексем, отмеченных словарями, вызван экстралингвистическими факторами, к которым можно отнести развитие ремесла. Это вело к усложнению технологического процесса, появлению нового оборудования, развитию более детализированной номинации действий, предметов и явлений, связанных с литейным делом. Кроме того, возможно, что увеличение количества зафиксированных лексем вызвано изменением языковой ситуации. Рост количества текстов, относящихся к промыслово-ремесленному стилю, привел к тому, что ряд лексем, ранее функционировавших только в устной речи, оказался зафиксирован в памятниках письменности, а затем и в словарях. Окончательное

решение данного вопроса требует дополнительных исследований по истории развития литейного дела и анализа археологических данных.

В старорусский период появился ряд ЛСЗ, которых, судя по лексикографическим данным, не было на более ранних этапах развития языка.

ЛСЗ «Водоснабжение» (13 лексем) включает в себя значительное количество (8 лексем) сложных слов с компонентом -вод-. В данной ЛСЗ также проявляется явление вариативности. За счет параллельного словообразования от разных основ формируется синонимический ряд прилагательных со значением 'служащий для подачи или слива воды': *водоливный* (СлРЯ XI–XVII, 2: 256), *взливной* и *возливной* (СлРЯ XI–XVII, 2: 250: 292), *водовъзливный* (СлРЯ XI–XVII, 2: 254), *выливной* и *сливной* (СлРЯ XI–XVII, 3: 219; 25: 85), *водолёйный* (СлРЯ XI–XVII, 2: 256). Многозначная лексема *водоливъ* 'тот, кто занят поливом; приспособление для откачивания воды' (СПЛ, 1: 93) в разных своих значениях вступает в синонимические отношения с лексемами *водолёй* 'тот, кто занят поливом' (СлРЯ XI–XVII, 2: 255) и **водовъзливъ* 'приспособление для полива'. Кроме того, в ЛСЗ входят три лексемы, не являющиеся частью синонимических рядов: *водолитье* 'наполнение чего-нибудь водой, снабжение водой' (СПЛ, 1: 93), *ляляло* 'желобной водопровод' (СлРЯ XI–XVII, 8: 324) и *водолёйский* 'принадлежащий водолею' (СлРЯ XI–XVII, 2: 256).

ЛСЗ «Гончарный промысел» (7 лексем). Все лексемы, входящие в данную ЛСЗ, производны от глагола *поливать* 'покрывать глазурью' (СРНГ, 29: 69) и образованы суффиксальным способом. Основную часть ЛСЗ составляет ряд словообразовательных синонимов со значением 'сосуд, покрытый глазурью': *поливенка*, *поливан*, *поливанка* и *поливка* (СРНГ, 29: 70). От того же глагола безаффиксным способом образуется лексема *полив* 'глазурь' (СРНГ, 29: 70), а с помощью суффикса -ян- – лексема *поливяный* 'глазурованный' (СРНГ, 29: 70).

ЛСЗ «Ювелирное дело» (6 лексем) состоит из двух синонимических рядов, первый из которых сформировался за счет словообразовательной синонимии, а второй – благодаря параллельному словообразованию от разных основ. Лексемы со значением 'стекло, подделанное под драгоценный камень':

льянец (СПЛ, 2: 24), *льянский камень*, *литик* и *ляник* (СлРЯ XI–XVII, 8: 324). И лексемы со значением ‘литой из стекла’: *лянный* (СлРЯ XI–XVII, 8: 324) и *литой* (СлРЯ XI–XVII, 8: 244).

ЛСЗ «Соляной промысел» (6 лексем). Все лексемы данной ЛСЗ зафиксированы в «Словаре промысловой лексики», что свидетельствует о распространенности данного промысла на Русском Севере. Две лексемы в ЛСЗ называют действия в технологическом процессе: *нали́ти* ‘наполнить солевым раствором’ (СПЛ, 1: 113), *вылива́ти* ‘выливать, вычерпывать соляной раствор’ (СлРЯ XI–XVII, 3: 217; СПЛ, 1: 113). Группа лексем, в которую входит синонимический ряд, называет различных работников варницы: *выливи́щикъ* ‘тот, кто работает на сливе в варнице’ (СПЛ, 1: 113), *водоли́въ* и *водоле́й* ‘работник, носящий соляной раствор из колодца в варницу’ (СПЛ, 1: 92, 93). И, наконец, одна лексема называет технологический процесс: *выливка́* ‘слив и плата за него’ (СПЛ, 1: 113).

Для лексико-семантической системы старорусского языка по-прежнему характерна вариативность. Причин несколько: близость промыслово-ремесленной лексики к общеупотребительной, отсутствие в тот период письменной закреплённости терминов, недостаточная грамотность писцов, нахождение ряда промысловых лексических терминов пока еще в процессе становления [Чайкина 2005: 126]. Возникает же вариативность в основном за счет словообразовательной синонимии и параллельного словообразования от разных производящих основ.

В лексической системе промыслов, находящихся на более высокой стадии развития, варианты немногочисленны. В соляном деле, например, варианты *водоле́й* – *водоли́въ* связаны с употреблением разных лексем на различных территориях Русского Севера [Чайкина 2005: 126]. В литейном деле количество вариантов названия лица по профессии уменьшается с пяти до трех: *лите́ц* (СлРЯ XI–XVII, 8: 242), *ли́жатель* (СлРЯ XI–XVII, 8: 261), к которым примыкает *литва́* ‘собир. литейщики’ (СРНГ, 17: 71).

Таким образом, начиная с праславянского периода в ИКГ глагола *лить* продолжается формирование и развитие нескольких групп специальной лексики,

связанных с различными промыслами и ремеслами. При этом в развитие ИКГ глагола *лить* прослеживается несколько тенденций.

Во-первых, увеличивается количество лексем. Это явление может быть связано как с развитием промыслов и появлением новых объектов номинации, так и с тем, что лексемы, функционировавшие в устной речи, проникают в памятники письменности, а следовательно и фиксируются в словарях, только к старорусскому периоду.

Во-вторых, постепенно развивается полисемия и полифункциональность ряда лексем, которые могут соотноситься с разными промыслами и ремеслами, например: *выливка* 'процесс изготовления из расплавленного металла' (СлРЯ XI–XVII, 3: 217) в литейном деле и *выливка* 'слив и плата за него' (СПЛ, 1: 113) в солеварении; *налити* 'много изготовить литьем' (СРЯ, 10: 135) и *налити* 'наполнить солевым раствором' (СПЛ, 1: 113); *водоливь* (СПЛ, 1: 93) и *водолёй* 'тот, кто занят поливом' (СлРЯ XI–XVII, 2: 255) в водоснабжении и *водоливь* и *водолей* 'работник, носящий соляной раствор из колодца в варницу' (СПЛ, 1: 92, 93) и другие.

В-третьих, с развитием ряда промыслов, таких как соляное и литейное дело в соответствующей им профессиональной лексике происходит сокращение вариативности и усиление детализации в наименовании различных реалий.

В-четвертых, в ИКГ глагола *лить* зафиксировано всего 5 лексико-семантических зон, включающих в себя профессиональную лексику, тогда как, например, в ИКГ глагола *брать* таких ЛСЗ 12 [Рыбакова 2003]. Это связано с менее разветвленной семантикой глагола *лить*. В ИКГ глагола *брать* лексемы, относящиеся к профессиональной лексике, образуются от 14 значений исходного глагола и его производных [Рыбакова 2003], а в ИКГ глагола *лить* большая часть специальной лексики опирается на первое значение данного глагола 'заставлять течь некую жидкость' (ЭССЯ, 15: 159). Исключение составляют ЛСЗ «Литейное дело» и «Ювелирное дело», опирающиеся на значение 'изготавливать из расплавленного вещества' (ЭССЯ, 15: 159).

Литература

Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М.: Наука, 1984.

Андреева Е.П. Полифункциональные термины в составе специальной лексики (по страницам «Словаря промысловой лексики северной Руси XV–XVII веков») // Проблемы текста: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Вологда, 2006. С. 33–37.

Григорьева М.Н. Эволюция корневого гнезда би(ть) в русском языке // Сборник научных трудов студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 6. Вологда, 1998. С.39–53.

Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI–первая половина XIX в. М., 2005.

Колесова И.Е. Развитие словообразовательно характеризованных способов глагольного действия и категории вида в историческом корневом гнезде глагола *лити* // Словообразовательные и грамматические категории в языке и речи: Сб. статей / Научн. ред. Г.В.Судаков. Вологда: «Русь», 2006. С. 134–145.

Рупосова Л.П. Статус специальной лексики в русском языке XI – XVII вв // Русская историческая лексикология и лексикография. Красноярск, 1993. С. 38.

Рыбакова И.Ю. Процессы гнездообразования и семообразования в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем *-*ber-*. Дисс....канд. фил. наук. Вологда, 2003.

Рычкова И.А. Процессы гнездообразования в историческом корневом гнезде глагола *вить* // Проблемы текста: Материалы научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачева. Вологда, 2006.

Снетова Г.П. Функциональные особенности старорусского термина // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка. Вологда, 1988. С. 66–68.

Ставишина Н.А. Профессиональная лексика в деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI–XVII в. // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982. С.120–129.

Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.

Чайкина Ю.И. «Роспись трубного дела» как один из памятников промыслово-ремесленного стиля русского литературного языка XV–XVII в. // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вып. 2. Вологда, 2004. С. 5–14.

Чайкина Ю.И. Промысловая (ремесленная) лексика в старорусском языке: ономаσιологический аспект // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005. С. 120–127.

Шкатова Л.А. Развитие ономаσιологических структур. Иркутск, 1984.

Сокращения

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / Отв. ред. В.А.Бердинских. Вып. 2. Киров, 1997.

СДЯ – Словарь древнерусского языка: в 10 т./ Под ред. Р.И.Аванесова.Т.1–5. М., 1988–2002.

СПЛ – Словарь промысловой лексики северной Руси XV–XVII веков /Ред. Ю.И.Чайкина. Вып. 1–2. СПб., 2003–2005.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С.Герд. Вып.1–6. СПб, 1994–2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П.Филин (Т.1–21); Ф.П. Сороколетов (Т.22–38). Л., СПб, 1965–2004.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г.Бархударов. Т. 1–26. М., 1975–2002.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н.Трубачева. Вып.1–30. М., 1974–2003.

МЕТОДИКА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ОПИСНОЙ КНИГИ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ 1602 ГОДА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Исследование языковой картины мира северного крестьянина на материале памятников деловой письменности Подвижня XVI – XVII вв.» № 07-04-00188 а.

Описные книги церковного и монастырского имущества – это жанр деловой письменности, предназначенный для сохранения и передачи сведений имущественного порядка содержания храмового комплекса, являющийся свидетельством культурных и языковых реалий определенного временного периода.

С целью реконструкции фрагментов языковой картины мира писца (на материале описной книги Николо-Корельского монастыря) нами была разработана методика лингвокультурологического исследования. Рассмотрим этапы лингвокультурологической обработки (на примере фрагментов текста описной книги Николо-Корельского монастыря 1602 г.).

1. Сбор и первоначальная обработка лингвистического материала.

Данный этап предполагает первое чтение и обработку документа, при этом соблюдаются следующие знаковые правила передачи текста:

текст передаётся современным гражданским шрифтом с заменой отсутствующих в современном алфавите букв по уже установившейся традиции научных публикаций, выносные буквы выделяются курсивом, самостоятельные слова (при условии их слитного написания в тексте) разделяются знаком – «___», буквенные обозначения цифр остаются без изменения:

«Лѣта зрі марта в дин пѣ_госрву црсу і_великого кнѣ Бориса Федоровича
всяя русіи указу и по_грамотѣ и_по_приказу Родиѣна Власевича Всеволодцкогo»
[Описная книга 1602: 1].

2. Поиск маркированных номинаций на основе сопоставления равных по смыслу лингвистических конструкций (далее – ЛК), отступлений от канона описной книги (ср. контексты одного документа); при перечислении церковных книг производится запись:

а) «служебник в_полдестъ в нѣмъ_всвещение_водѣ **другои** в_полдестъ святцы в_нѣмъ» [Описная книга 1602: 10 об.],

б) «служебник писан **скорописию**» [Описная книга 1602: 12].

Случай в примере А – явление метаинформационной маркированности, т.к. здесь наблюдается зависимость структуры номинации от условий коммуникации (номинация – «**другои**» – подразумевается «служебник»: на это указывает дублирование формулы «в_полдестъ в нѣмъ_всвещение_водѣ», ср. «в_полдестъ святцы в_нѣмъ» и очередность перечисления).

При сопоставлении примера А с примером Б становится очевидным факт присутствия языковой личности: составитель описи, опуская «должную» информацию (размер, содержание – о чём?), фиксирует своё знание о том, что написана книга (как?) скорописью: «служебник *писан скорописию*».

3. Выявление причины либо основание подобного выделения ЛК, отступления от канона описи.

Рассмотрим один из контекстов 25 листа описной книги, в котором содержится перечисление столовых приборов, посуды, предметов из короба:

«вловяных __блюд вловяных __бумаги Александрийской __дести два блюда ценинных двѣ чашки вловяных солоница рвсолник шандан стопка фляшка вловяная нвуженки мѣдные крушка перешница укѣсница **игот чем перец трут**».

Интересны следующие факты:

а) писец делает пояснение при фиксации предмета: «**игот чем перец трут**», несмотря на монофункциональность данного предмета, т. е. он предполагает, что его могут не понять, осознаёт то, что это малознакомая вещь (возможно, редкая в обиходе). Подобная конструкция с пояснением встретилась на листе 8, здесь также формулируется назначение вещи:

«стихαρ поповскои крашениной дырчат» [Описная книга 1602: 15];

2) выявление особых примет церковных книг, что дает основание полагать, что писец владел знанием языка печатного дела:

«книга Василеи великии три_Пролога книга йсуси рахов д лѣствицы вдна с_толкованиємъ Семиwn_новии бгослвѣ» [Описная книга 1602: 11];

«псалтыр налоіная в_дестъ писана болшим писмом псалтыр в_полдестъ псалтыр без_избранных псалмовъ» [Описная книга 1602: 10];

3) преодоление тезоимённости (различение фиксируется с помощью употребления прозвищ): «Федор Глухой / Федор Тархов» [Описная книга 1602: 22], «старец Сергѣи Собачкин / старец Сергей Семянұха», «старец Васян Тұрышка / старец Васян Миронов» [Описная книга 1602: 21].

На примере данного источника мы рассмотрели содержание этапов лингвокультурологического анализа (в рамках заявленной методики) и выяснили, что роль языковой личности состоит не только в передаче сообщения, но (как свидетельствуют фрагменты текста описной книги) в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Языковая картина мира «аккумулирует» лингвокультурологическую информацию и фиксирует ее отражение в сознании создателя текста.

Сокращения

Описная книга 1602 – Описные книги Николо-Корельского монастыря 1602 года // ГААО, ф. 191, оп. 1, д. 6, л. 68.

ИСТОРИЯ ДИАЛЕКТНОГО МЕТРОЛОГИЧЕСКОГО ТЕРМИНА *РУ'ЖНИЦА*

Лексикограф никогда не может быть уверен в исчерпывающей полноте зафиксированного им диалектного материала. Рано или поздно в поле зрения исследователя появляется новое, ранее не записанное слово. Желание сохранить факт его существования весьма соблазнительно, ибо даже одна лексическая единица в её истории в русском языке представляет собой достаточно интересный объект исследования [1].

В 2005 году в беседах с неграмотной девяностолетней собеседницей Прасковьей Михайловной Огарковой (здесь указание на возраст жительницы д. Наволок Кичменгско-Городецкого района Вологодской области – дань её прекрасной физической и интеллектуальной форме и гарантия достоверности) прозвучало новое для нас и ранее неизвестное составителям Словаря вологодских говоров [2] наименование *ру'жница*.

Методика словарной диалектологической работы требует в таком случае проверки слова по нормативным словарям русского литературного языка. Что же в них обнаруживается? В Словаре русского языка С. И. Ожегова [3], Словаре русского языка в 4 томах [4], в Словаре современного русского литературного языка [5], в Толковом словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова [6] слово не зафиксировано. Лишь в Словаре современного русского литературного языка (далее – ССРЛЯ) с пометой «устаревшее» приводятся слова *руга* ‘средства, отпускавшиеся государством на содержание церковного причта; особая плата (хлебом и другими продуктами) в сельских церквях, собираемая иногда прихожанами, заключавшими с причтом договоры’ [5, т. 12: 1514], и *ружный* ‘относящийся к руге, содержащийся на ругу’ [5, т. 12: 1525]. Других слов с этим корнем в ССРЛЯ нет. Уместно предположение о том, что интересующее нас слово *ружница*, ввиду его отсутствия в нормативных словарях, является диалектным.

Обращение к сводному Словарю русских народных говоров (далее – СРНГ) [7] подтверждает это предположение и, более того, демонстрирует узкодиалектный характер слова единственным и именно вологодским примером: Ружница, ж. Кадка для сбора руги (денег или продуктов для содержания церковного причта). *В Великий пост они собирали ругу хлебом, именно с дома две ружницы (кадь, которую поп сам таскает). В обе ружницы уходит пять пудов овса и ржи.* Никол. Волог. 1899 [7, вып. 35, 237]. Если с разницей более чем в 100 лет на сопредельных территориях Кичменгско-Городецкого и Никольского районов Вологодской области регистрируется одно и то же отсутствующее в словарях литературного языка наименование, то в нашем распоряжении действительно оказывается ещё одно диалектное слово. Отметим попутно неточность, приблизительность толкования значения слова в СРНГ, где оно подаётся как ‘кадка для сбора руги (*денег или продуктов*)’ (курсив наш – Л. З.) для содержания церковного причта’ [7, вып. 35, 237]. Нижеследующие наши материалы убеждают, что не *деньги*, не *продукты*, а только *зерно* отмерялось *ружницей*.

Обратимся к магнитофонной записи, сделанной во время беседы с информантом П. М. Огарковой: *Поп ходиУ собираУ в великое говиньё. Насыпали в эту ру́жницу ржи. Такая деревянная кадоцька. Ёму носили – он к одному приставаУ хозяину. К ёму и несут ру́жницу. У ёго своя ру́жница, он со своёй ру́жницей издиУ. Это как мера, которую нужно ёму насыпать. А если как у кого мало хлеба, дак: – Ой, батюшко, у мян мало хлибця ши Ъко. – Ну дак полру́жници насыпали* (К-Г. Наволок). В записанном монологе актуализируется метрологическое значение слова – ‘небольшая кадка, используемая как мера для измерения зерновых при расчёте со священником’. Эти контексты, во-видимому, будут учтены при составлении словарной статьи ко второму, дополненному изданию Словаря вологодских говоров.

П. М. Огаркова дала нам и достаточно подробное описание самого предмета: *Из дерева, как кадоцька. Обруцьа сделаны, эдак руцецьки. С крышецькёй. Примерно такая ростом* (показывается от пола примерная высота

стандартного ведра). *Пуда полтора, наверно. А ру'жници ведь делали свои, кадоцькя дак. По-моему, из сосны всё делали, она легче. У батюшков толькё ру'жници, а так не говорили* (К-Г. Наволок). В последнем предложении заключается рефлексив, оценивающий сферу употребления слова: не всякая кадо́чка будет так названа, а лишь та, которая служит мерой при расчёте со священником.

В другой ситуации звучит практически аналогичный рассказ того же информанта: *И'м-то <попам> весно'й (не просто весной, а перед Пасхой – Л. З.) дак по ру'жницам ржи дава'ли. Ру'жници-ти? А полумера. А такая с витушечек сделана, больше ведёрушка, больше пуда туда – полтора. Деревянная, типа кадо́чки маленькёй. Они с ру'жницам и ездили. – Мало у меня. – Ну дак и не полну ру'жницу надо. – Уступали они, жалели* (К-Г. Наволок). По-видимому, употребление слова не случайно. Повторение его в разновременных, но однотипных контекстах свидетельствует, что оно, скорее всего, было привычным в обиходе священнослужителей и прихожан церкви на этой территории. Можно, таким образом, положительно решить вопрос о терминологическом употреблении данного слова. Представляется, что это термин из церковного обихода. Поскольку у договора об оплате услуг священнослужителей была и вторая сторона, это слово знали и многочисленные верующие люди.

Попытка установить ареал бытования лексемы *ружница* показывает северо-восточную зону распространения лишь его производных: слова *ружн'ый, ружить, ружник* встречаются в восточной части Вологодской, а также в Кировской области (слова сопровождаются пометами волог., ярен., вят.) [7, вып. 35, 237]. Но в Словаре областного вологодского наречия П. А. Дилакторского нет слов *руга, ружить, ружник, ружн'ый, ружница* [8]. По-видимому, последнее слово могло просто не попасть в поле зрения наблюдателей или, будучи связанным с церковной сферой, во время сбора материала для словаря не осознавалось как местное, диалектное.

По данным нашего постоянного информанта А. С. Пашковой, родившейся и выросшей в д. Дундуково Ежезерского сельсовета, расположенного на западе

современной Вологодской области Вытегорского района, слово *ру́жница* там не употреблялось, но труд священников именно так, т. е. *ругой* (хотя этого слова там тоже не знали) и оплачивался, а мерой измерения была кадка, называемая *малёнкой*: *Они ходили по домам – зайдут в каждую избу. Там, кроме малёнки, готовят ещё решето яиц. Малёнка примерно три пузак. Малёнка из луба, килограмм шестнадцать. Пузак берестяной. Лубяные быстро ломаются. Большие малёнки только какая-то государственная мера* (Вытег. Еезеро). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей, охватывающий эту территорию, действительно не даёт слова *ружница*, но фиксирует слово *малёнка*, одно из значений которого – ‘сосуд для измерения сыпучих тел емкостью около пуда’ (Вашк., Вытег., Пуд. и др.). В этом словаре приводятся и другие, связанные с метрологией наименования: *малёночка, малёночный* ‘вмещающий около пуда’ [9, т. 3, 190].

Отголоски бытования в русских народных говорах слов гнезда с корнем *руг-* / *руж-* обнаруживаем лишь в немногих лексикографических материалах. Так, кроме сведений, почерпнутых из СРНГ, информацию находим в Словаре областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении Г. Куликовского: *Руга* (вытег.) – ‘плата пастуху, церковному причту’. Заметим, что появляется нюанс в значении – плата не только церковному причту, но и пастуху. Иллюстрации из разговорной речи в словарной статье этого словаря нет, но приводится поговорка: *Однажды ряжено – одна и руга*. Поговорка означает, что, если люди о чём-либо условились, назначать другую плату уже нехорошо, не принято [10, 102]. Глагол *ружить* в Заонежье и близ Петрозаводска, по данным этого словаря, означает ‘давать ругу’: *Большухи, ружьте-ко батюшка* [10, 102]. В этом предложении проявляется значение ‘оплачивать, вознаграждать за проделанную работу’. По данным Словаря областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении А. О. Подвысоцкого, слово *руга* известно архангельским говорам [11, т. 3, 512]. В Словаре говоров Соликамского района Пермской области с пометой «устаревшее» слово *руга* приводится в значении ‘сбор с прихожан, который делали в дореволюционной России’: *Поп два*

раза ругу собирал; в велико говеньё с постной молитвой ходил: четверуху зерна вынесёт кто, дак хорошо, он тебя оградит [12, 548].

В Ярославском областном словаре слов *руга*, *ружница* нет, а приводимое прилагательное *ру́жный* 'о представительном, солидном человеке' является омонимом к *ружный* 'содержащийся на руге': *Девка ружная видом-ту.* [13, 1989, 138]. Но в этом же словаре подаётся многозначное слово *малёнка* с интересующим нас спектром значений: 1. Корзина, используемая как мера сыпучих веществ (зерна, картофеля и пр.), объем которой равен четверику. // Любая емкость как мера сыпучих. 2. Корзинка для грибов. 3. Количество сыпучего вещества, равное четверику (или около четверика). // Количество сыпучего вещества, равное одному пуду. // Подать в размере полутора пудов ржи и пуда овса, собираемая с каждой семьи в пользу церковного причта. // Мера льносемени (какая?) [13, 1987, 29–30].

В Словаре орловских говоров нет ни слов *малёнка*, *ружница*, ни слова *руга*, ни других слов с корнем *руж-* [14]. Не исключено, что этими словами реалии назывались только на севере. Возможно также, что *ружные*, т. е. содержащиеся на *руге* храмы были распространены не повсеместно. По замечанию В. И. Даля, *ружная церковь* – это 'церковь без земли (курсив наш – Л. З.), на руге' [15, т. 4, 108]. Служители «ружных» приходских церквей в качестве источника доходов имели ругу, т.е. получали особое годовое содержание деньгами и хлебом. В одних случаях ругой был обеспечен весь клир храма, в других – часть клира (иногда только священник). По данным монографии «Русское православие. Вехи истории», только в Вологде ругу получали 13 приходских церквей [16, 162]. Суздальский Покровский монастырь, например, в 1620-х годах с каждой выти (условной податной единицы, раскладывающейся по семьям – тяглам) брал ежегодно «по 200 яиц, 0,5 пуда масла, овчину, 0,5 четверти хмеля, 0,25 четверти конопля, сажень дров..., на три праздника ... по хлебу и сыру, два раза по хлебу и лытке мяса, а также куряти и поярка (ягнёнка) или деньгами» [16, 541].

Любопытным продолжением истории слов рассматриваемого гнезда является зафиксированный в вологодских говорах факт переосмысления слова

руга. По данным наших информантов, в Бабушкинском районе Вологодской области записано выражение *ругу' собира'ть*, что в святочном обряде означает 'ходить ряжеными по домам, желая хозяевам добра и богатства и в награду за это получая подарки, пироги, хлеб, зерно и т. д.': *В Рождество по домам ругу' собирали: жито, хлеб, писни пели* (Бабушк. Васильево). По-видимому, в святочном обряде фразеологическое единство *ругу' собира'ть* употребляется по аналогии действия ряженных с действием служащих церкви, но совершенно безотносительно к оплате труда священника. Затемнение первоначального смысла поддерживается ещё и передвижкой ударения: *ру'га – руга'*.

Итак, на западе Вологодской области *ругу*, т. е. зерно, предназначенное для расчётов со священником, насыпали в *малёнки*. В говорах востока Вологодской области зерно отмерялось *ру'жницей*, а это уже узколокальное наименование вместилца для измерения сыпучих. Слово *малёнка* как метрологическая единица уже давно учтено лексикографами. В этом убеждают и материалы Словаря промысловой лексики Северной Руси XV–XVII в.в. под ред. Ю. И. Чайкиной: *Маленка, ж. Метрол. Единица измерения сыпучих тел в Белозерском уезде (обычно равная общерусскому четверику). Взяла за дело пять маленок ячмени. Росп. Чер. Воскр. м. 1721; Дал вкладом четверть маленки ржи. Кн. вкл. К. Новоезер. м. нач. XVIII в. [17, вып. 2: 193–194].*

Слово *ружница* в Картотеке Словаря промысловой лексики XV – XVII вв., хранящейся на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета, отсутствует. В отношении метрологической лексики названная картотека близка к исчерпывающей, поскольку в её состав влилась, помимо всех расписанных источников [17, вып. 1: 13–18], и картотека диссертационного исследования О. И. Новосёловой «Метрологическая лексика Русского Севера XVI–XVII вв. (по материалам деловой письменности Подвинья)» [18]. Картотека Словаря промысловой лексики XV – XVII вв. содержит лишь одну карточку на производное слово *ружной*: *Строение было государево, храм ружной* (Дозорн. кн. г. Белоозера. 1617–1618 гг., 39). Слов *руга*, *ружить*, *ружница* в картотеке нет. Но факт наличия слова *ружной*, т. е. 'содержащийся на *руге* (о

храме, церковном причте)’, является свидетельством того, что именно так в Белозерском крае и была организована оплата труда церковного причта. Таким образом, можно предполагать существование в это время и слова *ружница*.

Перейдём к обзору сведений, полученных из исторических словарей. Словарь старославянского языка, составленный по рукописям X – XI вв., не включает ни одного из перечисленных слов [19]. Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского фиксируют слово *руга* ‘жалованье на содержание церковного причта’, начиная с переводного текста Хроники Георгия Амартола вплоть до 1359 года (Дух. Ив. Ив.); слова *руга*, *ружный*, *ружить* прослеживаются до 1794 года (Алексеев. Церк. слов.) [20, т. 3, 184–185]. Словарь русского языка XI–XVII вв., не фиксируя слова *ружница*, приводит один из трёх омонимов *руга* со значением ‘плата, вознаграждение, жалованье’, а также родственные слова *ружати*, *ружити*, *ружник*, *ружный* [21, вып. 22: 231, 236–237]. Убедительны в этом словаре северные примеры: *И намъ, волостнымъ старостамъ и цѣловальникомъ, во всѣхъ крестьянъ мѣсто Устюжскаго уѣзда и впредь въ Архангельской монастырь архимандриту... съ братьею... руга давати по прежнему, по два алтына съ сохи на всякой годъ..., чтобы у того храму священнику и диячку и всѣму крылосу прокормитися было мочно* (Акты Уст., 1, 96, 1592 г.) [21, вып. 22, 231].

Полный церковно-славянский словарь, составленный протоиерем Г. Дьяченко, даёт, сопровождая необходимой информацией, лексемы *руга* и *ружить*: *Руга* – содержание приходского клира в Греции и в древней России. Она выдавалась и деньгами, и натурою; от жалованья отличалась тем, что изменялась, смотря по ценности съестных припасов. *Руга* выдавалась или из казны, или из царских доходов, или от помещиков и была средством содержания тех причтов, которые не имели ни земель, ни платы за требы. *Руга* происходит от греческого *ροῦζα*, т. е. ‘житница’, ибо *ругу* получали отсыпным, или от греч. *riga*, т. е. ‘плата’. *Ружити* – ‘содержать на *руге* кого, давать кому для содержания деньги и хлеб’ (Духовн. Регл., 25) [22, 558–559]. Слова *ружница* в этом словаре нет.

Этимологический словарь Макса Фасмера возводит слово *руга* к средневековому греческому слову *ροῦγα*, происшедшему от позднелатинского *ruga* ‘дарение, жалование’ [11, т. 3, 512]. Однако в Латинско-русском словаре И. Х. Дворецкого, самом полном к настоящему времени словаре латинского языка, слова *ruga* нет [23]. Значит, оно действительно возникает уже в связи с распространением христианства, причём является производным от латинского глагола *rogo, rogare* ‘просить, испрашивать’ [23, 674]. Это происходит в достаточно позднюю эпоху. Затем слово попадает в средневековый греческий язык, из него – с церковнославянскими переводами – в древнерусский и сербоцерковнославянский языки [11, т. 3, 512]. К XVII веку в русском языке слово обрывает производными, в том числе – словами *ружный, ружить* и локализованным в своём употреблении словом *ружница*. Слово *руга* сохраняется в белорусском и украинском языках [11, т. 3, 512].

В речи нашего информанта слово *ружница* – активно употребляющееся, живое слово. В современном русском литературном языке мотивирующие слова *руга, ружный* уже являются устаревшими. В диалектах – даже при работе по теме «Христианские обряды» – слово *ружница* практически не фиксируется. Ответ на вопрос, почему это происходит, достаточно прост: во-первых, резко изменились социально-экономические условия жизни, и зерно уже не производится в частном хозяйстве; во-вторых, в старшем поколении наших информантов (а это люди, родившиеся на заре XX века) далеко не все имели возможность посещать церковь и, вследствие этого, у них не возникала необходимость рассчитываться за работу церковного причта. Естественно, что в таких условиях само слово переходит в пассивный запас языка.

Таким образом, ретроспективный взгляд от современной фиксации диалектного слова на весь путь, пройденный этим словом в русском языке, даёт возможность размышлять об истории отдельного слова в языке и о передаче из языка в язык, из поколения в поколение слова и фиксируемой им культурно-исторической информации.

Примечания

1. См., например: Одинцов Г.Ф. История старорусского военного термина «ручница» // Развитие семантической системы русского языка. Калининград, 1986. С. 46–54; Елкина М. Н. Библийские меры веса // Языковая система и её развитие во времени и пространстве. Сб. научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М.: МГУ, 2001. С. 52 – 58.
2. Словарь вологодских говоров / Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1975.
4. Словарь русского языка в 4 тт. 2-е изд. М., 1981–1984.
5. Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. М., 1948–1965.
6. Толковый словарь русского языка в 4 тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2004.
7. Словарь русских народных говоров / Под. ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–40. М.–Л., 1961–2006.
8. Словарь областного вологодского наречия / По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2005.
9. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.
10. Куликовский Г. Словарь областного олонекского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
11. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. В 4 т. Изд. 2-е. М., 1986.
12. Словарь говоров Соликамского района Пермской области / Сост. О. П. Беляева. Пермь, 1973.
13. Ярославский областной словарь / Под ред. Г.Г. Мельниченко. Вып. 1–13. Ярославль, 1981–1991.
14. Словарь орловских говоров / Под. ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 12. Орел, 2001.
15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955.
16. Русское православие. Вехи истории / Под ред. А. И. Клибанова. М., 1989.

17. Словарь промысловой лексики Северной Руси / Под ред. Ю. И. Чайкиной. Вып. 1–2. Вологда, 2003–2005.
18. Новосёлова О. И. Метрологическая лексика Русского Севера XVI–XVII вв. (по материалам деловой письменности Подвинья): Дисс. ...канд. филол. наук. Вологда, 1988.
19. Словарь старославянского языка (по рукописям X–XI в.в.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. Изд. 2-е. М., 1999.
20. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. М., 1953.
21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–26. М., 1975–2002.
22. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
23. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. Изд. 3-е. М., 1986.

Сокращения

а) в географических названиях

Бабушк. – Бабушкинский

Волог. – Вологодский

Вытег. – Вытегорский

Вят. – Вятский

К–Г. – Кичменгско-Городецкий

Никол. – Никольский

Пуд. – Пудожский

Ярен. – Яренский

б) в названиях источников

Дозорн. кн. г. Белоозера 1617– 1618 гг. – Белозерье. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: «Русь», 1994.

Кн. вкл. К. Новоезер. м. – Книга вкладная Кириллова Новоезерского монастыря нач. XVIII в.

Росп. Чер. Воскр. м. – Роспись имущества Череповецкого Воскресенского монастыря 1721.

**О НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В СЕМАНТИКЕ СЛОВ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
(НАЗВАНИЯ ПОСТРОЕК В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ)**

Исследование словарного состава говоров неотделимо от изучения жизни людей, населяющих ту или иную местность. Причем очень важно не только знать традиционный крестьянский быт, но и фиксировать те изменения, которые происходят в русской деревне в настоящее время или происходили в недалеком прошлом.

Крестьянская усадьба, развиваясь в течение веков, к концу XIX – первой трети XX в. включала в себя большое количество построек, необходимых для текущей хозяйственной деятельности (ограничения были связаны только с имущественным положением). Поскольку все продукты питания, а часто и одежда производились на территории данного хозяйства, крестьянину, помимо жилых помещений, необходимы были помещения для содержания лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиней, домашней птицы; необходимы были также помещения для хранения корма скоту, помещения для хранения зерна (рожь, горох, ячмень и т.д.), других продуктов питания, в том числе и скоропортящихся; постройки для сушки и обмолота зерна, помещения для хранения телег и саней, дров, сельскохозяйственного инвентаря и т. п.

Естественно, что все эти постройки и помещения имели названия.

В процессе послереволюционной коллективизации структура крестьянской усадьбы сильно изменилась. Многие постройки оказались ненужными: количество домашнего скота резко уменьшилось, и для его содержания достаточно оказалось одного помещения, утратили свое значение постройки для сушки и обмолота зерна и т.д. До Великой Отечественной войны эти постройки сохранялись, хотя их и не всегда использовали по прямому назначению (в гумне, например, могли хранить сено, в овчарнике – дрова и т.п.). После войны, когда

большинство усадеб было разрушено, такие ненужные в хозяйстве постройки не восстанавливались и не строились заново. Современная типичная крестьянская усадьба состоит, как правило, из жилого дома с одним или несколькими хозяйственными помещениями; на территории усадьбы имеется хлев для домашнего скота и птицы, сеной сарай и баня, разного рода небольшие пристройки для хранения дров.

Однако старые названия в народной памяти сохраняются, причем их количество значительно превосходит количество называемых ими реалий. Такая номинационная избыточность приводит к тому, что значение некоторых слов становится достаточно размытым. Современный носитель говора не всегда представляет конструктивные и функциональные особенности реалии, обозначаемой тем или иным словом. Вследствие этого значение таких слов утрачивает ряд сем и гиперонимизируется – слово подходит для обозначения целого ряда объектов.

Примером таких изменений может служить слово *припу́nek* и его однокорневые параллели *припу́н*, *припу́нник*, *припу́нька*, *припуня* (для удобства изложения в дальнейшем мы будем оперировать только словом *припу́nek* как наиболее типичным представителем этого ряда в псковских говорах. В цитатах же, отражающих изменения в семантике слов, будут употребляться все названные единицы).

Изначально слово *припу́nek* обозначало пристройку к пуне (словом *пу́ня* в псковских говорах чаще всего называется небольшой сарай для сена): *припу́nek* ← *при пуне*. Эта пристройка служила для хранения сена, дров, а также мелкого сельскохозяйственного инвентаря. Ср.: *Есть пу́ня, а к ней делают пристройку, припу́nek*. Стр. *Сено сложили ф пуню, сухие дро́ва ф припу́nek*. Дн.

Позже, вероятнее всего, когда слово *пу́ня* стало вытесняться общерусским словом *сарай*, слово *припу́nek* начинает восприниматься как обозначение пристройки к сараю. Но, утратив связь со словом *пу́ня*, *припу́nek* вполне может являться названием пристройки к любой постройке. Ср.: *Припу́nek к сараю пристраиваицца*. Н-Рж. *Припунник рядом са дваром*. Порх. *Ф припунник сложили*

сухии дрова (информант поясняет: пристройка к дому). Порх. Ф припуне есть лён (пристройка к риге). Аш. Примеры показывают, что в значении интересующих нас слов актуальной является только сема 'пристройка для хранения чего-либо'. Таким образом, слово пополняет синонимический ряд: боковушка, прируб, придел, тристен и др.

Дальнейший семантический сдвиг мы наблюдаем в целом ряде примеров, когда слово *припунк* обозначает не пристройку, а любое помещение для хранения чего-нибудь.

1. *Припунк – уголок в гумне, в него складывают снопы. Н-Рж. Полный припунк был набит гороховиной и тую скормили. Оп. В этом гумне был припунк, куда отправляли пёла. Остр. Здесь словом припунк обозначается помещение внутри гумна, где хранятся снопы до молотбы, а также солома и мякина. Синонимы: заугольник, заулук, захаб.*

2. *Перегородить нужна сени, сделать припунк. Кар. Ф синях, кали пайдёш, есь припунк. Стафь туды. Гд. Несомненно, в данных примерах речь идет о помещении внутри сеней, предназначенном для хранения продуктов. Синонимы: кладовая, клеть, холодник, чулан, шафрейка.*

3. *Припунк – места для сена над скотным дваром. Остр. В данном примере слово припунк называет пространство между крышей и потолком помещения, где находится скот. Это пространство используется для хранения сена. Синонимы: чердак, пятра.*

Объяснить подобные семантические трансформации можно следующим образом: не зная, как выглядит «настоящий» припунк, но понимая, что слово *припунк* называет какое-то помещение, носитель говора достаточно свободно применяет его при обозначении самых разных помещений.

Таким образом, мы можем наблюдать, как слово, потеряв прямую связь с обозначаемой им реалией, приспосабливается к обозначению других объектов, при этом слово пополняет соответствующие синонимические ряды.

Примечательно, что этот процесс не может остановить даже вполне прозрачная внутренняя форма слова.

РАЗВИТИЕ СОСТАВА МОДАЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ И ПРЕФИКСОИДОВ В СФЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В процессе конструирования нового термина важная роль отводится модальным препозитивным морфемам (МПМ), в число которых входят как исконно русские (*без-, лже-, не-, недо-, полу-, сверх-*), так и заимствованные (*анти-, гипер-, квази-, псевдо-, ультра-, супер-*) препозитивные компоненты.

Аппарат префиксальных словообразовательных средств в терминологиях не всегда был разнообразным; состав префиксов подвергался изменениям в процессе исторического развития языка. Следовательно, рассмотрение процессов, происходящих в префиксальном словообразовании терминов на современном этапе развития языка, представляется невозможным без изучения подобных процессов с историко-эволюционной точки зрения.

Целью данной статьи является наблюдение за функционированием модальных препозитивных морфем в составе специальной лексики и выявлением изменений, происходящих в составе препозитивных словообразовательных средств в процессе языковой эволюции. Объектом наблюдения послужили препозитивные морфемы с этимологическим модальным значением, а также препозитивные морфемы с этимологической количественной семантикой, которые позднее развили модальные значения. Материалом исследования являются данные обследования этимологических, исторических, а также современных энциклопедических словарей и справочников.

Исследуемые в данной статье модальные препозитивные морфемы имеют различное происхождение: наряду с исконно русскими префиксами и префиксоидами в составе терминов встречаются заимствованные префиксы греческого и латинского происхождения. На наш взгляд, существует зависимость между происхождением заимствованных препозитивных компонентов и временем

их появления в русском языке, в связи с чем нам представляется возможным выделить определенных этапов в эволюционном развитии состава субстантивных префиксов и префиксоидов с модальными значениями. Для этого мы проведем наблюдение за функционированием модальных препозитивных компонентов в составе терминологической лексики разных эпох.

Известно, что наряду с терминами в состав специальной лексики входит также профессиональная лексика – слова, которые не являются строго законченными, научно определенными наименованиями тех или иных производственно-технических, сельскохозяйственных и других производственных понятий. Если терминология на русской почве появляется примерно в XVII веке и затем интенсивно развивается в связи с накоплением и дифференциацией научного знания, то лексика, относящаяся к различным промыслам, является более древним пластом специальной лексики, насчитывающим не одно столетие. Наряду с основными занятиями – земледелием, скотоводством, охотой – людям были известны некоторые ремесла, например, металлургическое и гончарное дело [Денисов, 59].

Ряд исследователей (В.А. Меркулова, О.Н. Трубачев) считают, что терминология возникла уже в праславянскую эпоху: «в дописьменный период (т.е. в первый период развития знаний и трудовых процессов как предшественников науки, техники и промышленности) существовали устойчивые системы народной терминологии» [Трубачев, 20].

Действительно, согласно данным «Этимологического словаря славянских языков», в праславянскую эпоху для образования ботанических и зоологических номинаций использовался префикс *a-* с модальными значениями ‘приближенности’, ‘приблизительности’ (ЭССЯ, вып. 1: 52): **ablonica*, **abolnъ* – яблоня; **abolnъ* – платан; **abrědja* – плодовое дерево; **abrědъ* – садовые фрукты; **abrědъ* – вид тополя; **abrědъka* – сережки (на дереве); **abrědъкъ*, **abrědъ* – цвет (сережки) на деревьях, весенняя гроздь винограда, **arěbina* – плод рябины); **abrědъ*, **abrědje* – саранча; **agolvo* – яголово, скотина, убитая хищным зверем; **arěbina* – мясо куропатки; **arěbъ* – горная куропатка; **arěbъкъ* – рябчик; **avidъ*

– змея, которая водится в тундрах (ЭССЯ, 1: 52). Однако перечисленные префиксальные существительные не могут являться терминологическими единицами, так как в русском языке они не сохранились, а «продуктивность модели с префиксом *а-* утрачена еще в отдаленном прошлом» (ЭССЯ, 1: 7). Кроме того, данные лексемы не вступали между собой в системные отношения, свойственные терминам.

Нам представляется, что о возрастающей активности модальных препозитивных морфем в составе специальной лексики можно говорить, начиная с древнерусского периода. Одним из наиболее важных событий той эпохи является крещение Руси и принятие христианства, в связи с чем на русский язык стали переводить большое количество богослужебных текстов. Так как встречающиеся в текстах рукописей греческие лексемы были понятны лишь узкому кругу образованных людей, знающих греческий язык, для перевода использовали кальки.

Прежде всего, калькирование способствовало активизации исконно русских препозитивных морфем, функционирующих в данный период. Например, для создания калек использовался префикс *без-* со значением ‘отсутствия какого-либо предмета, явления, признака’, ‘отрицания’ (ЭССЯ, 2: 10): *ἀνομία* – беззаконие ‘нарушение закона, проступок’: «презъри беззаконіе наша • щедротами твоими» (Ст-СлС, 78), *ἀθεΐα* – безбожество ‘безбожие’: «не имамы цесаре разве кесара реша • отъметание без гонения • безбожество съ егуптъскимъ зломъ» (Ст-СлС, 78), *ἄφθαρσία* – бестыление ‘нетленность’: «ты бестылениемъ тыление отъгна» (Ст-СлС, 82).

При создании калек использовался также начальный препозитивный компонент *лже-*, выделившийся в древнерусский период в самостоятельную морфему и имеющий значения ‘лживый’, ‘ложный’, ‘ошибочный’, ‘фальшивый’: *ψευδομαρτυρία* – лжесвидетельство ‘лжесвидетельство’: «оть сѣрдца бо исходятъ • помышление зѣлае... лжесъведение» (Ст-СлС, 312), *ψευδολόγος* – лжесловыць ‘говорящий ложь, лжец’: «лжесловыць, рабъ есть лжесловесивому слову» (ЦСС(Д), 282), (СДРЯ(С), 2: 61), *ψευδοδιδάσκαλος* – лжеучитель ‘преподающий

учение, противное истине': «о лъжемы пророцехъ и лъжеучителя» (СДРЯ(С), 2: 62), *ψευδομαντὶς* – лъжевлхвъ 'ложный, мнимый волхвъ': «лъжевлхвъ самъ о себе помоливъся» (СДРЯ(С), 2: 62).

Однако исконно русские префиксы и префиксоиды участвуют не только в калькировании, но также и в словообразовании церковной лексики. Например, исконно русский префиксоид *полу-* в составе церковных терминов, помимо количественного, несет в себе значение подобия или неполного тождества: *полуариане* '«подобосущники», считавшие Сына Божия по сути подобным Отцу; православные, въ отличие отъ нихъ, назывались «единосущники»' (ЦСС(Д), 452); в том же значении данный префиксоид употреблен в словах *полуверие* (ЦСС(Д), 452), *полуустав* (ЦСС(Д), 452). Исконно русский префиксоид *противо-* в составе церковных терминов выражает значение противоположности: *противовоздание*, *противовозмездие* 'равномерное воздаяние, возмездие, оплата за что-либо' (ЦСС(Д), 518); *противострастие* 'нерасположение, антипатия' (ЦСС(Д), 518).

Помимо употребления исконно русских префиксов в целях калькирования, внимание переводчиков привлекают повторяющиеся в составе заимствованных слов начальные компоненты (*анти-, пара-*), которые носят структурно связанный характер и характеризуются размытостью семантики. Так, в слове *антиминс* церк. 'шелковый плат с частицей святых мощей, полагаемый на престоле': «Два антиминса одинъ праздничной другой повсегдашний оба печати Московской по белому отласу» (СПЛ, 1: 25; ЦСС(Д), 18) префикс *анти-* реализует значение 'вместо, взамен' (ГР-РГС, 38). В составе слова *антихрист* церк. 'антихрист': «Въниде антихръсть въ градъ» (Ст-СлС, 71) указанный префикс реализует этимологическое значение 'против' (ЭСРЯ, 1: 79; ЭМТ, 16). В то же время в слове *антипасха* церк. 'воскресенье после Пасхи' (Ст-СлС, 70), значение префикса возможно определить как 'вслед, за', которое этимологическим для него не является.

Еще один начальный компонент, входящий в состав церковнославянизмов, заимствованных в древнерусский период, – *пара-*. Свое этимологическое значение, которое определяется как 'рядом, возле, вне' (ГР-РГС, 277), указанный

префикс реализует в словах: *параклит* церк. ‘защитник, заступник, утешитель’, ‘наименование в церковных книгах Свят. Духа’: параклить же духъ святы (Ст-СлС, 442), (ЦСС(Д), 408), (СДРЯ(С), 2: 880); *параекклесиа* церк. ‘придел; прибавленная, приделанная церковь’ (ЦСС(Д), 407); *парафразь* церк. ‘объяснение темных мест в древних памятниках, например, в Библии’ (ЦСС(Д), 408). Таким образом, хотя и представлялось возможным вычленить повторяющиеся начальные препозитивные компоненты в составе заимствованных слов, в качестве самостоятельных морфем они не воспринимались; а их семантика могла быть актуализирована только благодаря калькированию и соотнесению со значениями исконно русских префиксов.

Исследователи отмечают, что в данную эпоху, помимо обильно представленной церковно-богословской лексики, должна была существовать «разветвленная ремесленная терминология и профессиональная речь ремесленников: гончаров, кузнецов, строителей, богомазов и т.п. Процветало каменное зодчество, живопись (иконописание, стенные росписи, фрески), книгописание, что требовало хороших знаний геометрии, материалов, изготовления красок, клеев, олиф и т.п.» [Денисов, 65]. Этому способствовали как рост числа переводных церковнославянских сочинений, так и непосредственные контакты с Византией и ее культурой. В это же время исследователи отмечают появление и развитие таких терминологий, как грамматическая, юридическая, медицинская, военная, терминология книжного дела [Булаховский, 14]: антиграфеус *ἀντιγραφεὺς* ‘антиграф, контролер государственных доходов’ (Ст-СлС, 71).

Помимо упомянутых ремесел, развивались промыслы, известные еще до крещения Руси, среди них гончарный, кожевенный, кузнечный, пушной, рыбный, соляной, токарный, ювелирный промыслы, пчеловодство, а также литейное и плотницкое дело (СПЛ, 1: 12). В составе профессиональной лексики обнаруживаются исконно русские префиксы *без-* и *недо-* (со значением ‘неполнота’, ‘недостаточность’), актуализирующие в составе специальной лексики свои этимологические значения: *недоварка* солевар. ‘Выварка в

неполном, недостаточном количестве': «А въ недоварке де соли ныне противъ прошлыхъ годовъ въ промыслехъ учинилось за темъ, что работникамъ найму дать было нечего, денегъ нѣтъ» (СПЛ, 2: 269); *недокунь* пуши. 'Шкурка молодой или недавно перелинявшей куницы с неполноценным мехом': «А на товарные деньги купил Михайло на Устюге 2000 зелени, 3 сорока куниц и недокуней, 2 сорока норок, 5 сороков горностаев, 2 сорока лисиц, 60 котов черных и седых, 90 заечин, 90 ножиц» (СПЛ, 2: 269); в том же значении префикс *недо-* обнаруживается в словах *недоростокъ* кож. (СПЛ, 2: 270); *недолись* пушн. (СПЛ, 2: 270); *недопесокъ* пушн. (СПЛ, 2: 270); *недособоль* пушн. (СПЛ, 2: 270). В приведенных примерах префикс *недо-* реализует этимологическое значение неполноты, недостаточности.

Таким образом, в период XI–XVII вв. в составе специальной лексики обнаруживается ряд препозитивных морфем с модальными значениями. В составе лексики различных промыслов и ремесел используются исконно русские префиксы (*без-, не-, недо-*). В составе церковной терминологии появляются (пока еще в качестве связанных начальных компонентов) иноязычные греческие модальные префиксы *анти-, пара-*, для которых данная фаза является переходом к их самостоятельному употреблению в качестве словообразовательных формантов русской словообразовательной системы. Исконно русские препозитивные морфемы также входят в состав церковной лексики, но они в основном используются в целях калькирования в процессе освоения заимствованной лексики из переводных с греческого языка текстов. Этим можно объяснить тот факт, что в древнерусский и старорусский периоды состав префиксальных морфем характеризовался преобладанием исконно русских префиксов, по сравнению с заимствованными.

Основные значения, которые выражают исконно русские и заимствованные препозитивные компоненты, – значения отрицания (*без-, не-*), противоположности (*анти-, лже-, противо-*), подобия или неполного тождества (*недо-, полу-*).

Следующий период (конец XVII – начало XVIII века) является переходным от средневековой культуры к культуре Нового времени, когда человек воспринимался как субъект, познающий окружающий мир и влияющий на него. Культурная и политическая ситуация характеризуется увеличением светских контактов, развитием литературы и, особенно, науки, развитие которой было признано Петром I вопросом государственной важности. В это время создается Академия Наук, открывается Московский университет, начинают издаваться научные журналы. Развиваются промышленность, металлургия, военное дело, строится военно-морской флот, организовываются экспедиции.

В связи с расширением международных контактов активизировались процессы заимствований интернациональной лексики. На протяжении всего XVIII века словообразовательная система русского языка испытывает все возрастающее влияние западноевропейских языков [Булаховский, 21], началось «активное заимствование лексики интернационального фонда в русский язык» [Кутина, 58]. Исследователи отмечают, что «стихийные заимствования петровского времени в области математики, физики, астрономии, географии, химии и многих прикладных наук перенасытили русский язык иностранными элементами» [Сорокин, 21]. Огромный вклад в разработку русской научной терминологии внес М.В. Ломоносов, блестящий знаток классических языков, подчеркивавший их важное значение для нужд просвещения и для прогресса терминологии. Все эти процессы нашли свое отражение на словообразовательном языковом уровне, в частности, в сфере префиксального словообразования терминов, в связи с чем в XVIII веке процесс пополнения состава МПМ проходит с еще большей интенсивностью.

В составе церковных терминов продолжают употребляться исконно русские модальные препозитивные морфемы со значением отсутствия (*без-*): *безбожие* церк. ‘неприятие бытия Божия’ (СЦСРЯ, 1: 26); также *безгласие* церк. (СЦСРЯ, 1: 28); *беззрачие* церк. (СЦСРЯ, 1: 31); *безсоветие* церк. (СЦСРЯ, 1: 39); со значением ложности, неистинности, неподлинности (*лже-*): *лжеапостол* ‘обманщик, старающийся подъ видомъ правоверия распространять мнения,

противные истине' (СЦСРЯ, 2: 252), также *лжеверецъ*, *лжемонахъ*, *лжепатриархъ*, *лжепослухъ*, *лжепророкъ*, *лжесвященникъ*, *лжеучение*, *лжехристианинъ* (СЦСРЯ, 2: 252); со значением противоположности (*противо-*): *противоборецъ* (*противоборникъ*) 'борющийся съ противникомъ, соперникъ' (СЦСРЯ, 3: 561), в том же значении данный префикс употреблен в словах: *противовоздаяние*, *противовещание*, *противоглаголанье*, *противоположение* (СЦСРЯ, 3: 564).

Исконно русские МПМ обнаруживаются также в составе научных терминов: *безгласие* мед. 'arphonia, состояние, в котором человек более или менее лишается голоса' (СЦСРЯ, 1: 28); *безжелчье* мед. 'acholia, недостаток желчи' (СЦСРЯ, 1: 30); *безымянка* 'anomia, род безымянных моллюсков, сродных с устрицею' (СЦСРЯ, 1: 67); *лжеакация* 'Roninia pseudoacacia, дерево' (СЦСРЯ, 2: 252), *лжеопаль* 'Silex calophtalmus, камень' (СЦСРЯ, 2: 252), *лжеосина* 'Populus tremuloides, дерево' (СЦСРЯ, 2: 252); *недокись* хим. 'Deuloxidum, соединение кислорода съ какимъ-нибудь теломъ, более нежели въ закиси, и менее нежели в окиси' (СЦСРЯ, 2: 431); *полуопаль* 'непрозрачный опаль' (СЦСРЯ, 3: 321), *полуостров* 'земля, окруженная водою, и съ одной только стороны соединенная съ землею' (СЦСРЯ, 3: 324); *полупортикъ* мор. 'небольшое отверстие, делаемое в бортахъ или стенахъ кораблей и фрегатовъ для освещения кубрика' (СЦСРЯ, 3: 324); *противодвижение* муз. 'последовательное повышение тоновъ въ одномъ голосе, тогда какъ въ другомъ голосе тоны понижаются' (СЦСРЯ, 3: 561), *противоотверстие* хир 'contrapertura, отверстие на противоположной стороне той части тела, где уже произведено отверстие' (СЦСРЯ, 3: 562), *противопоказание* мед. 'contraindicatio, заключение врача, отвергающее употребление некоторыхъ лекарствъ въ данномъ случае' (СЦСРЯ, 3: 562), *противоядие* 'лекарство, разрушающее действие яда; антидотъ' (СЦСРЯ, 3: 564). Таким образом, исконно русские префиксы и префиксоиды активно участвуют в словообразовании новых терминов.

Наряду с уже известными заимствованными начальными компонентами греческого происхождения *анти-*, *пара-*, в составе терминов встречаются

начальные компоненты *гипер-* со значением превышения нормы, чрезмерного увеличения, *псевдо-* со значением ложности, мнимости, неистинности: *гипербола рит.* ‘преувеличение’, *мат.* ‘одна из конических кривых линий’ (СЦСРЯ, 1: 261); *псевдоним* ‘издающий свои сочинения подъ вымышленнымъ именемъ’ (СЦСРЯ, 3: 373). Данные морфемы греческого происхождения в данную эпоху только начинают вычлениваться в качестве препозитивных компонентов и не образуют собственной словообразовательной модели, однако обнаруживают способность к сочетанию с производящими словами на русской почве: *вулканъ* ‘огнедышущая гора’ (СЦСРЯ, 1: 154) → *псевдовулканъ* геогн. ‘по старинному понятию о причине подземных огней: подземный пожаръ, ложный вулканъ’ (СЦСРЯ, 3: 373), *епископъ* ‘священноначальникъ епархии, архиерей’ (СЦСРЯ, 1: 395) → *псевдоепископъ* ‘ложный епископ’ (СЦСРЯ, 3: 373), *кристалль* ‘всякое неорганическое тело, принявшее по законам сцепления видъ какой-либо геометрической фигуры, хрусталь’ (СЦСРЯ, 2: 224) → *псевдокристалль* мин. ‘ложный кристалль, т.е. такая минеральная форма, которая, имея видъ кристалла, произошла не по законамъ кристаллизации, но получила этотъ видъ случайно’ (СЦСРЯ, 3: 373).

Лексемы как с исконно русскими префиксами, так и с заимствованными префиксами и префиксоидами греческого происхождения употребляются параллельно, что свидетельствует об активных процессах в сфере префиксального словообразования терминов: *антидот* – *противоядие*, *антипатия* – *противоустрашие*, *антитеза* – *противоположение* (СЦСРЯ, 1: 10).

В XVIII веке состав модальных препозитивных морфем пополняется также за счет заимствованных препозитивных морфем латинского происхождения. Среди них *контр-* (со значением противоположности): *контрабанда* ‘тайный невольнительный ввоз в какое-либо государство запрещенных товаров’ (СЦСРЯ, 2: 198); *контра-бизань* мор. ‘самый задний парусъ на судахъ, привязываемый к гафелю и трисель-мачте’ (СЦСРЯ, 2: 198); *контра-галсъ* (мор.) ‘линия бейдевинда, противная той, по которой идетъ корабль’: (СЦСРЯ, 2: 198); *контръ-альтъ* (муз.) ‘низкий альт’ (СЦСРЯ, 2: 199). В эту же эпоху в составе

заимствованных терминов начинают употребляться заимствованные препозитивные компоненты *супер-*: *суперфиция*, *суперверзь*, *супервесть*, *суперь-интендентъ* (СЦСРЯ, 4: 249); а также *ультра-*: *ультрамаринъ* (СЦСРЯ, 4: 340).

Таким образом, в XVIII веке развивающаяся система модальных значений требовала более сложной словообразовательной системы для их выражения, соответственно процессы заимствования интернациональных префиксов и префиксоидов стали протекать более интенсивно. Однако поскольку в основном лексика интернационального фонда представлена заимствованиями, мы делаем вывод о том, что заимствованные препозитивные элементы с модальными значениями, в отличие от исконно русских, пока еще не формируют собственной словообразовательной модели на данном этапе языковой эволюции, хотя и вычленяются авторами различных словарей в качестве префиксов. Возникающая отсюда конкуренция словообразовательных формантов могла привести к активизации как заимствованных, так и исконно русских МПМ, а также к повышению продуктивности целого ряда словообразовательных типов, а также к расширению семантической емкости префиксальных деривационных морфем с модальными значениями.

Тенденция развития состава модальных префиксов и префиксоидов продолжается и в XIX веке, однако в несколько ином направлении. Изменения состава МПМ носят не только количественный, но и качественный характер. С одной стороны, количество церковных терминов, отраженных в лексикографических источниках, уменьшается; с другой стороны, количество заимствованных терминов с МПМ в их составе увеличивается.

В составе производных терминов обнаруживаются исконно русские префиксы *без-/бес-*: *безбожие*, *безпоповщина* (ВСТ, 200), (СНТ(Б), 114), (ЭС(Б/Э), 5: 268), (ТСРЯ (Д), 42; 51); префиксоид *лже-*: *лжеакация*, *лжеплатан*, *лжеявор*, *лжеосина*, *лжеопал*, *лжетопаз*, *лжескорпионы* (ТСРЯ (Д), 363), (ВСТ, 657), (СНТ(Б), 155), (ЭС(Б/Э), 34: 620); префикс *не-*: *неартроз*, *непогрешимость папы*, *неправоспособность*, *непроводник*, *непроницаемость*, *неравенство* (СНТ(Б), 561); префиксоид *полу-*: *полуапликатура*, *полувал*, *полупортик*, *полуфабрикаты*

(ЭС(Б/Э), 47: 381; ВСТ, 1189; СНТ(Б), 657). Приведенные примеры могут указывать на снижение активности исконно русских префиксов в словообразовании терминов.

В XIX веке изменяется состав греческих начальных компонентов в структуре терминов. К уже известным в русском языке начальным компонентам *анти-* (*антидот, антиподы, антигидропин, антиконоскоп, антилепис, антипаразитика, антипептон, антипнотика, антипротазис, антирентьеры, антироялист, антиспиритуализм, антитринитари, антиферанид, антихронизм, антилиссум, антилогарифм, антинервин, антипараллелограмм, антиспазмодика, антифазис, антифармакон, антициклон, антидактиль, антифродизиакум*) (СИС(Б/М), 74), *гипер-* (*гиперакузис, гипералгезия, гипергейзия, гипергидроз, гиперемезия, гиперестезия, гиперкризис, гиперосмия, гипертония, гиперэстезия, гиперастения, гипераркхезис, гиперифия, гиперурия, гипертрофия, гиперепидоза, гиперкинез, гиперметропия, гиперметр*) (ВСТ: 402; ЭС(Б/Э), 16: 722); *пара-* (*параглобулин, параграмма, параморфозы, параномазия, параплексия, паратезис, паратропия, парафизисы, парафия, парафония, парафраз, паракрома, паракромотопсия, паракхронизм, парабулия, паразевсия, паразенезис, парагога, параграмма, парадиастола, паракмазис, паракузия, паралалия, паралексия, паралогизм, паралогистика, паралогия, параморфизм, парапеталь, парастремма, парацистит*) (ВСТ, 1110; СНТ(Б), 609; СИС(Ч), 427; СИС(Б/М), 576; ЭС(Б/Э), 44: 750); *псевдо-* (*псевдоартроз, псевдобутилен, псевдогаллюцинации, псевдогипертрофия, псевдоизатин, псевдокаллисен, псевдокумол, псевдоксантин, псевдолейкемия, псевдомерия, псевдоморфин, псевдоморфозы, псевдонавицеллы, псевдоним, псевдонитролы, псевдопаренхима, псевдоподии, псевдорексия, псевдосахарин, псевдоскоп, псевдосфера*) (ВСТ, 1236; СНТ(Б), 690; СИС(Б/М), 636; СИС(Ч), 494; ЭС(Б/Э), 50: 660) добавляется еще один заимствованный начальный элемент *а-* со значением отрицания, противоположности (*аблепия, абартикуляция, абацинация, агенезия, азоогения, акрония, аморфизм, аморфия, анафродит, анепия, аномия, анорексия, аполепсия, асиметрия, ателектазия, атрезия, атрофия, афония, ахроматизм, абгрегация,*

аддукторы, адияррея, акардия, акатарсия, акефалия, аморфия, аморфоза, апневмия, аподия, апсихия, асепсис, асептика) (СНТ(Б), 6; СИС(Ч), 2; СИС(Б/М), 2; ВСТ, 3). Количество заимствованных терминов с МПМ в их составе, а также количество самих МПМ, таким образом, увеличивается.

Состав препозитивных морфем латинского происхождения пополняется не менее интенсивно. К уже известным начальным компонентам в составе заимствованных терминов *контр-* (*контраоктава, контрапункт, контрафагот, контрафакция, контрвексель, контрданс, контрабанда, контрабизань, контрагалс*) (ВСТ, 799; ЭС(Б/Э), 31: 107; СИС(Б/М), 421; СНТ(Б), 403); *супер-* (*суперверт, суперкарг*) (СИС(Ч), 563; СИС(Б/М), 706; СНТ(Б), 782; ВСТ: 1370; ЭС(Б/Э), 63: 79); *ультра-* со значением чрезмерности, превышения степени (*ультра-революционеры, ультра-роялисты*) (ВСТ, 1432; СНТ(Б), 837; СИС(Б/М), 753; СИС(Ч), 604; ЭС(Б/Э), 68: 711) добавляются *дез-* со значением уничтожения, отсутствия чего-либо (*дезоксидация, дезагрегация, дезапроприация, дезартериализация, дезинтегратор, дезинтеграция, дезинфектор, дезартикуляция, диспепсия, дискордия, дисменорея, диссоциация, дистракция*) (СИС(Ч), 186; ЭС(Б/Э), 19: 282; ЭС(Б/Э), 20: 657; СНТ(Б), 235). Указанные препозитивные компоненты латинского происхождения, являясь заимствованными в составе терминов, также не образуют словообразовательной модели, хотя единичные случаи присоединения к производящему слову на русской почве есть: *дезинфекция, дезорганизация, диспропорция, дисгармония, супернатурализм, супер-гид, супер-фосфат* (СИС(Ч), 563; СИС(Б/М), 706; СНТ(Б), 782; ВСТ, 1370; ЭС(Б/Э), 63: 79). Однако, хотя создателями словарей вычленяются повторяющиеся начальные компоненты заимствованных слов, данные препозитивные морфемы носят структурно и семантически связанный характер в составе заимствованных терминов. Рассматриваемые морфемы не сочетаются с именами существительными на русской почве и не образуют собственной словообразовательной модели. Расширение аппарата модальных препозитивных морфем, которые составителями словарей начинают истолковываться как словообразовательные форманты, связано как с

экстралингвистическими (расширение международных контактов), так и внутриязыковыми (расширение спектра модальных значений) причинами.

Дальнейшее движение научно-технического прогресса, расширение международных контактов и развитие средств массовой информации в XX–XXI веках привело к все более активному употреблению интернациональных препозитивных компонентов; увеличению продуктивности заимствованных префиксов и префиксоидов по сравнению с некоторыми исконно русскими препозитивными элементами в составе производных терминов, образованных префиксальным способом. Особенно актуальным стало использование МПМ в составе терминологических единиц в середине XX века, когда «колоссальный поток информации хлынул в каждую область научного знания, а крайне усложнившиеся задачи исследования толкали почти каждую науку к дроблению на более частные научные дисциплины» [Бархударов, 8].

В связи с возникновением и циркуляцией большого количества информационных данных возрастает потребность не только в номинации, но и в выражении оценки происходящего. Эти процессы приводят к выделению в системе субстантивных префиксов двух функциональных типов МПМ, имеющих различный семантический потенциал. Первый тип префиксов – модификационный, при котором модальные препозитивные морфемы выполняют оценочную функцию: «*Квази* — потому что у нас со Снежаной был *квази-брак*, тогда, в то время, браки россиян и сибиряков уже не преследовались, но еще не разрешались» [НКРЯ: Лазарчук А. Все, способные держать оружие... (1995)]. В данном примере МПМ *квази-* несет в себе оценочное значение мнимости. Другой тип префиксов – мутационный, при котором МПМ выполняют служебную (конструктивную и реляционную) функцию: *кратон* → *квазикратон*: (*кратон* ‘крупный жесткий участок земной коры, подвергающийся преимущественно германотипным деформациям’ (ГС, 1: 369) → *квазикратон* (*платформа молодая*) ‘платформа, возникшая в послепротерозойское время на месте *каледонских, герцинских и мезозойских* складчатых областей’ (ГС, 1: 320) = ‘участок земной коры, подвергающийся изменениям *в современное время*’ → ‘участок земной

коры, подвергавшийся изменениям *в древности*'). В данном случае *квази-*реализует операциональное значение частичного подобия геологических объектов.

МПМ служат не только для образования терминов, которые необходимы для номинации объектов и явлений в процессе познания окружающей действительности, но и для выражения отношений, связывающих термины в пределах той или иной терминосистемы (*ядро* → *гиперядро*; *ядро* → *квазиядро*). Например, от исходного термина *ядро атомное* ('центральная массивная часть атома, представляющая собой систему, состоящая из протонов и нейтронов (нуклонов)') (ФЭС-95, 922) образован производный термин *гиперядро* ('ядерноподобная система, в состав которой наряду с нуклонами входят *гипероны*') (ФЭС-95, 125), который обозначает качественно иное понятие «физическая система, подобная исходной и отличающаяся от нее составом частиц».

Таким образом, наряду с возрастанием структурной самостоятельности модальных препозитивных морфем наблюдается расширение рамок их семантического потенциала, что, в первую очередь, наблюдается в сфере терминообразования, так как в составе производных терминов МПМ не только частично реализуют свою этимологическую семантику, но и развивают ряд значений, обусловленных влиянием парадигматического контекста определенной терминосистемы. Следовательно, семантика МПМ в составе мутационных производных терминологизируется, отражая значения, свойственные данной науке и понятные ограниченному кругу специалистов, т.е можно говорить об усилении тенденции к специализации словообразовательных средств на выражение конкретных терминологических значений [Даниленко, 33].

Состав МПМ в структуре производных терминов изменился качественно, по сравнению с более ранними эпохами. Так, например, из 367 терминов обследованных нами терминологий естественных наук (математика, физика, биология, химия, геология) всего 38 терминов было образовано посредством

исконно русских МПМ, остальные 329 – посредством заимствованных модальных префиксов и префиксоидов.

Таким образом, становление аппарата словообразовательных средств в сфере терминологии явилось длительным историческим процессом. Данный процесс включает три основных стадии. Первый этап – древнерусский и старорусский периоды, характеризующиеся преимущественным употреблением исконно русских префиксов и префиксоидов, а также заимствованием церковной лексики с начальными компонентами греческого происхождения. Второй этап – период XVIII и XIX веков, когда в составе большого числа заимствованных терминов в русский язык стали попадать начальные связанные компоненты греческого и латинского происхождения, а также активным употреблением исконно русских МПМ. Третий этап – XX–XXI век, характеризующийся снижением активности исконно русских префиксов и префиксоидов в словообразовании терминов, а также формированием заимствованными препозитивными морфемами собственных словообразовательных моделей и расширением их семантического потенциала.

СЛОВАРИ

1. ВСТ – Всероссийский «Словарь-толкователь», составленный несколькими филологами под ред. Б. В. Жукова по новейшим известным словарям: Даля, Толля, Макарова и др. Т. 1–2.–СПб.: А.Каспари, 1893.
2. СДРЯ(С) – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3-х т. М.: Знак, 2003.
3. СИС(Б/М) – Словарь иностранных словъ, вошедшихъ в употребление въ русскомъ языкѣ / Сост. Бурдонъ и Михельсонъ. М., 1880.
4. СНТ(Б) – Словарь научныхъ терминовъ, иностранныхъ словъ и выражений, вошедшихъ въ русский языкъ / Подъ ред. В.В. Битнера. – Санкт-Петербург, 1905.
5. СИС(Ч) – Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка / Сост. под ред. А.Н.Чудинова. СПб.,1905.

6. СПЛ – Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 1–2. СПб., 2003–2005.
7. Ст-Слс – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1999.
8. СЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языков, составленный II отделением Императорской Академии Наук / Под ред. А. Х. Востокова. Репринтное издание. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
9. ФЭС-95 – Физический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1995.
10. ЦСС(Д) – Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.
11. ЭС(Б/Э) – Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. В 82 т. 1893–1898.
12. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 1–30. М., 1974–1990.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бержакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
2. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Киев: Радянська школа, 1939.
3. Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. – М., 1977.
4. Денисов П.Н. Еще о некоторых аспектах изучения языков науки // Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. М., 1970.
5. Кудрявцева И.Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации (на материале препозитивного компонента *псевдо*-) // Актуальные вопросы исторической

лексикографии и лексикологии: Материалы Академической школы-семинара (19 – 21 октября 2005 г.) / ИЛИ РАН. СПб., 2005.

6. *Кутина Л.Л.* Формирование языка русской науки. М.–Л., 1964.
7. *Меркулова В.А.* Происхождение названий дикорастущих съедобных растений в русских говорах (автореф. канд. дисс.). М., 1965.
8. *Райнов Т.* Наука в России XI–XVII веков. Ч. 1–3. М.: Изд-во АН СССР, 1940.
9. *Сорокин Ю.С.* О задачах изучения лексики русского языка XVIII века. Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.–Л., 1966.
10. *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках (автореф. докт. дисс.). М., 1965.

ЛИНГВОМЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЧЕЛОВЕКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ВЕКА (К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ)

В лингвистике рефлексия является основой и базой для выявления мировоззренческих установок языковой личности, социокультурных умонастроений, психологического состояния человека и общества в целом, для решения проблем развития языка в целом, отдельных его подсистем и т. д. В нашей статье под рефлексией понимается направленность языкового сознания на познание самого себя. В устном или письменном тексте рефлексия реализуется через метаязыковой комментарий, «рефлексив» [Вепрева 2005: 77]. Оценочный комментарий по поводу употребления нового слова может быть разным по объему и содержанию (текст-рефлексив, рефлексив внутри целого текста, в виде авторского попутного замечания, словесной реплики, в виде метаязыкового высказывания и т.д.). «Организация рефлексивного высказывания зависит от ориентации говорящего (пишущего) на конкретную речевую ситуацию создания и/или восприятия конкретного текста» [Там же: 75].

В рамках данной лингвистической проблемы необходимо разграничивать языковую и речевую рефлексии. Языковая рефлексия эксплицируется, когда говорящий (пишущий) в момент речи «присваивает себе весь язык и отзывается на этот акт присвоения рефлектирующей реакцией». В комментарии, как правило, содержится интерпретация производителем текста своего поведения в знаковой ситуации, многоаспектная характеристика индивидуального способа языкового осмысления картины мира, стратегии использования слова [Ляпон 1989: 26]. Изучение индивидуальной языковой рефлексии может открыть для исследователя индивидуальный лексикон личности, словообразовательные предпочтения и проч. Под речевой рефлексией подразумевается оценочная реакция говорящего на свое или чужое речевое поведение, речевой поступок. Говорящий в данном случае не мыслит себя законодателем нормы и возвращается в «системе возможных

предпочтений, а не строгих предписаний». И тем не менее индивидуальная речевая рефлексия является ведущей творческой силой, формирующей сознание современников, обеспечивающей понимание действительности по определенным нормам и правилам. Индивид, осуществляя популятивный процесс, реализует коллективную норму [Щедровицкий 2005: 352]. Рефлексивы данного типа оцениваются как аксиологические высказывания с преобладанием рациональной или эмоциональной реакции, направленной на собственное отношение к слову, но апеллирующей к мнению адресата. [Вепрева 2005: 79]. Изучение языковой и речевой рефлексии помогает очертить границы лингвоментального образа человека определенной эпохи, определенного социального класса и психологического типа.

Постоянные и переменные характеристики языковой личности определенной эпохи обнаруживают себя через языковые и речевые оценочные реакции, отраженные в письменных и устных текстах. Реконструировать сегодня языковой образ человека девятнадцатого века представляется возможным только через письменные тексты, зафиксировавшие как нормированную литературную речь современников, так и обыденную разговорную. Причем образ человека начала девятнадцатого века будет значительно отличаться от языкового образа человека второй половины девятнадцатого века. Посредством изучения письменных текстов второй половины девятнадцатого века и систематизации повторяющихся, типовых оценок и суждений о слове, содержащихся в рефлексивах, можно нарисовать лингвоментальный портрет современника той эпохи.

Обострение рефлексивных реакций во второй половине девятнадцатого века прежде всего связано с политическими, социально-экономическими преобразованиями в стране (промышленный переворот, крестьянская, земская, военная, судебная реформы), культурным подъемом (развитие системы образования, расцвет газетного и журнального дела, профессионализация прессы и проч.). Бурные события второй половины девятнадцатого века буквально заставили взяться за перо все социальные слои общества. Профессиональное и

непрофессиональное словесное творчество вылилось на страницы толстых журналов, универсальных московских и петербургских газет. Ученый-филолог, профессиональный писатель и журналист на равных сотрудничали с полупрофессиональными сочинителями статей, читателями журналов и газет, случайными «журналистами». Многоголосая публицистика и литература того времени высвечивают речевые портреты дворянина, разночинца, чиновника, купца, крестьянина. Рефлексивы, являясь своеобразным социальным маркером, отмечают принадлежность пишущих к различным социальным слоям.

Интересным представляется отдельно рассмотреть социальные портреты пишущих, субъектов рефлексивной деятельности, тем более что авторитет некоторых социальных классов и групп определял языковые предпочтения общества той эпохи, а эти предпочтения формировали складывание литературных норм русского языка, его словарный состав и т. д. Подробнее остановимся на лингвоментальных характеристиках крестьянина и дворянина и контурно наметим «зоны напряжения» (стилистический, деривационный, личностный, динамический, по терминологии И.Т. Вепревой), стимулирующие вербализацию рефлексивного сознания.

Народ – «источник мудрости нации», социально и интеллектуально активный. Народный язык – живая система, включенная в процесс творчества, постоянно обновляемая, развивающаяся по своим стихийно изобретенным законам. В языке девятнадцатого века проявилось творчество самого необразованного сословия общества, формируемого деревенским и городским крестьянством. Образ городского крестьянина второй половины девятнадцатого века значительно отличался от деревенского, поэтому даже предварительные зарисовки лингвоментальных портретов будут различными. Невыразительная речь городского жителя, перегруженная заимствованиями, словечками из разных социальных жаргонов, обращала на себя внимание. Следовательно, многочисленные рефлексивные реакции, метаязыковые комментарии как самих крестьян, так и представителей других сословий, порождала эта грубая и не всегда понятная слушателю или читателю речь. В переписке А.П. Чехова с Л.С.

Мизиновой мы находим, как писателю несколькими карикатурными штрихами удалось нарисовать речевой портрет городского жителя и оценить неуместность употребления сниженной лексики в речи интеллигента: «Сейчас получил от Вас письмо. Оно сверху донизу полно такими милыми выражениями, как «черт вас задави», «черт подери», «анафема», «подзатыльник», «сволочь», «обожралась» и т.п. Нечего сказать, прекрасное влияние имеют на Вас такие ломовые извозчики, как Трофим» (Чехов, 25).

Городской крестьянин не обращал внимания на свою безобразную речь, никак не комментировал эту особенность. Деревенский житель, чтобы донести эмоцию, вложенную в новое слово, почти всегда пояснял его, заменяя доступным для слушателя синонимом. «...Но только этого ужасного *плакона* берегись... Не пей – это водка...» (реплика крестьянки из «Тупейного художника» Н.С. Лескова – Лесков, т. 11: 386).

Городской житель охотно комментировал изобретенное им же самим новое слово. Он любил заниматься словопроизводством, особенно хорошо ему удавалось к новому иностранному слову присоединять известные русские аффиксы. Пожилая крестьянка в разговоре со своим бывшим баринком употребляет следующее слово, рассказывая о своей дочери: «Наняла француженку, танцмейстера, учительницу музыки и целых полгода себя *обнатуривала*», так что теперь и канкан может станцевать и на фортепианах побренчать, и «*La chose*» пропеть» (Салтыков-Щедрин «Письма к тетеньке. Письмо четвертое» – Салтыков-Щедрин, т. 7, 325). В народном деревенском говоре, в речи профессиональных писателей скупо комментировалось привычное словообразование проверенным способом, то есть «присоединять к испытанному веками корню все новые суффиксы» [Колесов 2006: 110]. «Орловский народ» считался *«пошельмоватее»*, а курыне – «ведомые кметы» – подразумевались якобы *«подурасливее»* (Н.С. Лесков «Продукт природы» – Лесков, т. 12: 124).

Будучи наивным лингвистом, крестьянин не мог полно и подробно оценить все особенности собственной речи. Профессиональные писатели и журналисты брали на себя эту роль. Рефлексию на бесконечную словесную путаницу

городского крестьянина мы находим у автора статьи «По поводу рассказов Марка Вовчка» К.Л. Леонтьева: «Вот, например, я знал одного старого кучера, который говорил всегда не так, как другие: «обделаем дело» у него было: «обраболепствуем дельце». «Как вы меня огорчили или обескуражили» – у него: «как вы меня обезпечили» (Отечественные записки, 1861, № 3, с. 13–14). Как известно, одно из свойств речи городского крестьянина – смешивать слова из многочисленных жаргонов, «казенной» речи, газет, журналов, «обрывков иноземных речений».

Следует заметить, что в речи деревенского крестьянина редко появляется развернутое, основательное пояснение слова, выражения (он разговаривает на общем для всех языке, городской же крестьянин общается с представителями разных сословий, поэтому он вынужден постоянно уточнять, пояснять сказанное), чаще встречается замена неизвестного слова на синонимичное, более привычное для слушателя, или использование описательного комментария, содержащего в ряде случаев народную этимологию: «Мальчишка я. Постреленок». – «Постреленок? что это за слово такое?» – «А это, когда мамка ругается, так говорит: ах пострели те горой! Оттого и постреленок» (М.Е. Салтыков-Щедрин «За рубежом» – Салтыков-Щедрин, т. 7, 35). Скупой метаязыковой комментарий к слову – типичная речевая реакция деревенского крестьянина.

Предварительные наблюдения над рефлексией крестьян свидетельствуют о том, что количество речевых рефлексивов превышает количество языковых. Это, возможно, объясняется тем, что крестьянин не умеет, да и не хочет рассуждать о языке. Он просто творит.

Жизнь дворянства в девятнадцатом веке «укладывалась в рамки светского приличия», «притягательная сила французских речений» наполняла речь готовыми штампами, сковывала свободу выражения истинных чувств, оценок действительности, поэтому оценочные реакции как столичного, так и провинциального дворянства, были скупы.

Далее опишем лингвоментальный портрет дворянства, учитывая, что рефлексивно пристрастную помеченность получают те особенности речи дворян,

которые вызывают «напряжение», соответствие норме/ненорме [см. об этом: Вепрева 2005: 100–115]. Совершенно разговорные интонации речи провинциального дворянина отрицательно оценивались профессиональными писателями. «Как надо было иметь особый навык, чтобы понимать...словесные выводы и заключения князя... Притом же он, говоря по-русски, как барич начала девятнадцатого века, оснащал свою речь избранным простонародным словом, которое у него было «стало быть» или иногда просто «стало». На этом стало порою все и становилось, но целость впечатления от этого нимало не страдала, а, напротив, к всеобщему удивлению, даже как будто выигрывала.» (Н.С. Лесков «Владычный суд» – Лесков, т. 12: 295). И сами дворяне оценивали свое речевое поведение как стилистически сниженное. «Василий Иванович с улыбкой приговаривал: «Заколю ангела Машурку!» – «В пух разцалую Машуренка!». Вот последнюю-то фразу Марья Александровна и не могла терпеть! Это потому, что Марья Александровна была женщина образованная; она никак не могла хладнокровно слышать таких мещанских или говоря попросту таких мужицких выражений, а в особенности от близкого ей человека. (Потанин «Старое старится, молодое растет». «Современник» за 1861 год, № 3, с. 396). Известно, что и просторечные слова глубоко проникли в лексикон провинциального дворянства. Многочисленные оценки этому явлению находим в текстах того периода.

Эмоциональные и аксиологические реакции на пристрастное отношение к иноязычному слову дворянина, произношение его «с пригнускою, тогда оно становилось более понятным» или замена разговорного русского слова французскими оборотами, также не редки в текстах. «Квартира отдавалась со всеми принадлежностями, с посудой, бельем и с фликой (*)». Далее автор статьи «Диета души» П. Меншиков в примечании замечает: «Так называются служанки. Собственно, flicca значит девушка» (Современник, 1861, № 4, с. 365).

Культурно-исторический портрет дворянина второй половины девятнадцатого века во многом объясняет его склонность к глубоким рассуждениям, подробным толкованиям значений слов. Мышление образованного дворянства находило свое отражение в сложной структуре рефлексивного

сознания. «Слово *аристократы* (в смысле высшего отборного круга, в каком бы то ни было сословии) получило у нас в России, где бы, кажется, вовсе не должно было быть его, с некоторого времени большую популярность и проникло во все края и во все слои общества, куда проникло только тщеславие... между купцами, между чиновниками, писарями, офицерами, в Саратов, в Мамадыши, в Винницы, везде, где есть люди... Ужасное слово *аристократ*» (Л. Н. Толстой «Севастополь в мае» – Толстой, т. 2: 25). Однако эта склонность была присуща образованному дворянину, а не грубому осколку дворянского гнезда, провинциальному неотесанному дворянину второй половины девятнадцатого века.

Итак, языковая и речевая рефлексия дворянства этого периода более сдержана. Лингвоментальный портрет дворянства содержит две фигуры (столичного и провинциального дворянина), которые требуют дальнейшего изучения. Более подробного рассмотрения требует и изучение профессиональных оценок языковых новаций, рефлексии авторитетных писателей и журналистов, формировавших стилистические, словообразовательные, орфографические нормы.

Литература

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.

Колесов В.В. Язык города. Издание 3-е стереотипное. М., 2006.

Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // *Язык и личность*. М., 1989. С.24–34.

Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад. Ростов-на-Дону, 1995.

Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М., 2005.

Источники

Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1989.

Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений в 10 томах. М., 1988.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 12 томах. М., 1987.

Чехов – Л.С. Мизиновой, 12 июля 1891 год, Богимово. // Переписка с
А.П.Чехова в двух томах. Том 2. М., 1984.

Е. Н. Варникова (Вологда)

ОЙКОНИМЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ ОТ ТЕРМИНОВ ПОДСЕЧНО-ОГНЕВОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ, КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МАССОВОГО (КРЕСТЬЯНСКОГО) ЗАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

История формирования административной терминологии, зафиксированной в севернорусской ойконимии, отражает историю славянского освоения Русского Севера. «Славянские по происхождению административные единицы возникли в разные периоды развития языка. Слово *село* развивает значение ‘земля и селение на ней’ в диалектах праславянского языка. Слова *слобода*, *погостъ*, *дворъ* возникают в отмеченном значении в говорах языка древнерусской (общевосточнославянской) народности до образования письменности. Слова *деревня*, *починок*, *ново* (*новцо*, *новишко*) появляются после возникновения восточнославянской письменности» [Чайкина 1976: 29].

Наиболее древние наименования селений (*село*, *стан*, *становище*, *исад*, *погост*), связанные с боярско-княжеской колонизацией Русского Севера, так или иначе выражают идею остановки в пути или оседлости: признавая отсутствие бесспорных и общепринятых версий происхождения слова *село*, этимологи указывают на частичное смешение его на общеславянской почве со словами, восходящими к корню *sed-* ‘сидеть’ [Черных 2: 152], в словах *стан*, *становище* ученые выделяют древнюю основу со значением ‘стоять’ [Фасмер 3, 745], существительное *исад* образовано от глагола *изъсадити* – ‘высадить на берег’ (в XVII в. *иссадити* – ‘заселить’) [СлРЯ XI–XVII, 6: 250], слово *погост*, родственное словам *гость*, *погостить*, в древнерусском языке имело значение ‘жилое подворье князя и его свиты при налогообложении’ [Фасмер 3, 295].

Слова *деревня*, *починок*, *ново* и др. отражают иной этап освоения новых земель. В первичных своих значениях эти слова, как известно, являются терминами подсечно-огневого земледелия, сема '*селение*' в них вторична.

Слово *деревня* является сравнительно поздним по образованию: широкое его употребление начинается с XIV века. «*Деревня* – специфически русское слово, образованное посредством суффикса *-н(я)*, не известное другим славянским языкам. При сопоставлении с сохранившимися родственными словами, восходящими к общему корню *дер-, дър-* (рус. диал. *драть* '*пахать лесную новину*', укр. обл. *деревня* '*срубленные деревья*', лит. *dirva* '*нива, пашня*'), восстанавливается его первоначальный смысл '*пашня на месте вытербленного леса и починок на ней*'» [Лемтюгова 1983: 121].

В XV в. наряду с древним значением '*подсека*' развиваются вторичные значения: '*комплекс земельных угодий, владение*' и '*комплекс земельных угодий с селением на нем*' [Чайкина 1976: 20, Лемтюгова 1983: 121]. Синкретизм последнего значения объясняется тем, что под деревней в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси понималось не только само поселение, но и весь комплекс угодий – пашенной земли, покосов, леса и т. п., составлявших в целом деревенское хозяйство [Веселовский 1936: 12, Колесников 1976: 76].

Появление этого слова и развитие его смысловой структуры были обусловлены самим процессом массового заселения славянами северных территорий, где свободные от леса места уже были освоены в первые века заселения, и поэтому приходилось расчищать новые участки.

Образование ойконимов с компонентом *деревня* датируется XV веком и относится в основном к северо-восточным и северным территориям Руси, где в конце XIII–XVI вв. появляются тысячи новых селений. В сравнении с их количеством число рассматриваемых топонимов сравнительно невелико. По подсчетам В.П. Лемтюговой, в Списках населенных мест Российской империи конца XIX века немногим более ста ойконимов, мотивированных словом *деревня*. Распространяются они равномерно на территории 25 губерний. «Несколько выше

их численность в Вятской, Вологодской, Новгородской и Санкт-Петербургской губерниях» [Лемтюгова 1983: 122].

По данным административного деления Вологодской области на 1 января 1973 года [Вологодская область 1974: 409 и др.] насчитывается всего 16 ойконимов, образованных от слова *деревня* и его производных. Само производящее не встречается в однословных топонимах. Оно отмечается только в топонимах-словосочетаниях *Новая Деревня* (5 названий – по одному в Вытегорском, Бабаевском, Череповецком, Верховажском и Великоустюгском районах).

В однословных названиях, как правило, выступает деминутив *деревенька* (8 топонимов – по два в Великоустюгском, Вологодском и Сокольском районах и по одному в Вожегодском и Харовском). Встречается он также в топонимах-словосочетаниях: *Деревенька-Кузнечиха*, *Деревенька-Шапинская* (Харовский район).

Сохранился в ойконимах и древний термин *деревнище* ‘место, где была деревня’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 220–221]. Эта этимология подтверждается преданием, известным от старожилов деревни *Деревнища* (Череповецкий район), якобы не раз менявшей в прошлом свое местоположение.

На территории Вологодской области, как и в пределах всего ареала, названия с компонентом *деревня* рассеяны по разным районам и не образуют скоплений.

Иная география топонимов, производных от однокоренного с *деревня* термина *дор*.

Чередованием гласных этот термин тоже связан с *деру*, *драть* и имеет первичное значение ‘поднятая целина, новь’ [Фасмер 1: 529]. Развитие его семантической структуры в вологодских говорах происходит на метонимической основе и предопределяет проникновение в топонимию: 1) ‘пашня на расчищенном среди леса месте’ К-Г.; 2) ‘сенокосное угодье на месте вырубленного леса’ Вож., Хар.; 3) ‘мелкий кустарник’ Тарн.; 4. ‘селение среди леса’ К-Г. [СВГ 2, 46].

На карте Вологодской области около 60 топонимов с корнем *дор-*. По структуре эти названия намного разнообразнее в сравнении с топонимами, производными от слова *деревня*. Чаще всего термин *дор* встречается в однословных ойконимах: *Дор* (их 25) и *Доры* (одно название в Бабушкинском районе). В некоторых случаях топонимы имеют форму женского рода: *Дора* (2 названия в Устюженском и Череповецком районах). В топонимообразовании участвуют также деминутивы: *Дорок* (1 – Шекснинский район), *Дорка* (1 – Череповецкий район). Такие топонимы, как правило, плюральны: *Дорки* (по одному названию в Вологодском, Грязовецком и Череповецком районах), *Дорочки* (1 – Грязовецкий район). Редки другие суффиксальные структуры: *Дороватка* (1 – Междуреченский район), *Доровиха* (1 – Вожегодский район), и только одно префиксально-суффиксальное образование: *Задорка* (Грязовецкий район). В отдельных случаях в создании топонимов участвует субстантивация: *Дорино* (1 – Устюженский район), *Доровское* (по одному названию в Междуреченском и Вологодском районах), *Дорково* (1 – Вологодский район), *Дорковская* (1 – Вожегодский район).

Довольно многочисленны топонимы-словосочетания: *Малая Дора* – *Большая Дора* (Череповецкий район), *Большой Дор* – *Малый Дор* (Кирилловский и Череповецкий районы), *Верхний Дор* – *Нижний Дор* (Шекснинский район), *Старый Дор* – *Новый Дор* (Грязовецкий район), *Емельянов Дор* – *Коркин Дор*, *Минин Дор* – *Павликов Дор* – *Крутой Дор*, *Семенцев Дор*, *Окинин Дор* (Кичменгскогогорोдецкий район). Обычно они составляют пары и функционируют в пределах ойконимических микросистем: с помощью определений различаются одинаковые названия разных деревень в одном сельсовете.

Ойконимы с компонентом *дор* распространены в основном на территории центральных и восточных районов Вологодской области с максимальной концентрацией в Череповецком (7 названий), Вологодском, Грязовецком (по 8 названий) и Кичменгскогогородецком (10 названий) районах. На северо-западе и северо-востоке области они отсутствуют, например, в соседнем с Кичменгскогогородецким Великоустюгском районе нет ни одного такого названия.

Количественное преобладание ойконимов с этим компонентом в сравнении с названиями, образованными от родственного в прошлом слова *деревня*, объясняется, по-видимому, тем, что последний получил широкое распространение и закрепился в языке в значении 'селение'. Устойчивое употребление его как нарицательного родового имени крестьянского поселения ограничивало проникновение в топонимию.

Многочисленную группу составляют и топонимы, производные от слова *починок* (80 названий).

«Это слово, бесспорно, славянское с корнем *ча*, который употребляется только в связанном виде: *начать, зачать, начало, початок, почин, починок*. Однокоренные слова бытуют в других славянских языках...

На восточнославянской почве оно развивает специфическое значение, не отмеченное в других славянских языках. По мнению А.А. Потехина, этимологическое значение его тоже «относится к закладке не поселения, а новой пашни в лесу» [Чайкина 1976: 23].

Развитие семантической структуры слова не совпадает по времени на разных территориях. В значении 'поселение на месте лесных разработок или на пустошах' слово фиксируется в северо-восточных памятниках с XIV в., в новгородских и псковских – с XV в. [Лемтюгова 1983: 70].

В XVI в., по свидетельству ученых, это слово употребляется наиболее последовательно в значении 'селение с земельным участком' и сближается по семантике со словом *деревня* [Чайкина 1976: 24; Лемтюгова 1983: 70]. Различия в их значениях связаны с отсутствием у починка достаточно прочной земельной базы [Кочин 1965: 116].

В топонимической функции термин *починок* отмечается с XV в. Наиболее интенсивно топонимизация этого термина проходит в XVI–XVII вв. на центральных территориях Московского государства. За его пределами процесс перехода апеллятива *починок* в топонимию идет более медленными темпами и определяется степенью живучести лексемы в нарицательном значении [Лемтюгова 1983: 71].

Этот вывод В.П. Лемтюговой подтверждается данными нашей территории. По свидетельству Ю.И. Чайкиной, появление ойконимов *Починок* в Белозерье наблюдается с XVI в. [Чайкина 1976: 25]. В Посухонье же, более удаленном от Центра, такие названия фиксируются лишь документами XVIII в. [Варникова 1988: 42 – 43].

География топонимов, производных от термина *починок*, отражает результаты его топонимизации. По подсчетам В.П. Лемтюговой, Списки населенных мест Российской империи «содержат 580 ойконимов, сложившихся на базе апеллятива *починок*. Они сконцентрированы в границах 26 губерний. Наибольшее количество этих ойконимов отмечается в Костромской, Ярославской, Вятской, Казанской, Смоленской, Владимирской, Вологодской, Тверской губерниях» [Лемтюгова 1983: 71].

На территории Вологодской области наблюдаются два скопления топонимов с компонентом *починок*. 47 названий концентрируются в центральных Кадуйском (3 топонима), Череповецком (6), Шекснинском (4), Вологодском (8), Грязовецком (5), Междуреченском (7), Сокольском (5), Харовском (3), Усть-Кубинском (3) и Кирилловском (3) районах. Второе скопление (33 топонима) отмечается в северо-восточных Бабушкинском (4 названия), Тотемском (7), Кичменгскогогородецком (2) и Великоустюгском (20) районах. Причем в центральных районах преобладают однословные топонимы, а в северо-восточных – топонимы-словосочетания.

Отсутствие топонимов *Починок* в западных и северо-западных районах нашей области Ю.И. Чайкина объясняет рядом причин. По ее мнению, апеллятив *починок* на территорию Белозерья (юго-восток края – бассейны рек Порозовицы и Суслы) был занесен на позднем этапе развития языка древнерусской народности выходцами из районов Верхнего Поволжья. Западные районы (Бабаевский район и западная часть Вытегорского) осваивались русскими позднее, когда это слово уже вышло из активного употребления. Отсутствие же таких названий в восточной части Вытегорского района, а также по берегам Белого озера и по нижнему течению реки Шексны Ю.И. Чайкина связывает с ранними

колонизационными потоками (ранний этап древнерусского периода) из Новгорода Великого. «В словаре древних новгородцев, осваивавших эти места, апеллиатива *починок* еще не было» [Чайкина 1976: 25–26].

Последняя причина, на первый взгляд, позволяет легко объяснить и отсутствие топонимов *Починок* в Верховажском и Тарногском районах: эти территории, как известно, тоже осваивались новгородцами. Но тогда возникает вопрос: почему такие топонимы есть, например, в Тотемском районе? Ведь и на территорию Средней Сухоны первыми вышли именно новгородцы [Насонов 1951: 188].

Еще более усложняют проблему диалектные факты: слово *починок* фиксируется в говорах как запада, так и востока Вологодской области. В работе Ю.И. Чайкиной приводятся следующие значения этого слова: ‘деревня’ (Череповецкий район), ‘хутор, крестьянский двор в стороне от деревни’ (Кирилловский район), ‘пашня, сенокос, расположенные в лесу на расчищенном месте’ (Усть-Кубинский район), [Чайкина 1976: 25]. Отмечается оно и в Словаре вологодских говоров: 1) ‘*вырубка в лесу*’ Геогр.?; 2) ‘*участок земли*’ Сямж.; 3. ‘*сенокосное угодье*’ Гряз., В-У.; 4) ‘*отдаленная, глухая деревня, обычно небольшая*’ Баб., К-Г., Ник., Тот. [8: 26 – 27]. К какому (каким) из этих значений восходят топонимы на западе и востоке нашей области? Как можно объяснить наличие двух скоплений названий, различных по своей структуре? По-видимому, это тема для специального исследования.

Среди топонимов-словосочетаний, как и в пределах всего ареала рассматриваемых названий, преобладают посессивные конструкции с притяжательными прилагательными: *Усов Починок, Кочурин Починок, Москвин Починок, Мосеев Починок, Селяков Починок, Венрев Починок* и др. (Великоустюгский район). Реже значение принадлежности передается с помощью относительных прилагательных: *Федоровский Починок, Облупинский Починок, Меркурьевский Починок, Аксеновский Починок* (Великоустюгский район), *Ивановский Починок* (Бабушкинский район) и др.

Немногочисленны топонимы-словосочетания с другими определениями: *Нижний Починок* (по одному названию в Кадуйском и Междуреченском районах), *Верхний Починок* (по одному названию в Великоустюгском и Междуреченском районах), *Горелый Починок* (Череповецкий район), *Заболотный Починок* (Кичменгскогородецкий район).

Топонимы с компонентом *починок*, так же, как и названия, производные от термина *дор*, часто образуют оппозиции в пределах ойконимических микросистем: *Аксеновский Починок – Облупинский Починок* (Великоустюгский район), *Аникин Починок – Шеин Починок* (Тотемский район), *Попов Починок – Шабалин Починок – Покров Починок* (Междуреченский район) и др.

В западных районах Вологодской области, там, где отсутствуют названия с компонентом *починок*, распространены топонимы с корнем *нов-* (30 ойконимов). Ареал этих названий плавно соединяется по линии Кириллов – Кадуй с зоной распространения топонимов *Починок* в центре области.

Половина топонимов с корнем *нов-* может быть соотнесена с вышедшим из употребления термином *ново*. На территории Белозерья этот термин фиксируется впервые, как свидетельствует Ю.И. Чайкина, в памятниках второй половины XV в. в значении ‘вновь разделанный под пашню земельный участок’. Затем это значение расширяется, в семантическом отношении термин сближается со словом *починок*: *ново* – ‘вновь распаханый участок с селением на нем’. В этом значении слово *ново* употребляется в документах XVI–XVII вв., позднее оно выпадает из речевого обихода и отражается в топонимии [Чайкина 1976: 26–29].

По мнению Ю.И. Чайкиной, «*ново* – узко местное, локальное слово, результат спонтанных процессов, характерных для XV–XVI вв., периода становления белозерских говоров как самостоятельной единицы» [Чайкина 1976: 29]. Думается все же, это слово имело в прошлом более широкое распространение. В значении ‘*вновь расчищенное место*’ оно отмечается Словарем русского языка XI–XVII вв. в Актах социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. [СлРЯ XI–XVII, 11: 396]. Кроме того, топонимы *Ново* фиксируются не только в Белозерье: семь таких

названий функционируют, например, в Ярославской области [Ярославская область 1986: 302].

В ойконимии Вологодской области отразились разные родовые варианты термина *ново*. Шесть топонимов имеют форму среднего рода *Ново* (по 2 названия в Белозерском и Вашкинском районах и по одному в Шекснинском и Кирилловском), два – женского *Нова* (Кирилловский и Череповецкий районы) и два – мужского *Новец* (Вашкинский и Харовский районы). Деминутивные образования имеют плюральную форму *Новишки* (два названия в Череповецком районе). Редки топонимы-словосочетания: *Большое Ново* – *Малое Ново* (Череповецкий район).

Другая половина топонимов с корнем *нов-* восходит к термину *новина*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. одно из значений этого слова – ‘*земля для посева, которая распахивается впервые*’ [СлРЯ XI–XVII, 11: 395]. В значении ‘*расчищенное для пашни место среди леса, подсека*’ слово широко представлено в вологодских говорах [СВГ 5, 109–110].

В роли ойконимов выступает деминутив этого термина – *Новинка* (3 топонима в Бабаевском, по два в Устюженском и Череповецком районах, по одному – в Вытегорском, Кадуйском и Чагодощенском районах). Отмечаются так же, как и в других случаях, плюральные формы – *Новинки* (по одному топониму в Вытегорском, Устюженском и Вожегодском районах). Только одна пара топонимов-словосочетаний: *Малая Новинка* – *Большая Новинка* (Череповецкий район).

Другие термины подсечно-огневого земледелия представлены меньшим количеством топонимов.

Всего десять названий деревень соотносятся с термином *гарь*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. одно из значений слова *гарь* – ‘*выжженный или выгоревший участок леса, предназначенный под пашню*’ АСБР, 11: 193; ок. 1492 г. [СлРЯ XI–XVII, 4: 12]. Словарь русских народных говоров более точно определяет это значение: ‘*выжженное место в лесу, предназначенное для посева, но еще не очищенное и не вспаханное*’ Волг., Пск, Заурал., Перм., Енис., Вост.

Сиб. В нюксенских вологодских говорах СРНГ фиксирует производное от него значение ‘*дальнее сенокосное угодье*’ [СлРЯ XI–XVII, 6: 148 – 149].

Топонимы *Гарь, Загарье, Ермакова Гарь – Надболотная Гарь* отмечаются в Кичменгскогородецком районе, *Осиновая Гарь, Малые Гари* – в Никольском, *Загарье* – в Великоустюгском, *Гари* – в Грязовецком и Шекснинском, *Погарь* – в Вологодском районе.

Семь ойконимов имеют в своей основе термин *поляна* и его деминутив *полянка*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. одно из значений слова *поляна* – ‘*росчисть на сельскохозяйственном угодье*’ [СлРЯ XI–XVII, 16: 289].

Топонимы *Поляна, Поляны, Полянки* фиксируются в Вологодском районе, *Полянка* (2 названия) – в Грязовецком, *Поляна* – в Шекснинском и *Полянка* – Череповецком районах.

Любопытно, что в пределах ойконимических микросистем эти названия почти во всех случаях соотносятся с топонимами, образованными от других терминов подсечно-огневого земледелия: *Поляна* – *Починок*, *Поляны* – *Кулиги* (Вологодский район), *Полянка* – *Починок*, *Полянка* – *Задорка* (Грязовецкий район), *Полянки* – *Новинки* (Череповецкий район), *Поляна* – *Починок* – *Дорок* (Шекснинский район).

Шесть топонимов образованы от термина *жар*. В Словаре русского языка XI–XVII вв. этот термин толкуется, в частности, как ‘*участок леса, выжженный под пашню*’ Новг. и Пск. [СлРЯ XI–XVII, 6: 75].

Ойконимы *Жар* отмечены в Нюксенском и Сямженском районах, *Жары* (2 названия) и *Жарки* – в Череповецком районе, *Жаровка* – в Бабушкинском.

Топонимы, возникшие на основе термина *жар*, также активно участвуют в организации ойконимических микросистем: *Жар* – *Дор* (Нюксенский район), *Жарки* – *Дорки* – *Починок*, *Жары* – *Починок* (Череповецкий район).

Три названия деревень восходят к термину *пень*: *Пень* (2 топонима в Великоустюгском районе) и *Никола-Пень* (Грязовецкий район). В словаре Даля *пень* сев. – ‘*расчищенное в лесу, выкорчеванное место*’ [Даль III, 29].

Два топонима соотносятся с термином *засака* – ‘расчищенное место в лесу’ Пенз., Тотем. Волог., Булич., Холмог. Арх. [СРНГ 11: 25–26]: *Засака* (Тотемский район) и *Засечное* (Грязовецкий район).

Таким образом, более 200 названий селений на территории Вологодской области связаны в своем происхождении с лексикой подсечно-огневого земледелия. В ойконимии края отразились термины *деревня*, *дор*, *починок*, *ново*, *новина*, *новинка*, *гарь*, *поляна*, *полянка*, *жар*, *пенье*, *засака*.

Все эти термины являются славянскими по происхождению. Их появление в старорусском языке было обусловлено ходом массового освоения славянами новых северных территорий.

В зависимости от этого происходило и развитие семантической структуры ряда лексем: вслед за словом *деревня*, закрепившимся в языке во вторичном значении ‘селение’, это значение приобретают термины *дор*, *починок*, *ново*.

Скопления ойконимов, восходящих к терминам подсечно-огневого земледелия, на территории Вологодского края являются частью более широких ареалов таких названий на Северо-Востоке России.

Литература

Варникова Е.Н. Русская топонимия Среднего Посухонья в ономаσιологическом аспекте: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Вологда, 1988.

Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М.–Л., 1936.

Вологодская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1978 года. Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1974.

Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976.

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси конца XIII – начала XVI вв. М.; Л., 1965.

Лемтюгова В.П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения: Названия типов поселений. Минск: Наука и техника, 1983.

Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Чайкина Ю.И. История административной терминологии Белозерья // Лексика севернорусских говоров. Вологда, 1976. С. 3–51.

Ярославская область: Административно-территориальное деление на 1 января 1986 года. Ярославль, 1986.

Сокращения

Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М., 1994.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. Вологда, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под. ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. 1–40. М.–Л., 1961–2006.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. М., 2004.

Черных – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: В 2-х т. М., 1994.

**ЛОКАТИВНЫЕ ИМЕНОВАНИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ
В ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ БЕЛОЗЕРСКОГО КРАЯ
КОНЦА XIV–XV В.**

Исследователи ономастикона древнерусских и старорусских памятников письменности неоднократно указывали на слабую ограниченность имен собственных от имен нарицательных на ранних этапах становления региональных онимических систем [Карпенко 1966, Матей 1987, Смольников 2005]. Для топонимии древнейших письменных памятников характерно разнообразие типов номинаций, выражающих посессивные, локативные или качественные значения. В данной работе рассматриваются основные виды локативных именований географических объектов, отмеченные в памятниках письменности Белозерского края конца XIV–XV в. Локативные наименования исследуются с позиций функционального подхода к описанию ономастических единиц, продуктивность которого была убедительно доказана в работах С. И. Смольникова [Смольников 2002; 2005].

Функция выражения пространственных отношений первична для названий географических объектов, следовательно, локативы составляют функциональное ядро любой топонимической системы. Очевидна связь именований данного типа с ФСК локативности. В функциональной грамматике локативность понимается как «семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП, которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений» [ТФГ, 5]. Общая семантика категории локативности включает в себя три компонента: локализуемый объект, локализатор, пространственное отношение, связывающее локализуемый объект и локализатор [ТФГ, 8].

Географические именованья, извлеченные из актовъ текстов, обозначаютъ локативные отношенія с разнѣй степенью дифференціаціи. В топониміи памятниковъ письменности первичнымъ (спеціализированнымъ) средствомъ выраженія локативныхъ значеній являются ориентированные именованія дотопонимическаго характера. В исследуемыхъ текстахъ они представлены предложно-падежными и предикативными конструкціями: *поженка, что у меня на Пачюсе* (АСВР II, 38, 1397–1427 гг.), *село на Люпоозере* (АСВР II, 255, 1470 г.). В такихъ именованіяхъ все компоненты локативной ситуаціи представлены эксплицитно. Все исследуемые географическія названія включаютъ локализаторъ – имя существительное, принимающее синтаксическую форму обстоятельства места: *деревня на Песочне* (АСВР II, 223, 1473 г.). Локализуемый объектъ обозначенъ географическимъ терминомъ, пространственныя отношенія выражены предлогами и падежными окончаніями: *пожня отъ Никифоровы пожни до Микифоровы пожни* (АСВР II, 168, 1455–75 гг.), *пожня на усть-Марьевы* (АСВР II, 72, 1435–47 гг.), *пожни по речке по Колдоме* (АСВР II, 290, 1492 г.). В памятникахъ монастырскаго деловаго письменности предложно-падежныя конструкціи используются также для именованія лицъ по месту рожденія или проживанія: *Исачко з Боровыя деревни* (АСВР II, 290, ок. 1492 г.), *Иван Есипль с Ырдомы* (АСВР II, 56, 1428–34 гг.).

В текстахъ актовъ наиболее частотными являются предложно-падежныя конструкціи с однимъ или с двумя локализаторами: *пожня за Марьевою речкою* (АСВР II, 112, 1448–70 гг.), *в Заозерьи в Глебцеве слободѣ деревни* (АСВР III, 269, 1479 г.), *наволокъ противу устья Суды реки на реке на Шексне* (АФЗХ, 306, 1504 г.) и т.д. В отдѣльныя именованія включается три или четыре локализатора: *пожня на усть-Марьевки речки до Сечюча, до манастырскыя пожни* (АСВР II, 151, ок. 1440–60 гг.), *пожня в Вижькинскомъ наволоцѣ отъ поповы пожни Фроловы до Кореневы межи* (АСВР II, 5, 1397–1410 гг.). В такихъ конструкціяхъ средствомъ выраженія локативнаго значенія являются не только предложно-падежныя формы, но и наречія: *пожня отъ Толдовскаго озера внизъ до кривыя березы, отъ той березы прямо къ Шохснѣ на краи Тресты* (АСВР II, 39, 1397–1427

гг.), *пожня вниз по Шелекше левую сторону от Волоцкого пути до реки до Порозобицы* (АСВР II, 334, 1499–1500 гг.). Данные именованья довольно широко распространены в поземельных актах. Сельскохозяйственные угодья являлись предметом купли-продажи, поэтому для создателей документов было важно точно обозначить границы отчуждаемых земельных владений. В именованьях типа *дал пожню на Шохсне на усть-Сярьс с верхнюю сторону, да по речке по Сярьсе вверх до Ивановы же пожни* (АСВР II, 134, 1448–70 гг.) локативные определители выполняют функцию межевой формулы, которая в большинстве актов представляет собой самостоятельное предложение (*А межа той земли от... до...*).

В исследуемых текстах отмечены топонимические сочетания географического термина с прилагательным, имеющим в своем морфемном составе префикс с пространственным значением: *пустошь Запрудная* (КБел 6, 3 об., 1448 г.), *пожня Подборная* (АФЗХ, 288, 1495–1511 гг.). Вероятно, данные ориентированные именованья возникли в результате структурной модификации предложно-падежных форм. В исследуемых текстах отражен процесс топонимизации ориентированных именованний (формирования специализированной модели словообразования локативных топонимов). В белозерских письменных памятниках отмечено географическое название, образованное конфиксальным способом: *деревня Заозерьяца* (АСВР II, 284, 1492 г.). По частеречной принадлежности данное именованье является именем существительным. Подобные формы тяготеют к выходу за пределы ФСП локативности: в топониме *Заозерьяца* локативное значение объединяется со специализированным ономастическим значением.

В текстах монастырских актов широко представлены локативные топонимические сочетания относительного прилагательного и географического термина. Производящей базой для относительного прилагательного, входящего в состав топонимического сочетания, в ряде случаев является основа апеллятива: *пожня Мостовая* (АСВР II, 22, 1397–1427 гг.), *Боровая деревня* (АСВР II, 290, 1492 г.) – *бор* 'возвышенное место, холм' Арх., Вят., Твер., Петерб., Tobол. (СРНГ

3, 96), село *Бережное* (АСВР II, 105, 1448–70 гг.), *Подольнее селище* (АФЗХ, 307, 1453 г.) – *подол* 'низкое, низменное место, особенно под горой, близ реки; низина' (СлРЯ XI–XVII 16: 28), дер. *Горня* (АСВР II, 290, 1492 г.).

Более дифференцированно обозначают локативные отношения именованя, в которых прилагательное восходит к имени собственному: *Коркучская нива* (АСВР II, 298, 1490 г.), *наволот Ергобоцкой* (АСВР II, 47, 1428–32 гг.), *Шидьярская деревня* (АСВР II, 230, 1475–80 гг.), *Ирдомское село* (АСВР II, 218, 1472 г.), *пустошь Чарондская* (АСВР II, 218, 1472 г.). Номинации, включающие в свой состав прилагательное, образованное от географического названия, наиболее частотны в исследуемых текстах. Конструкции, включающие в свой состав личное имя и оттопонимическое определение – относительное прилагательное на *–ский*, активно используются и для именованя лиц по месту проживания: *Михаил Фокинский* (АСВР II, 229, 1475–76 гг.) – *Фокинская деревня* (АСВР II, 229, 1475–76 гг.), *Ивашко Пестовской* (АСВР II, 229, 1475–76 гг.) – *деревня Пестова* (АСВР II, 296, ок. 1496–1505 гг.), *Петрок Леишинской* (АСВР II, 290, 1492 г.) – *деревня Леишина* (АСВР II, 223, 290, 1492 г.).

Именованя географических объектов, построенные по модели «относительное прилагательное + географический термин», являются неспециализированным топонимическим средством выражения локативных значений. В конструкциях (например, *Ситцкие пустоши*) представлены только локализатор (*Ситцкие* – р. Ситка) и локализуемый объект (*пустоши*). Суффикс *-ск-* реализует недифференцированное релятивное значение. В именованях, указывающих на отношение одного объекта к другому, локализатор занимает синтаксическую позицию определения. В атрибутивных конструкциях значение локализации ослабевает, объединяясь с определительным значением.

В белозерских памятниках письменности XIV–XV вв. наблюдаются две противоположные тенденции. С одной стороны, именованя, построенные по модели «относительное прилагательное + географический термин», обнаруживают тесную связь с предложно-падежными конструкциями, входящими в состав ядерной части ФСП локативности. Об этом свидетельствует наличие

морфолого-синтаксических вариантов: *деревня на Талице* (АСВР II, 117, 1448–70 гг.) – *деревня Талитцкая* (АСВР II, 117, 1448–70 гг.), *поженки Чяромские* (АСВР II, 238, 1476–82 гг.) – *поженки на Чяромке* (АСВР II, 290, 1492 г.), *деревня в Шидьяре* (АСВР II, 15, 1397–1427 гг.) – *Шидьярская деревня* (АСВР II, 230, 1475–80 гг.).

С другой стороны, в исследуемых текстах отмечены образования, в которых отсутствует согласование географического термина и определяемого прилагательного по роду: *дер. Чяромское* (АСВР II, 290, 1492 г.), *деревня Подолское* (АСВР III, 272, 1497 г.). Данные конструкции тяготеют к выходу за пределы ФСП локативности. Наличие подобных форм в текстах актов свидетельствует о том, что в XV веке процесс эллиптической субстантивации атрибутивных топонимических сочетаний с локативной семантикой уже начался.

В памятниках письменности представлены не только локативные именованья дотопонимического характера, но и локативные топонимы, возникшие в результате собственно ономастического словообразования: *поженка Сосновка* (АСВР II, 78, 1435–47 гг.), *дер. Подол* (АСВР II, 290, 1492 г.), *деревня Взвоз* (АСВР II, 290, 1492 г.) – *взвозъ* 'въезд, подъем (от реки, моста, перевоза)' (СлРЯ XI–XVII, 2: 144), *деревня Мыс* (АСВР II, 285, 1492 г.) – *мыс* «в названиях населенных пунктов, расположенных на возвышенности» Арх., Перм. (СРНГ 18: 60) и др.

Собственно топонимами являются образования с формантами *-еу*: *Осиновец земля* (АСВР III, 272, 1497 г.), *-к(а)*: *поженка Сосновка* (АСВР II, 78, 1435–47 гг.), а также географические названия, образованные в результате процессов трансонимизации: земля *Мароозеро* (АСВР II, 165, 1455 г.), онимизации апеллятива: земля *Прилук* (АСВР II, 61, 1428–34 гг.) – *прилук* 'берег речного изгиба' Холм., Коми АССР, Соликам., Перм., Иркут., Илим. (СРНГ 31: 280), пожня *Плесо* (АСВР II, 168, 1455–75 гг.) – *плёсо* 'участок реки от одного изгиба или переката до другого' Костром., Волог., Арх., Сев.-Двин., Новг. (СРНГ 27, 116), село *Борок* (АСВР II, 307, 1453 г.). В исследуемых текстах зафиксированы именованья, в которых онимизация апеллятива сопровождается лексикализацией

формы множественного числа: *деревня Липники* (АСВР II, 267, 1485 г.), *пожня Вязники* (АФЗХ, 309, 1511), *деревня Березники* (АСВР II, 290, 1492 г.). Локативное значение в топонимах *деревня Горка* (АСВР II, 267, 1485 г.), *поженка Сосновка* (АСВР II, 78, 1435–47 гг.) замещается разрядным топонимическим. Следовательно, собственно топонимы, возникшие в результате словообразования по модели, выходят за пределы ФСП локативности.

В официально-деловой речи рассматриваемого периода наблюдается тенденция преобразования собственно топонимов в топонимические дескрипции: земля *Прилук* (АСВР II, 61, 1428–34 гг.) – *Прилуцкие земли* (АСВР II, 61, 1428–34 гг.), земля *Липник* (АСВР II, 164, 1455 г.) – *земли Липенские* (АСВР II, 164, 1455 г.), земля *Мароозеро* (АСВР II, 165, 1455 г.) – *земли Мароозерские* (АСВР II, 165, 1455 г.). Это еще раз позволяет говорить о разнонаправленной динамике ономастической лексики в составе ФСП: центробежной (движение топонимных образований за пределы функционально-семантических категорий), центростремительной (движение топонимных образований от периферии к центру ФСП).

Таким образом, функциональный подход позволяет по-новому взглянуть на процессы, происходящие в ономастическом пространстве. В XIV–XV вв. топонимия монастырских актов Белозерского края представляла собой систему проприально-апеллятивного характера и находилась на стадии перехода от сочетаний дотопонимического характера к собственно топонимам. Топонимические сочетания с локативной семантикой, зафиксированные в деловых текстах Белозерского края конца XIV–XV в., не были однородными. Очевидно, что в памятниках письменности наряду с устойчивыми сочетаниями, закрепившимися в языке (социолекте), употребляются речевые топонимические сочетания. Топонимические конструкции, носящие характер устойчивой языковой номинации, являлись производящей базой для собственно топонимов. Речевые топонимические сочетания создавались и использовались для обозначения географических объектов в официально-деловых текстах.

Литература

Карпенко Ю.А. Становление восточнославянской топонимии (закономерности словообразования) // Изучение географических названий. М., 1966. С. 7–18.

Матей Л.П. Русская ойконимия с точки зрения семантической и структурной эволюции // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987. С. 44–59.

Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб., 2005.

Смольников С.Н. Категория посессивности в старорусском языке и проблемы исторической ономастики // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002. С. 5–28.

Сокращения

а) в названиях источников

АСВР – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. II, III. М., 1958.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. Т. I. М., 1951.

КШ 2 – Книга крепостей на пожни по р. Шексне. // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 2.

КБел 6 – Книга крепостей на пустоши в Белозерском и Вологодском уездах. // РГАДА. Ф. 1441. Оп. 1. № 6.

б) в названиях словарей

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М.–Л.–СПб., 1965–2002.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.

в) в названиях научных монографий

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

з) другие

ФСК – функционально-семантическая категория

ФСП – функционально-семантическое поле

Ю. И. Чайкина (Вологда)

ИМЕНОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВЕЛИКОГО УСТЮГА В ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ РАЗНЫХ ТИПОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.

В статье речь пойдет об именовании жителей одного города в один и тот же исторический период, но в документах разных типов. Такой подход к ономастике учитывает основные принципы анализа старорусских текстов, утвердившиеся в отечественной науке [Дерягин 1980]. В качестве материалов для исследования привлекаются антропонимы в писцовых книгах Устюга Великого 1676–1683 гг. (Книги писцовые Устюга Великого посаду и Устюжского у. и монастыремъ и разных чинов владельцев селам и деревням письма и меры писцов Алексея Ивановича Лодыженского да подьячего Алексея Ерофеева // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII вв. М., 1883) и раздаточных и приходно-расходных книгах Троице-Гledenского монастыря 1675 г. (Раздаточные книги Троице-Гledenского монастыря 1675 г. // Деловая письменность Вологодского края. Вологда, 1979).

Писцовые книги – это жанр официальной деловой письменности Московского государства, составлялись они местными подьячими, но под руководством московских писцов. Писцовые книги обычно отправлялись в Москву. Хозяйственные книги монастырей (раздаточные, приходно-расходные, платежные и др.) составлялись монастырскими писцами, это книги для внутреннего монастырского обихода.

Рассмотрим вначале особенности именований устюжан в писцовых книгах 1676–1683 гг. – официальном документе, антропонимическое содержание которого и раньше привлекало внимание исследователей [Смольников 1996]. В писцовых книгах подавляющее большинство именований состоит из трех компонентов. Методом сплошной выборки в нескольких разделах писцовой книги мы насчитали 217 именований, из них 175 трехкомпонентных и только 42 двухкомпонентных. Ср.: *Максимко Захарьевъ Басмановъ, Мишка Васильевъ Вохминъ, Якушко Васильевъ Перетягинъ, Иванко Васильевъ Тотмянинъ, Кирилко Петровъ Кусовниковъ* и др.; но: *Евдокимко Филимоновъ, Алешка Лукинъ, поп Иван Андреевъ, Федька Корниловъ* и др.

Первый компонент именования в данном документе представлен только календарными именами – *Куземка Ивановъ Кушевериныхъ, Стенка Харитоновъ Носовъ* и др., причем имена выступают в форме модификатов с суффиксом -к(о)/-к(а).

Из всей значительной массы некалендарных внутрисемейных именований только в двух случаях первый компонент является некалендарным внутрисемейным именем: *Первой Семеновъ сын Протодьяконовъ (88), Пятунка Григорьевъ Бобровниковъ (91)*. Неслучайна сохранность именно этих имен, поскольку на всей территории Русского Севера более длительное время употреблялись внутрисемейные имена в значении «порядок рождения ребенка» [Чайкина 2003].

Второй компонент именования (патроним), как правило, образован от полного календарного имени отца: *Якушко Степановъ Крутиловъ, Мартынка Фоминъ Петуховъ, Илюшка Ивановъ Романовыхъ, Мартынка Яковлевъ Чубаровъ (85)* и др.

Третий компонент в подавляющем большинстве восходит к прозвищному имени отца или деда именуемого: *Естфейко Семеновъ Брюшининъ, Афонька Ивановъ Некорыстной, Ивашко Прокопьевъ Коренгиныхъ, Васька Леонтьевъ Коневъ (85), Никита Ивановъ Бреховъ, Никофорко Спиридоновъ Воробьевъ, Андрюшка Васильевъ Выломаевъ (87)* и др. Иногда третий компонент являлся

названием профессии отца или деда: *Афонька Антоновъ Колашиниковъ (85), Якушко Евсеевъ Жерноковскихъ, Игнашка Трофимовъ Маслениковъ, Федька Григорьевъ Оконничниковъ (90) и др.* [Чайкина 1984].

Число именований, в составе которых третий компонент восходит к календарному имени отца или деда, единично: *Ивашко Максимовъ Давыдовыхъ (85), Пронька Ивановъ Романовъ, Стенка Михайловъ Оксеновъ (88) и еще несколько примеров.*

По ряду показателей третий компонент в официальной письменности Устюга Великого второй половины XVII в. являлся уже фамилией. Оформлялся он, как правило, суффиксами *-овъ/-евъ, -инъ/-ынъ*: *Лазарько Михайловъ Спешневъ, Иванко Трофимовъ Шемятовъ, Пашка Захаровъ Щушинъ, Петрушка Денисовъ Девятухинъ (88) и др.* В ряде случаев третий компонент оформлен окончанием *-ыхъ*: *Никита Федоровъ Белыхъ (88), Васька Афанасьевъ Шергиныхъ (86), Оська Спирька Ивановы дети Колашиниковыхъ (87) и др.*

В писцовых книгах находит место множество примеров, которые свидетельствуют о том, что третий компонент является семейным названием, то есть объединяет братьев: *Андрюшка, Ивашка Щутовы (85), Гришка, Ивашко Прокопьевы Шерстобитовы (85), 2 Гришки, Ивашко Савельевы Ковелиныхъ (85), Пашко, Ивашко Федоровы Первушниковыхъ (87), Митка Яковлевъ Соколовыхъ, Андрюшка Яковлевъ Соколовыхъ (80) и др.*

Известно, что на территории Северной Руси, в том числе в Устюге Великом, фамилии как особый компонент составного именованья появились ранее, нежели в центральных уездах [Смольников 2005], именно в тот период, когда в активном употреблении были прозвищные имена. В связи с этим на севере России в наше время более активны фамилии, восходящие не к календарным личным именам, а к прозвищным. Поскольку в центральных уездах России фамилии появились позднее [Зинин 1969], там наиболее активны фамилии, образованные от календарных личных имен.

Двукомпонентные именованья в писцовой книге Устюга Великого состоят обычно из личного имени (календарного) и патронима-отчества, образованного от

календарного имени отца: Евдокимко Филимоновъ, Алешка Лукинъ, Федька Корнильевъ (85) и др. В подавляющем большинстве случаев двукомпонентные структуры – это именованья священников и лиц, занятых в церкви (пономарь, дьякон и др.). Из 42 двукомпонентных структур 22 именованья служителей церкви: попь Иванъ Андреевъ, пономарь Иванко Ивановъ, попь Тимофеи Иевинъ (85), дьяконъ Петръ Гавриловъ, протопопъ Макимъ Федоровъ (87), дьяконъ Евдокимъ Кондратьевъ (88) и др.

Сопоставим способы именованья устюжан, отмеченные в сотных книгах 1676–1683 гг., с именованьями в хозяйственных книгах Троице-Гледенского монастыря 1675г.

Начнем с первого компонента. Если в писцовых книгах, как исключение, мы отметили всего два некалендарных имени, то в хозяйственных книгах их больше: внутрисемейные – Третьякъ Давыдовъ (75), Треня коноваль (84), Второй Корноухъ (76), Пятко Васильевъ Мыха (78), Малышъ Макаровъ (84), Малька Макаров (84), прозвищные – Добрыня Савинъ (75), Кезя Ондреевъ (40), Любимъ Алексеевъ (74).

Календарные имена употребляются не одинаково: одни – в полной форме, другие являются модификатами. Ср.: вкладчикъ Никифоръ Кириловъ (75), вкладчикъ Иванъ Сысоевъ Кашица (45), вкладчикъ Елфимъ Сергеевъ Хромой (75), вкладчик Михаил Ивановъ Круглый и др., но: свешник Ивашко Фефиловъ (82), поваръ Андрюшка Ивановъ (82), лошкойм Елфимко (84), детенышъ Иванко Андреевъ (86) и др.

Монастырские вкладчики относились к состоятельному сословию, поэтому их имена употреблялись в полной форме, с помощью модификатов именовался низший люд – монастырские работники.

Если в писцовых книгах в подавляющем большинстве случаев отмечены трехчленные именованья, то в хозяйственных книгах монастыря одно- и двухкомпонентные, причем последних больше. Приведем примеры однокомпонентных: старец Иосаф (74), келарь Игнатий (74), дьякон Алексей (74), кузнец Федор (81) и др.

Второй компонент иногда являлся именованием по отцу (патронимом), образованным от календарного личного имени, ср.: *Никифоръ Кириловъ* (74), *Елфимъ Мироновъ* (76), *Микишка Николин* (78) и др.

В большинстве же случаев второй компонент представлял собой второе имя-прозвище. Последнее могло указывать на внешний вид именуемого: *Евдокимко Колобъ* (75), *Федотъ Плеханъ* (86), *Второй Корноухъ* (86) и др., на поведение: *Нифонт Ретивой* (83), *Сава Хайдуковъ* (75) – хайдук ‘вор, буян, грабитель’ [Д IV, 541], на местность, откуда родом именуемый: *Михаил Вологда* (78), *Кирило Белозеровъ* (87), на национальность: *Татьянка зырянка* (83).

В двухкомпонентных и трехкомпонентных именовании второй или третий компонент обычно восходит по происхождению к прозвищам – однословным или являющимися словосочетаниями. К числу последних относились, например: *Петръ Филатовъ Пуга Большая* (76), *Андрюшка Середняя Пуга* (76), *Марко Малая Пуга* (76), *Ивань Филиповъ Малой Лебедь* (84) и др. В составе однословных прозвищ можно отметить такие, как: *Ивань Сысоевъ Кашица* (75), *Семень Григорьевъ Дулепеша* (77), *Семень Петровъ Бабушка* (78) и др.

Однословные прозвища указывали на физические недостатки именуемого: *Елфимъ Сергеевъ Хромой* (75), *Козма Гользинской Глухой* (75), *Михаиль Ивановъ Круглой* (76), *Федоръ Венедиктовъ Слепой* (76), *Лука Ивановъ Толстой* (79), *Гавриль Борисовъ Пакула* (85) – пакула ‘левша’ [Д III, 10].

В ряде случаев третий компонент представляет собой семейное именование, в этом случае он выступает в форме притяжательного прилагательного на -ыхъ и является фамильным прозванием: *Василь Семеновъ Подпружныхъ*, *Прокопий Фроловъ Стамиковыхъ* (79), *Тимофей Григоревъ Мартыновыхъ* (80), *Илейко Анцыфоровъ Мясныхъ* (86), *Алешка Матвеевъ Чупровыхъ* (86).

Таким образом, мы рассмотрели антропонимию писцовых книг Устюга Великого второй половины XVII в., отражающих нормы официальной деловой письменности Московского государства того времени, и именовании жителей в хозяйственных книгах устюжского Троице-Гledenского монастыря, свойственные разговорной повседневной речи горожан. Сопоставление приводит к мысли о

глубоких различиях в употреблении антропонимов в официальном языке и разговорной речи того периода. Как видно, у многих горожан было два личных имени – календарное и некалендарное. Если в повседневной разговорной речи нередко употреблялись некалендарные, то в официальные деловые документы они не допускались. В официальной речи активной была трехчленная модель именования, то есть в языке официальных документов входит в обиход фамилия, в монастырских хозяйственных книгах она обычно не приводилась, тем самым в разговорной речи фамилия еще не вошла в широкий обиход. В официальную деловую речь уже не допускается прозвище, в неофициальной письменности они имели значительную активность.

И в том и в другом документах широкое распространение для именований посадских людей, монастырских работников получил суффикс *-к(а)/-к(о)*, являющийся общерусской нормой того времени.

Литература

- Дерягин В.Я.* Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов // Вопросы языкознания. 1980. №4.
- Зинин С.И.* Русская антропонимия XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России). Автореф. дисс...канд. филол. наук. Ташкент, 1969.
- Смольников С.Н.* Антропонимическая система Верхнего Подвинья в XVIIв. Автореф. дисс...канд. филол. наук. Вологда, 1996.
- Смольников С.Н.* Антропонимия в разных типах деловой письменности Русского Севера XVII–XVIII вв. Вологда, 2005.
- Чайкина Ю.И.* Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVIII в. (на материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып.4. Вологда, 2003.
- Чайкина Ю.И.* История профессионально-должностных фамилий Вологды // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984.
- Чичагов В.К.* Из истории русских имен, прозвищ и фамилий. М., 1959.

СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ ПОДХОД В ИСТОРИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Изучение антропонимии памятников официально-деловой письменности старорусского языка с конца XX – в начале XXI вв. выходит за границы традиционных ономастических исследований. Специалисты обращаются к новым аспектам изучения онимической системы. Интерес исследователей к проблемам антропонимии был во многом определен сменой системно-структурной парадигмы языкознания на антропоцентрическую. Первая предполагала изучение языка «в самом себе и для себя», а вторая ориентирована изучать язык в тесной связи с человеком, с его сознанием, духовно-практической деятельностью [Голомидова 1998: 3; Воркачев 2001: 64]. Приоритетными проблемами языкознания становятся вопросы изучения как языка, так и культуры создавшего его народа. Памятники официально-деловой письменности рассматриваются не только как лингвистический источник, но и как источник культурологической информации, дающей представление о ценностных параметрах локальной языковой картины мира [Попова 2002]. Когнитивный и этнологический подходы в изучении исторической ономастики позволяют исследователям обратиться к изучению национально-культурного компонента в значении имени собственного [Комлева 2005]. Особым направлением следует признать функциональный подход, разрабатываемый С.Н. Смольниковым, предполагающий комплексное изучение старорусской антропонимии Русского Севера XVI–XVII вв. в трех аспектах: номинативном, коммуникативно-прагматическом и историко-стилистическом [Смольников 2005].

Одним из новых подходов, в рамках которого, на наш взгляд, может проводиться исследование системы именований в истории языка, является *синхронно-диахронный подход*. Впервые в трудах В.А. Богородицкого была

обозначена важность и необходимость «*синхронно-диахронического*» подхода для исторического языкознания. В своей работе «Общий курс русской грамматики» (1904) В.А. Богородицкий указывал, что на основании этого метода лингвист должен учитывать как современное языковое состояние, так и изменение, которое претерпевает каждый факт языка в процессе развития [Богородицкий 1904].

По сравнению с антропонимической системой предшествующих эпох антропосистема современного русского языка представляется более совершенной, нормированной, универсальной. Задача историков языка – представить процесс становления системы именований на протяжении всей истории существования. Синхронно-диахронный подход предполагает изучение антропонимии как динамической развивающейся системы. В задачи исследователя при таком подходе входит описание антропонимии в выбранный период путем сопоставления исследовательского материала из источников, следующих друг за другом по времени создания. Таким образом, выявляются не только языковые факты, свидетельствующие о состоянии антропонимической системы в данный период, но и анализируются происходящие в ней изменения. При этом важно не ограничиться выяснением языковых изменений, происходящих в системе в изучаемую эпоху, но и обратиться к факторам, импульсам (экстра- и интралингвистическим), обеспечивающим динамическое существование системы.

Отметим, что большинство работ по исторической ономастике ориентировано на синхронное или статическое изучение материала, тогда как изучение динамики антропонимической системы является лишь второстепенной задачей подобных исследований. Среди работ, в которых наблюдения над изменениями, происходящими в антропонимии региона, являются приоритетной проблемой можно назвать кандидатскую диссертацию Т.В. Бахваловой. Автор основное внимание уделяет динамике структурных моделей именований на протяжении трех столетий. Т.В. Бахвалова отмечает наличие в антропосистеме региона структурных моделей, одни из которых отживают, уменьшаются в количественном отношении, другие являются наиболее продуктивными, а третьи только начинают свое существование [Бахвалова 1972: 5]. Изменения в пермской

антропонимии XVI–XVIII вв. становится объектом изучения в работе Е.Н. Поляковой. Автор обращает внимание на изменения структуры мужских и женских именований, особенности формообразования, останавливается на проблеме становления фамилии как антропонимической категории [Полякова 2002].

Возможность представить изменения, происходящие в рамках более узкого временного отрезка – одного столетия, реализуется нами на материале памятников официально-деловой письменности XVI – первой трети XVII вв. одного из старейших городов Русского Севера – Устюжны Железопольской. Изучение антропонимии этих источников позволило обратиться к проблемам динамики мужского и женского именников, изменениям слово- и формообразовательной структуры личных имен, вариативности моделей именования лиц, трансформациям апеллятивной базы имен, прозвищ, патронимов и фамильных прозваний и др. Наблюдения над фактами динамики антропонимической системы региона необходимо проводить с одновременным установлением причин этой динамики. Как уже было сказано выше, мы разграничиваем экстра- и интралингвистические факторы. К интралингвистическим факторам относятся преобразования системно-структурных связей и отношений между языковыми единицами в рамках одного именования или антропонимической системы в целом, обусловленные внутренними законами существования языка. Влияние этих факторов отразилось в действии процессов фонетической, морфологической, семантической адаптации заимствованных имен к системе старорусского языка, в поиске оптимальных конструкций для именования лица и др. Экстралингвистическими факторами, содействующими развитию антропосистемы, являются все процессы и явления экономической, социальной, политической сфер жизни средневекового города, в том числе и изменения самосознания русского человека, в период формирования национального языка.

На примере именований лиц по внутренним качествам и свойствам, представим методику синхронно-диахронного анализа антропонимического

материала. Производящие основы личных имен, прозвищ, патронимов и других антропонимических единиц представляют собой богатейший материал для изучения апеллятивной лексики, входящей в группу наименований лиц по какому-либо признаку. Важно иметь в виду, что, реконструируя апеллятивы из основ патронимов и фамильных прозваний, мы имеем дело с личными именами, время бытования которых следует отнести не менее чем на полвека назад, поэтому необходимо учитывать, что изменения, фиксируемые в апеллятивной базе антропонимов, происходили на протяжении всего XVI века.

Таким образом, в лексико-семантической группе наименований лиц по внутренним свойствам и качествам, нами были выделены 5 подгрупп: 1) 'именование лица по его душевным качествам' (ЛСГ-1), 2) 'именование лица по характеру речевого поведения' (ЛСГ-2), 3) 'именование лица по его интеллектуальным способностям' (ЛСГ-3), 4) 'именование лица по особенностям характера и поведению' (ЛСГ-4), 5) 'именование лица по склонностям и пристрастиям' (ЛСГ-5). В рамках данных подгрупп мы выделяем синонимические ряды исходных апеллятивов. Сопоставим данные при помощи таблицы:

Таблица 1

**Семантические изменения в группе апеллятивов, характеризующих
внутренние качества и свойства личности**

ЛСГ и СР апеллятивов	Источники XVI века	Источник XVII века
ЛСГ-1 'положительная оценка личности'	*Кохан, *Голуба, *Засуха	—
'отрицательная оценка личности'	*Перерод, *Худяк	—
ЛСГ-2 'болтун, пустослов, хвастун'	*Бахарь, *Бай, *Бака, *Говоруха, *Щекот	*Болтун, *Щока
'невнятно говорящий человек'	*Бурко, *Кор	*Корых
'человек с громким голосом'	*Рыкун	*Зык, *Жижа

ЛСГ-3		
‘глупый человек’	*Деревянный, *Дурак	*Пест
ЛСГ-4		
‘подвижный, суетливый человек’	*Легкий, *Полетай	*Грякон, *Хват
‘медлительный, вялый человек’	*Бовыка	*Ворона, *Ищя
‘злой, жестокий человек’	*Лихошерст, *Сур, *Упирь	*Бухат
‘скупой, жадный’	—	*Трясуха
‘придирчивый’	—	*Варзан
‘лстивый, лицемерный’	*Лебза	—
‘любопытный, нескромный’	*Выгал	—
‘озорник, шалун’	—	*Балмас, *Остоп
‘лжец, жулик’	*Свистун, *Шерня	*Облупа
‘ленивый, уклоняющийся от работы’	*Валяло, *Валуга, *Блашной	—
ЛСГ-5		
‘пьянство’	*Мокрый	*Дуда, *Дудол
‘праздность’	—	*Гуль, *Гульба

Таким образом, наблюдения над семантикой апеллятивов позволяют говорить о том, что на всем протяжении столетия большинство мотивов имяназечения сохраняется: *пустословие, глупость, суетливость и вялость, лживость, пьянство* — эти качества оценивались средневековым человеком негативно и становились мотивом для именования человека. В антропонимах начала XVII века не фиксируются апеллятивы, содержащие *общую оценку человека*, не отражены в них такие психологические свойства личности, как *лстивость, любопытство*. Актуальными мотивами именования на рубеже веков становятся такие человеческие качества, как *жадность, придирчивость*, важные для характеристики человека как субъекта рыночных отношений.

Региональная антропонимия является источником познания меняющейся системы ценностей средневекового человека. Сопоставление именных основ патронимов и фамильных прозваний по двум временным срезам позволяет говорить о динамике ценностных параметров региональной языковой картины мира.

Литература

Бахвалова Т.В. К изучению истории развития личных имен в Белозерье (на материале памятников письменности XV–XVII вв.: Автореф. дисс. ...канд. филолог. наук. Л., 1972.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. Казань, 1904.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.

Голомидова М.В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.

Комлева Н.В. К изучению старорусской антропосистемы города и села в контексте когнитивной и этнологической лингвистики // Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы междунар. Науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С.135–137.

Полякова Е.Н. Изменения в пермской антропонимии XVI–XVIII веков // Полякова Е.Н. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья. Пермь, 2002. С.266–272.

Попова И.Н. Переписная книга Вологды 1711 года как жанр и лингвистический источник: Дисс. ...канд. филолог. наук. Вологда, 2002.

Смольников С.Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков): Дисс. ... докт. филол. наук. СПб., 2005.

МОДЕЛИ ИМЕНОВАНИЯ ЖЕНЩИН В ВОЛОГОДСКИХ ДЕЛОВЫХ ДОКУМЕНТАХ XVI–XVII ВВ.

Деловые документы XVI–XVII вв. в редких случаях содержат женские именованья. По данной причине изучение состава женских имён в указанный исторический период крайне затруднено, и в первую очередь затруднено изучение состава некалендарных женских имён и прозвищ.

В вологодских памятниках официально-деловой письменности (писцовых и переписных книгах, а также в документах частно-делового характера) некалендарные личные имена женщин в очень незначительном количестве отмечены лишь в некоторых документах конца XVI – первой половины XVII в.

Вероятно, одним из наиболее популярных некалендарных женских имён было имя *Кунава*, которое зафиксировано в восьми случаях: вд. *Кунавка* Якушкова жена Кирилова (ПКВ, 1629: 173); вд. *Кунавка* Иванова жена Тебенкова, нищая старица (ПКВ, 1629: 175); вд. *Кунавка* Ивановская жена Мишунина (ПОВу, 1630, № 2, 197) и др.

Имена *Кунава*, *Кунавка*, *Кунавица* мотивированы нарицательным существительным «куница», «куна», означающим животное из семейства кошачьих. Формант – ава был продуктивным и в других древнерусских именах, ср.: *Милава*, племянница помещика (Челоб., 1626, С-1, № 20, 295); вд. *Милавка* (ДКВ, 1616–1617: 349); *Милавка* Тимофеева жена Попова съ дѣтьми съ Ивашкомъ да съ Максимкомъ, ходить по миру (ПКВ, 1629: 176); *Любава* Яковлевская жена Олешева, сноха помещика (Челоб., 1626, С-1, № 20, 295).

Отмечены два некалендарных женских имени неясной этимологии: вд. *Духанка* Сергеевская жена (КПВу, 1589: 41); вд. *Маурка* Левинская жена (КПВ, 1589: 15). Имя *Маурка* созвучно названию горы *Мауры*, находящейся в Кирилловском районе Вологодской области. Происхождение названия этой горы

А.В. Кузнецов связывает с вепсскими словами *ma* 'земля', *vaara*, *vuori* 'гора' – «земляная гора» [Кузнецов 1991: 95].

Женское имя *Сурьяна* – *Сурьяна* Савинова жена Степанова сына Неѣлова (Челоб., 1652, ОСВ, вып. 7, 9) – возможно, восходит к этнониму *сыряне*, *зыряне* 'устаревшее название коми или какой-то группы чуди заволочской' [ГНВО, 140].

Зафиксировано также одно женское прозвищное имя: «Се яз Ѳедосья прозвищем *Шумиха* Лазарева дочь Юрьевская жена Вологодцкого каменщика вологжанка» (Купч., 1629, ГАВО, ф. 1260, оп. 1, № 10). Известно, что прозвища женщин на – ИХА являлись производными от имени её мужа: *Карп* < *Карпиха*, *Мирон* < *Мирониха*.

Малое количество некалендарных женских имён, отмеченных в вологодских деловых документах конца XVI – первой половины XVII века, не позволяет сделать какие-либо конкретные выводы об их составе и особенностях функционирования. Однако и эти немногие примеры употребления некалендарных личных имён в моделях именования женщин свидетельствуют о том, что данные имена имели место в именованиях представительниц всех сословий: их давали и крестьянкам, и посадским жёнам, и дворянкам.

Известно, что значительное расширение удельного веса календарных имен приходится на XIV и последующие века. По мнению А.В. Суперанской, данное явление, не наблюдаемое ни в какой другой стране, представляет собой самобытный русский путь развития ономастикона и, по-видимому, объясняется запретом на древнерусские имена и поиском замены, компенсации [Суперанская: 1998: 34].

В изучаемых источниках отмечено 60 женских календарных личных имён, использующихся для именования 791 женщины.

Выделяется пятёрка наиболее частотных имён: *Марья* / *Марьица* (67 носительниц имени – 8 % от общего числа именуемых), *Анна* / *Анница* (56 носительниц – 7 %), *Орина* / *Ирина* / *Ариница* / *Ириница* (44 носительницы – 5,4 %), *Екатерина* / *Катерина* (43 носительницы – 5,3 %), *Ульяна* / *Ульяница* (41 носительница – 5,1 %).

Все имена с одинаковой активностью используются при именовании женщин различного социального положения, ср.: вдова *Катерина* Иванова дочь Воейкова Васильева жена Матвѣевича Бутурлина, боярыня (ПОВу, 1630, № 14, 183); вдова *Катерина* Григорьева жена Плѣщѣва съ сыномъ съ Ѳедоромъ, помещица (ПОВу, 1630, № 4, 159); «Д. посацкой бобылки вдовы *Катериницы* Остафьевы дочери Михайловской жены Пятова» (КПВ, 1678: 214); *Катеринка*, крестьянская девочка (Челоб., 1662, ОСВ, вып. 3, 11). Вдова *Анна* Ѳедоровская жена Патрекѣва, помещица (Отк. пам., 1631, ОСВ, вып. 4, 8); *Анютка*, дворовая девка (Челоб., 1652, ОСВ, вып. 10: 17).

Имена *Анна* (*Анница*), *Мария* (*Марыица*), *Ульяна* (*Ульянка*), *Ирина* (*Иринка*) в изучаемый период характеризуются наибольшей активностью в памятниках деловой письменности и других территорий Русского Севера, например в писцовых книгах Великого Устюга [Чайкина 2005: 199].

Средней активностью обладают следующие женские имена: *Евфросинья* / *Офросиньица*, *Дарья* / *Дарьица*, *Евфимия* / *Офимьица*, *Марфа* / *Марфица*, *Федора*, *Пелагея* / *Полагеица*, *Матрёна*, *Ксения* / *Аксинья*, *Евдокия* / *Евдокея* / *Авдотья*. Они также используются при именовании лиц всех сословий.

Среди женских имён шесть являются единичными по своему употреблению: *Ираида*, *Александра*, *Домникея*, *Евпраксия*, *Афонасия*, *Хаврония*.

Редкие имена носят женщины, принадлежащие к посадскому населению: *Опраксица* Мартыновская жена Шапошника, вдова посадского человека (ПКВ, 1629: 29); вдова *Овонасьица* подъячево Исакова жена Воробьева (ПКВ, 1629: 82); Гришкина жена вдова *Александрица* (ПКВ, 1629: 124).

Закономерно редкие имена встречаются у женщин, принявших монашество: инока *Ираида* схимница (Изуств. пам., 1667, ОСВ, вып. 8, 32); *Хавроница*, скитается по миру (ДКВ, 1616–1617: 359); старица *Домникея* (ПКВ, 1629: 150); *Полинаря*, проскурница воскресенская старица (КПВу, 1589: 174).

Памятники XVI–XVII вв. показывают большое разнообразие моделей именования женщин, но все именованья представляют собой аналитическую модель, которая, как считают ономотологи, появилась в языке великорусской

народности уже в XV–XVI вв., в связи с утратой синтетического способа именования женщин (*Давыжая*, *Ивановая* и т.п.), и получила широкое распространение в памятниках письменности Русского Севера [Чайкина 2006: 36].

Писцовые и переписные книги г. Вологды и Вологодского уезда первой и второй половины XVII в. содержат женские модели именования только в тех случаях, когда речь идёт о вдовых владелицах дворов. Документы частного характера (челобитные, поручные, памяти, заёмные) в основном также отмечают именования вдов, реже – незамужних женщин.

Женская модель именования могла состоять из следующих антропонимических компонентов: личное имя, патроним от личного имени отца с апеллятивом *дочь*, андроним от личного имени мужа, простой или составной патроним мужа, индивидуальное или фамильное прозвище мужа¹.

В редких случаях отмечаются именования женщин, образованные от имён других родственников, ср.: Вдова *Неонилка* Андрюшкина сноха Пахомова, крестьянка (Сказка, 1665, ОСВ, вып. 8, 29); Дьяконица *Петрова жена* Семионова сноха *Парасковица* (Челоб., 1684, САСК(С), № 143, 228).

Рассмотрено 550 женских именований, зафиксированных в изучаемых документах. Именования женщин построены по моделям, содержащим от одного до пяти компонентов.

Синтетические номинации, то есть те случаи, когда состав именования был представлен одним антропонимом (в нашем случае это только личное имя), назовём одночленными моделями именования. *Одночленные модели* часто используются для именования женщин, постригшихся в монахини или являющихся вдовами священников, ср.: *Анна*, вдова попа (ПКВ, 1629: 95); Инока

¹ Далее используются буквенные обозначения моделей именования женщин: *K* – календарное имя; *Kad/ова* – притяжательное прилагательное от календарного имени на *-ова*; *Kad/ская* – притяжательное прилагательное от календарного имени на *-екая*; *Pad* – притяжательное прилагательное от некалендарного имени, *Psub* – прозвище или некалендарное имя.

Ираида схимница (Изустн. пам. 1667, ОСВ, вып. 8, 32); *Федося*, проскурница старица (КПВу, 1589: 174); «Д. Мироносицкой вдовы попадьи *Маврицы*» (ПКВ, 1629: 38); «Д. старицы *Устиньи*» (КПВ, 1678: 255); «Д. пусть дьяконицы вдовы *Анницы*» (КПВ, 1678: 20); Вдова *Анница* служки монастырского (КПВу, I, 1678: 318 об.).

Кроме того, одночленные модели используются для именования женщин, хорошо известных в силу своего социального статуса или рода деятельности: *Парасковица*, вдова, скитается по миру (ДКВ, 1616–1617: 358); Вдова *Татьянка* повивальная баба (ПКВ, 1629: 116) и т. п.

Двучленные модели именования женщин достаточно активно употребляются в документах как первой, так и второй половины XVII в.

Для именования вдов крестьян и посадских людей в писцовых книгах Вологды и Вологодского уезда первой половины XVII в. широко используется модель К + (Кад/ова + жена) – (41 именование): Вдова *Устиньца Петрова жена* зъ дѣтми съ Ивашкою да съ Панкою, бобылка (ПОВу, 1630, № 2, 95); Вдова *Маланьца Карпова жена* со снохою со вдовою *Феклицею Степановою женой* ходит по миру (ПКВ, 1629: 182). Часто рассматриваемая модель именования женщин расширяется указанием на род занятий мужа: Вдова *Натальца Федорова жена* площадново подъячево (ПКВ, 1629: 117); Вдова *Окулинка пушкаря Ивашкова жена* (ПКВ, 1629: 99).

Модель именования К + (Кад/ская + жена) – (42 именования) достаточно часто используется в переписных документах всего изучаемого периода: вдова *Онтонидка Трифоновская жена* (ДКВ, 1616–1617: 349); старица вдова *Палагеица Еуфимьевская жена* (ПКВ, 1629: 145); крестьянка вдова бобылка *Иришка Михайловская жена* (КПВу, 1678, VIII, 11).

Самое большое количество женских именований построено по двучленной модели: К + (Кад/ова + дочь) – отмечено 81 именование, реализующее данную модель (что составляет 15 % от общего количества рассмотренных женских именований). Так именуются вдовы крестьян и посадских людей преимущественно в документах второй половины XVII в.: «Д. посацкой бобылки

вдовы *Иринки Андреевой дочери*» (КПВ, 1678: 23). Двучленно именуются вдовы служителей церкви и женщины, которые сами имеют непосредственное отношение к службе: «Д. вдовы дьяконицы *Параскевицы Петровы дочери*» (КПВ, 1678: 23); «Д. просвирницы старицы *Улиты Федоровы дочери*» (КПВ, 1678: 15 об.).

В других юридических документах двучленные модели также отмечены в именовании представительниц низших слоёв населения: «Арх. Маркелу. Бьет челомъ и плачетца бѣдная вдова вологжанка *Оксинья Полиехтова дочь*» (Челоб., 1658, ОСВ, вып. 13, 77); «*Марья Парфеньева дочь*, прихожанка Вологодской Св. Андрея Первозванного церкви» (Дух., 1656, ОСВ, вып. 8, 16).

Модели именованя К + (Кад/ская + жена) и К + (Кад/ова + жена), обладающие высокой активностью во многих видах документов на протяжении всего XVII в., нередко могут быть распространены *третьим компонентом* различного характера: Psub, Kad, Pad (51 именование с андронимом на - ская и 97 именованй с андронимом на - ова): Вдова *Марфица Романовская жена винокура* (ПКВ, 1629: 182); Вдова *Аксиньца Софейсково звонаря Ортемьевская жена Горшечника* (ПКВ, 1629: 49); Вдова *Маринка Микулинская жена Ермолина с сыномъ Ивашкомъ, бобылка* (ПОВу, 1630, № 11, 61); Вдова *Ульянка Епифанова жена Остафьева*, ходит по миру (ПКВ, 1629: 171); «Д. посацкой вдовы бобылки *Анютки Федотовской жены Тебяковой*» (КПВ, 1678: 174 об.).

Данная модель зафиксирована и в именованйх вдов представителей служилого сословия: помещиков, а также приказных служащих, например, отмечены следующие именованйя помещиц: Вдова *Татьянка Кузминская женишко Скубятина зъ дочеришкомъ своимъ зъ дѣвкойо съ Манкою помещица* (Челоб., 1628, С-І, № 8, 95); Вдова *Пелагея Ивановская жена Воейкова* (ПОВу, 1630, № 14, 183); Вдова *Анна Федоровская жена Патрекѣва*, помещица (ПОВу, 1630, С-І, № 2, 110); «...Вологодской приказной избы бывшего подьячего *Федоровская жена родионова з дѣтми своими вдова Иришка*» (Челоб., 1629, ГАВО, ф. 1260, оп. 45, № 75).

Следует отметить, что третий компонент модели именования помещиц является фамильным прозвищем мужа, в отличие от трёхчленных моделей именования вдов крестьян и посадских людей, в которых третий компонент представляет собой простой патроним мужа.

По модели К + (Kad/ова + дочь) + Pad (26 именований) построены именования, как правило, незамужних женщин независимо от их социального положения: Девуца *Авдотья Иванова доч Котлунина*, крестьянка (Челоб., 1629, ГАВО, ф. 1260, оп. 10, № 93); ср. именования дочерей помещиков: Дѣвка *Оринка Иванова дочь Матусова* (ПОВу, 1630, № 2, 199); Девуца *Ирина Емельянова дочь Бегичева* (КПВу, VIII, 1678: 194); Дѣвка *Палагѣица Семенова дочь Бесѣдова* (Челоб., 1630, С-І, № 20, 317).

В писцовых документах второй половины XVII в., а также в челобитных всего рассматриваемого периода отмечены ещё две трёхчленные модели именования представительниц непривилегированных слоёв населения: К + (Kad/ова + дочь) + (Kad/ская + жена) – (27 именований) и К + (Kad/ова + дочь) + (Kad/ова + жена) – (15 именований), например: Вдовая бобылка *Дарьица Лазарева дочь Васильевская жена* (КПВу, 1, 1678: 389 об.); «Д. вдовы подъячево губные избы *Дарьи Семеновы дочери Онисимовой жены*» (КПВ, 1678: 27 об.); Коровница *Улка Федорова дочь Ивановская жена* (Челоб., 1690, ОСВ, вып. 12: 151).

Иногда именования женщин, построенные по этим моделям, расширяются указанием на профессиональную принадлежность или социальный статус мужа. В таких случаях модель именования начинается не с имени женщины, а с андронима: «Д. архиепископля человека *Ивановской жены вдовы Марфутки Филиповой дочери*» (КПВ, 1678: 16 об.); «Дѣло по челобитной царю Алексѣю Михайловичу Вологодского стрѣльца *Ивановы женишки Палагѣи Степановы дочери на таможенного подъемщика Тимофея Сонбалина...*» (Челоб., 1664, ОСВ, вып. 8, 26).

Значительной активностью в изучаемых памятниках деловой письменности обладают именования женщин, построенные по модели К + (Kad/ова + дочь) +

(Kad/ская + жена) + *четвёртый компонент различного характера*: календарный патроним мужа – Kad – (37 именований), некалендарный патроним мужа – Pad – (69 именований), прозвище мужа – Psub – (38 именований).

Женские именования, построенные по таким четырёхкомпонентным моделям, отмечены главным образом в переписных документах второй половины XVII в., где они относятся преимущественно ко вдовам крестьян и посадских людей: Коровница мнтр *Улитка Осипова дочь Филимоновская жена Иванова* (КПБу, III, 1678: 137 об.); Д. вдовы бобылки *Анютки Ананьевы дочери Ивановской жены Косова* (КПВ, 1678: 255 об.); Д. посацкой бобылки вдовы *Марфутки Кириловы дочери Артемьевской жены Хлѣбника* (КПВ, 1678: 151 об.).

Реже встречаются подобные именования с обратным порядком компонентов: Д. вдовы посацкие бобылки *Тимофѣевские жены Никитина сына Ксении Ивановой дочери* (КПВ, 1678: 49); Д. вдовы *Артемьевской жены Озерова Натальи Андрѣевы дочери* (КПВ, 1678: 22).

Четырёхкомпонентные модели именования женщин, отличающиеся от рассмотренных выше только морфемной структурой андронима, отмечаются уже с заметно меньшей активностью, ср.: K + (Kad/ова + дочь) + (Kad/ова + жена) + Kad / Pad (12 именований) и K + (Kad/ская + дочь) + (Kad/ская + жена) + Pad / Psub (именований): Вдова *Ульяна Самойлова дочь Васильева жена Федорова*, помещица (КПБу, VIII, 1678: 15); Д. вдовы посацкой бобылки *Соломанидки Алимпиевы дочери Васильева сына жены Дешевухина* (КПВ, 1678: 132); Вдова *Марьица Иванова дочь Кузмина жена Вахутина*, крестьянка (КПБу, I, 1678: 382 об.); *Васильева жена Трусова Аринка Григорьева дочь*, помещица (Челоб., 1652, ОСВ, вып. 11: 36); Д. посацкой вдовы *Еленки Семеновской дочери Ивановской жены Сырейщика* (КПВ, 1678: 73 об.).

Пятикомпонентные модели отмечены в именовании женщин всех сословий населения, но они не имеют широкого употребления в изучаемых документах. Зафиксировано 10 именований, построенных по моделям K + (Kad/ова + дочь) + (Kad/ова + жена) / (Kad/ская + жена) + Kad сына + Pad, ср.: «За вдовой Ульяною Самойловой дочерью Васильевской женою Федорова сына

Домнина помѣстье...» (КПВу, 1678: 15); *Вдова Аленка Григорьева дочь Максимовская жена Иванова сына Ледигина*, крестьянка (КПВу, I, 1678: 391 об.); *«Д. вдовы посацково человѣка Ивановской жены Ерофѣева сына Важенина Лукерьицы Федоровой дочери»* (КПВ, 1678: 58).

Анализ женских моделей именования позволяет отметить высокую степень вариативности их состава. Социальную ограниченность имеют лишь одно- и двухкомпонентные модели: одночленные модели используются для именования инокинь или вдов священнослужителей, двучленные модели, в которых второй компонент может являться как андронимом, так и патронимом, употребляются преимущественно в именованиях представительниц непривилегированных слоёв населения — вдов крестьян и посадских людей. Трёх-, четырёх- и пятикомпонентные модели не имеют социальных ограничений и отмечаются значительной активностью в именованиях представительниц всех сословий населения. Однако модели именования вдов или дочерей людей высшего служилого сословия последовательно включают в свой состав фамильные прозвания мужа или отца, тогда как модели именования женщин низших сословий содержат фамильные прозвания в редких случаях. Кроме того, пятикомпонентные модели именования помещиц, обнаруживающие в своём составе фамильные прозвания, зафиксированы в меньшем количестве, чем трёхкомпонентные модели с фамильными прозваниями. Этот факт свидетельствует о том, что применительно к женским именованиям XVII в. также можно говорить о начале процесса выработки официальной модели, соответствующей требованиям наиболее точной идентификации лица в сфере деловых отношений. Пятикомпонентная модель именования женщины в деловых документах XVII в. начинает становиться избыточной по составу компонентов и громоздкой по своему общему построению.

Обращение к исследованию женских именований в памятниках деловой письменности позволяет глубже понять социальный статус женщины. Женщина в XVII в. не являлась юридическим лицом, её личность в документе устанавливалась исключительно по мужской линии: модель именования

незамужней женщины обязательно включала в свой состав патроним по отцу, модель именования замужней женщины или вдовы – патроним по мужу.

Норма официального именования мужчин складывается быстрее, женские модели именования отличаются от мужских не только большим составом входящих в них компонентов, но и отсутствием строгой последовательности в расположении компонентов.

Литература

Кузнецов А.В. Язык земли Вологодской: Очерки топонимики. Архангельск, 1991.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М., 1998.

Чайкина Ю.И. Женские календарные личные имена на Русском Севере во второй половине XVII–XVIII вв. // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005. С. 198–204.

Чайкина Ю.И. Именования женщин в новгородских берестяных грамотах XI – XIV вв. // Вопросы ономастики. 2006. № 3. С. 33–37.

Сокращения

а) в названиях источников

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

ДКВ – Дозорная книга Вологды князя П.Б. Волконского и подьячего А. Софонова 1616–1617 гг. (Публикация Ю.С. Васильева) // Вологда / Краеведч. альманах. Вып. I. Вологда, 1994.

КПВ – Книга переписная г. Вологды 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина. // РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14741.

КПВу 1589 – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589 – 1590 гг. (Подготовлена к печати Н.И. Федышиным) // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Северные писцовые книги, сотницы и платежницы. Вып. II. Вологда, 1972.

КПВу 1678 – Книга переписная Вологодского уезда 1678 года стольника Петра Голохвастова и подьячего Ивана Саблина Заозерские половины поместные. // РГАДА, ф. 1209, ед. хр. 14733 (Кн. I), 14740 (кн. VIII), 14734 (кн. II), 14735 (кн. III).

ОСВ – Описание свитков Вологодского Епархиального Древнехранилища. Вып. I–XVIII. Вологда, 1899–1917.

ПКВ – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. Вып. I. Вологда, 1904.

ПОВу – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. II. Петроград, 1918.

С–I – Сторожев В.Н. Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. I. СПб., 1906.

САСК(С) – Суворов Н. Сборник актов Северного края XVII в. Вологда, 1925.

Дух. – духовная.

Изустн. пам. – изустная память.

Купч. – купчая.

Челоб. – челобитная.

б) в названиях словарей

ГНВО – Чайкина Ю.И. Словарь географических названий Вологодской области. Вологда, 1993.

ВЛИЯНИЕ РАЗНЫХ ЦЕНТРОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АНТРОПОНИМИИ ПООНЕЖЬЯ XVI–XVII ВВ.

В настоящее время достаточно актуальной является проблема влияния разных письменных центров на антропонирию памятников деловой речи в XVI–XVII вв. В работах Ю.И. Чайкиной на материале сборных памятней Важского уезда XVII в. выявлены особенности норм делового письма Новгородской земли и Московской Руси [Чайкина 2007]. С.Н. Смольников отмечает наличие в ряде памятников локальных средств номинации лица [Смольников 2005].

Цель нашей статьи – на материале сотных и переписных книг Каргопольского уезда XVI–XVII вв. выявить традиции делового письма Новгорода Великого и Московской Руси.

На наш взгляд, очень важно установить влияние двух письменных центров на антропонирию Каргопольского узда, поскольку в XII – первой половине XIII вв. озеро Лаче входило в состав Ростово-Суздальской, а затем Владимиро-Суздальской земли, а бассейн Онеги – в состав Новгородских земель. Местоположение Каргополя на границе этих территорий, его экономическое и оборонное значение привели к тому, что он был вовлечен в борьбу Новгорода и Москвы за северные области на стороне Новгорода.

В статье подвергаются анализу антропонимы «Платежной книги Каргопольского уезда 1555–1556 гг.», «Сотной на Каргополь 1561–1564 гг.», «Сотных на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг.», «Сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда с письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г.» и «Переписной книги посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Каргопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова» (1648 г.).

Сначала выявим особенности в именовании лиц Поонежья XVI–XVII вв., свойственные писцам, придерживающимся норм делового письма Новгородской земли, поскольку они имеют более раннее происхождение.

В сотных Каргопольского уезда 1561–1562 гг. календарные личные имена составляют 90% (2550 именовании), некалендарные – 8% (221 имя), в переписной книге 1648 г. процент некалендарных антропонимов еще ниже. Данный факт мы объясняем влиянием деловой письменности Новгорода, потому что в других регионах Северной Руси некалендарных имен, особенно в XVI веке, гораздо больше. Как отмечает Ю.И. Чайкина в статье «Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVII в. (На материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера)», «древнерусскими (языческими) именами именовалось в наших источниках в первой трети XVII века примерно 25 или 20 процентов мужского населения города» [Чайкина 2003: 447].

В доказательство того, что высокая активность календарных личных имен в XVI–XVII вв. обусловлена влиянием новгородской антропонимии, приведем данные, полученные Р.Л. Сельвиной. Исследователь отмечает, что в среднем на 1000 употреблений личных имен в тексте Новгородских писцовых книг приходится около 108 случаев использования некалендарного антропонима в составе именовании [Сельвина 1976: 13–14]. К тому же писцовые книги, анализируемые Р.Л. Сельвиной, и сотные Каргополя XVI в. – это деловые документы одного жанра.

Аналогичные данные приводит Ю.И. Чайкина при анализе сборных памятей по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII вв. и при исследовании документов Двинского уезда [Чайкина 2000: 111–112; Чайкина 2007: 2].

Но нельзя забывать о том, что деловые документы, составленные писцами, не могут в полной мере отразить все региональные отличия именовании жителей Поонежья, поэтому на самом деле соотношение календарных и некалендарных антропонимов было иным. Для примера приведем названия каргопольских деревень. Большинство названий посессиивные, т. е. образованные от личных имен и прозвищ жителей населенных пунктов. Из 344 топонимов, зафиксированных в

сотной Турчасовского стана 1556 г., 255 образованы от личных имен: от календарных – 177 и от некалендарных – 88. Например: дер. *Лыковская* ← *Лыко* [Сотн. Турч. ст., 118], дер. *Воронинская* ← *Ворона* [Сотн. Турч. ст., 118], дер. Новинка *Деригузова* ← *Деригузь* [Сотн. Турч. ст., 110] и др.

В результате проведенного анализа, учитывая большое влияние новгородцев с XII по XV вв. на развитие всего Поонежья, можно сказать, что на резкое снижение процента некалендарных антропонимов в сотных и переписных книгах Каргопольского уезда XVI–XVII вв. повлияли особенности новгородской деловой письменности.

Далее отметим фонетические и морфологические признаки, которые могут носить общерусский характер, но в то же время они последовательно фиксируются в новгородской антропонимии XIV–XVII вв. и в каргопольских именовании мужчин XVI–XVII вв.

1. Замена начального гласного [А] гласным [О]: Гридя *Онкудинов* [Сотн. Каргоп. у., 310], *Олексеико* Тарасов [Сотн. Турч. ст., 100], *Олешка* Тимофеев сын Пролубник [Кн. Пер. 1648, л. 2 об.], *Ондрюшка* Михайлов сын Попов [Сотн. Турч. ст., 134] и др.

Такое написание не нужно считать результатом неразличения О и А в безударных слогах, так как оканью данное явление отнести сложно. Р.Л. Сельвина замечает, что в подобных случаях передается традиционная их огласовка, которую эти личные имена получили еще до появления аканья в фонетической системе русского языка [Сельвина 1976: 12]. В итоге подобные примеры нужно относить либо к диалектным особенностям Поонежья, либо к влиянию Новгорода Великого.

2. Мена близких по артикуляции сонорных [м] и [н] в производных формах от личных имен Никита, Никифор: *Микитка* Офонасов [Сотн. Турч. ст., 96], *Микула* Ортемов [Сотн. Турч. ст., 111], *Фетко Микулин* [Сотн. Турч. ст., 122].

3. Замена начального [ио] на [јэ]: *Спирко Еситов* [Сотн. Турч. ст., 125].

4. Колебания парадигмы склонения у имен на -иш: *Григорей* Никитин сын Меншей [Сотн. Турч. ст., 102] – *Григорья* сын Плотник [Кн. пер. 1648, л.2].

5. *Переход конечного –он в –ан:* Якуш *Конанов* Ус [Сотн. Турч. ст., 100], *Конаник* Ермолин [Сотн. Турч. ст., 125], *Сенка Труфанов* [Сотн. Турч. ст., 118], *Потапко Огафанов* [Кн. пер. 1648, л.2].

Таким образом, процессы адаптации календарных личных имен в Каргопольском уезде в ряде случаев происходили под воздействием фонетической и морфологической системы древненовгородского диалекта.

Важно отметить также и словообразовательные особенности. На территории Поонежья в XVI–XVII вв. активно использовались антропонимы и топонимы с формантами, присущими только новгородской деловой письменности.

По мнению Р.Л. Сельвиной и многих ученых, в новгородской антропонимии обращает на себя внимание суффикс *-хн-*, участвующий наряду с другими в образовании личных имен (*Ахно*, *Вахно*, *Грихно*), отчеств (*Фролка Лухнов*) и топонимов отантропонимического происхождения (*Бахново*, *Зехново* и т.п.) [Сельвина 1976: 25].

С точки зрения С.Н. Смольникова, круг имен, оформленных данным формантом, повторяется достаточно регулярно, что позволяет говорить об их закреплённости в языке жителей севернорусских территорий в качестве потенциальных антропонимов [Смольников 2005: 59].

Приведем примеры антропонимов и топонимов с антропоформантом *-хн-* в наших источниках: Дер. *Юхновская* [Сотн. Каргоп. у., 347]; Дер. *Грихна* Лукина [Сотн. Каргоп. у., 356]; починок *Грехновской* Скопина [Сотн. Каргоп. у., 376]; Иванко *Фехнов* [Сотн. Каргоп. у., 390]; Дер. *Грихневская* [Сотн. Каргоп. у., 407].

Итак, говоря о сильном влиянии новгородской деловой письменности на развитие антропонимической системы Поонежья в XVI–XVII вв., важно отметить высокий процент календарных личных имен в сотных и переписных Каргопольского уезда XVI–XVII вв. и фонетические, морфологические, словообразовательные особенности, характерные для антропонимической системы Новгорода Великого. Данные явления сохраняются длительный период в документах Поонежья XVII–XVIII вв.

Рассмотрим характерные признаки языка московского делопроизводства, которые нашли отражение в антропонимии Поонежья XVI–XVII вв.

К числу антропонимов приказного (московского) языка можно отнести модификаты, которыми именовались лица низших сословий: крестьяне, посадские люди. Высокой продуктивностью обладали суффиксы *-к-а*, *-к-о*, *-ец*, *-ш*, *-уш-а*, *-ш-а*, *-ух-а*, *-ай*, *-ут-а*, *-н-я*, *-ун-я*: В. *Якуш* Бутарка Кузмин сын [Сотн. Турч. ст., 132], В. *Олешка* Головка Степанов [Сотн. Турч. ст., 133], Бобыль *Ивашко* Терентьев сын Глушник [Кн. пер. 1648, л.4] и т. п. Распространение их на территории Каргопольского и других уездов «позволяет говорить об относительной однородности ономастических систем разных местностей, испытавших сильное влияние антропонимической системы центральной Руси» [Смольников 2005: 59].

Также нужно отметить антропонимы с суффиксом *-ук-ъ* /*-юк-ъ*, который имел наивысшую активность в XIV–XV вв. и был наиболее распространен в центральных землях (Владимирской, Переяславской, Московской) [Смольников 2005: 60–62]. Большим разнообразием производных отличаются каргопольские сотные книги: *Евтюк* Окулов [Сотн. Каргоп. у., 313]; *Паршук* Кирилов [Сотн. Каргоп. у., 313]; *Матюк* Григорев сын Телегина [Сотн. Каргоп. у., 327]; *Ларюк* Терехов [Сотн. Каргоп. у., 367]; *Онишук* Семенов [Сотн. Каргоп. у., 386]; *Мишук* Терентьев [Сотн. Каргоп. у., 400] и др. Среди подобных антропонимов в сотных книгах XVI в. преобладает имя *Васюк*: *Васюк* Игумнов [Сотн. Турч. ст., 97], *Васюк* Тимофеев [Сотн. Турч. ст., 106], *Васюк* Боранов [Сотн. Турч. ст., 107]. В переписных книгах XVII в. данный антропоформант уже практически не встречается.

Таким образом, в процессе исследования антропонимов Каргопольского уезда XVI–XVII вв. выявлены особенности, которые присущи новгородской деловой письменности: высокий процент календарных личных имен, антропоформант *-хн-*, мена [м] и [н], и языку Московской Руси: продуктивные суффиксы *-к-а*, *-к-о*, *-ец*, *-ш*, *-уш-а*, *-ш-а*, *-ух-а*, *-ай*, *-ут-а*, *-н-я*, *-ун-я*, а также *-ук/-юк*, отличающийся достаточно высокой активностью в Поонежье в XVI в.

Литература

Сельвина Р.Л. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV – XVII вв. // Автореферат дис. канд. филол. наук. – М, 1976.

Смольников С.Н. Антропонимия в деловой письменности Русского Севера XVI – XVII вв.: Функциональные категории и модальные отношения. СПб, 2005.

Чайкина Ю.И. К вопросу о влиянии разных письменных центров на антропонию памятников деловой речи в XV–XVII вв. // Вестник ВГПУ. Вологда, 2007.

Чайкина Ю.И. Антропони́мы в местных документах XVI–XVII вв. (на материале купчих Двинского у.) // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000.

Чайкина Ю.И. Личные имена горожан на Русском Севере в начале XVII века (На материале писцовых и дозорных книг Вологды, Великого Устюга, Белоозера) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда, 2003.

Сокращения

Сотн. Каргоп. у. – Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археологический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

Сотн. Турч. ст. – Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова 1556 г. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археологический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.

Кн. Пер. 1648 – Переписная книга посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Каргопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова (1648 г.) // РГАДА, ф. 1209, оп. 1, № 168, л. 1–503 об.

МОДАЛЬНАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ ИМЁН НАРИЦАТЕЛЬНЫХ В СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ПОЭЗИИ С. С. БЕХТЕЕВА

Актуальной задачей функциональной ономастики является исследование закономерностей перехода имён нарицательных в собственные имена существительные в художественном тексте. Несмотря на то, что данное явление неоднократно исследовалось в рамках литературной ономастики, а также рассматривалось в работах по поэтике при описании различных видов тропов, тем не менее до сих пор не существует разработанной теории, объясняющей суть этого явления: не выявлены в полной мере функциональные типы таких переходов, не определена их связь как с категориями текста, так и с культурно-историческими традициями и стилевыми направлениями в прозе и поэзии. Решение всех этих вопросов возможно только на базе последовательного изучения данного явления в художественных, богословских, философских и публицистических текстах.

Данная статья посвящена рассмотрению одной из функциональных разновидностей перехода имён нарицательных в собственные имена – явлению **модальной транспозиции ИН—>ИС** в поэтических и богословских текстах.

Процессы перехода имён нарицательных в собственные имена не являются однородными как функционально, так и по конечному результату. Учитывая это, следовало бы эти различия закрепить и терминологически. Так, на наш взгляд, от процесса **онимизации** следует отличать явление **транспозиции** нарицательных существительных в сферу имён собственных в художественной речи. Первым термином обычно принято определять самые разнообразные случаи перехода нарицательных (ИН) в собственные (ИС). Как известно, цель собственно **онимизации** ИН состоит в создании индивидуального имени для выделения данного объекта номинации из множества других. Таким образом, например, возникали на основе нарицательных имён дохристианские (некалендарные)

древнерусские и старорусские личные имена и прозвища. Например: *Кочерга, Крыло, Кулак, Крот, Волк, Лиса, Медведь, Лебедь, Заяц* и др. [Чайкина 2005: 220]. Данное явление достаточно хорошо изучено в исторической ономастике при исследовании некалендарных имён и топонимов Древней Руси [Веселовский; Азарх 1981; Бахвалова; Чайкина 2006; Кюршунова; Смольников 1996; Комлева; и др. работы]. Одновременно с номинативно-выделительной, такие ИС выполняли и характеризующую функцию.

В литературной ономастике явление *собственно онимизации* нарицательных существительных также хорошо изучено. См. библиографию в: [Горбаневский; Фоякова; Калинин; Смольников, Яцкевич 2006]. Обычно в таких случаях речь идёт о говорящих фамилиях персонажей, иногда о говорящих топонимах, об образно-символической функции онимизации апеллятивов.

Цель транспозиции ИН → ИС иная. Она заключается в том, чтобы таким способом *изменить модальность имени, повысить его аксиологический статус*. Это, например, наблюдается в стихотворении Ф.И. Тютчева «Слово и Знамя»:

В кровавую бурю, сквозь бранное пламя,
Предтеча спасенья – русское Знамя
К бессмертным победам тебя привело.
Так дивно ль, что в память союза *святого*
За знаменем русским и русское Слово
К тебе, как родное к родному, пришло?
(Тютчев, 126)

Обычно подобная цель – повышение аксиологического статуса имени – ставится в поэзии, в священных текстах (*Бог, Господь, Творец, Создатель, Троица, Сын человеческий*), в богословских произведениях (*Дух Истины, Жизнь, Вечность, Дыхание и Радость* [Флоренский 1990]), то есть там, где речь идёт о вечном, священном. Священное – непостижимо, таинственно, оно всегда единично, уникально, а потому и должно обозначаться в речи именем

собственным. П.А. Флоренский в своей «Диалектике» размышлял о том, что «Имя <...>, обращённое к Тайне, оно являет Тайну, и влечёт мысль к новым именам. И все они, сливаясь в Имя, в *Личное Имя*, живут в Нём: но *Личное Имя* – Имя имён – символ Тайны» [Флоренский, 150] (Выделено нами – Л.Я.).

(Как известно, существует и противоположный процесс в публицистических текстах: ИС → ИН, работающий на понижение аксиологического статуса имени и одновременно на обобщение, сопровождающееся утратой индивидуальности: *маниловы, хлестаковы, чубайсы* и т.п) [Фонякова].

Функциональные различия онимизации и модальной транспозиции ИН → ИС основаны на различных типах языкового мышления, то есть имеют различную когнитивную базу. При *онимизации* значение апеллиатива становится внутренней формой для нового слова – собственного имени, причём способы первичной мотивации могут быть самыми разнообразными (метафора, ситуативная метонимия и др.) и со временем она может утрачиваться по разным причинам. Так, например, имя героя апокрифической литературы *Китоврас*, появившееся в древнерусском языке на основе греческого Κένταυρος (*Kentauros* | *Kentauras*) – *Кентавр* в результате контаминации с *kit* (Срезн. М. I, 1210; Фасмер. III, 88 и сл.; Преобр. I, 348), утратило свою внутреннюю форму. См. подробнее об этом: [Яцкевич].

Иначе соотносятся по значению нарицательное и собственные имена в случае *модальной транспозиции* ИН → ИС. Исходная номинативная функция сохраняется у слова, его лексическое значение остаётся тем же, но изменяется модус существования обозначенного словом объекта – он подвергается концептуализации и становится символом. Это приводит к изменению семиотического (когнитивного в данном случае) ранга слова в речи. Например, широко распространена в богословии и поэзии модальная транспозиция темпоральной лексики: *ночь* → *Ночь*, *вечер* → *Вечер*, *утро* → *Утро*, *день* → *День*. П.А. Флоренский отмечает библейские истоки этой традиции: “Эти <...> тайны, тайна *Вечера* и тайна *Утра*, – грани времени. Так гласит о том великая летопись

мира – Библия. На протяжении от первых глав Книги Бытия и до последних Апокалипсиса развёртывается космическая история, – от *вечера мира* и до *утра его*. <...> Не есть ли история мира, во мраке греховном протекающая, – одна лишь *ночь*, один лишь страшный сон, растягивающийся в века, – *ночь* между тем, полным грустной тайны, *вечером*, и этим, трепещущим и ликующим *утром*” [Флоренский: 22–23] (Сохраняется орфография источника. Выделено нами – Л.Я.).

На этой библейской традиции основана и модальная транспозиция слов *заря*
→ *Заря* и *восток* → *Восток* в стихотворении Ф.И. Тютчева «Альпы»:

Сквозь лазурный сумрак *ночи*
Альпы снежные глядят;
Помертвевшие их очи
Льдистым ужасом разят.
Властью некой обаянны,
До восшествия *Зари*,
Дремлют грозны и туманны,
Словно падшие цари.

Но *Восток* лишь заалееет,
Чарам гибельным конец –
Первый в небе просветлеет
Брата старшего венец.
И с главы большого брата
На меньших бежит струя,
И блесит в венцах из злата
Вся *воскресшая* семья! ...

(Тютчев, 63)

Символическому осмыслению пейзажа способствует написание слов *Заря* и *Восток* с прописной буквы.

Библейским образом Вечного Дня, когда воскресшие люди увидят Свет Невечерний, навеян сюжет стихотворения С.С. Бехтеева «Православная Сказка», в тексте которого слово «день», подвергаясь модальной транспозиции, повышает свой когнитивный ранг и становится «Днём»:

Я видел сон: вставал великий *День*,
Священный *День* любви и всепрощенья;
Редела мгла, и убегала тень,
Как человек от страха преступленья.
<...>

(Бехтеев, 129)

В исполнительской практике при чтении художественного текста (обычно поэтического) повышение аксиологической значимости слова при переходе его в собственное имя выражается интонационно, актёр придаёт ему особое звучание.

К сожалению, в письменной речи в текстах разных жанров в различных функциональных стилях не существует устоявшихся и кодифицированных норм написания подобных имён с прописной буквы. Так, в приведённой выше цитате из П.А. Флоренского, символизирующиеся имена написаны по-разному: «*Вечер*», «*Утро*» – с прописной буквы, а другие слова-символы «*ночь*», «*время*», «*вечер мира*» «*утро его*», – со строчной. Неустойчивость написания в поэтических текстах может быть частично объяснена и оправдана субъективностью поэтической модальности текста, которая связана с различными традициями поэтики слова и поэтому предполагает свободу выбора написания. В некоторых случаях выбор прописной или строчной буквы возможен только при учёте образной композиции текста. Так, в приведённом выше стихотворении Ф.И. Тютчева слово «*ночь*» в первой строке является нарицательным существительным и не подвергается модальной транспозиции в собственное имя, поскольку участвует в создании конкретного пейзажа, хотя это слово и включается в символический контекст в композиции стихотворения в целом.

Представляется, что в текстах богословского или публицистического характера, а тем более в официальных и деловых текстах написания подобных слов должны подчиняться определённым регламенту и речевому этикету, что желательно учитывать при издании этих текстов. К сожалению, существующие пособия по правописанию ИС не содержат в достаточной мере необходимых сведений, некоторые правила составлены тенденциозно и опираются на политическую конъюнктуру, а иногда даже вводят в заблуждение. См., например: [Розенталь, 321–323].

* * *

Объектом данной статьи является модальная транспозиция имён нарицательных в собственные имена в поэзии С.С. Бехтеева (1879–1954). Выбор творчества этого поэта обусловлен, во-первых, тем, что в его поэтических текстах наиболее последовательно соблюдается функционально мотивированное написание с прописной буквы многочисленных имён, перешедших в результате модальной транспозиции из нарицательных в собственные. Это позволяет читателю лучше понять замысел автора. Во-вторых, его творчество привлекает нас тем, что автор хорошо знает и глубоко чувствует духовные и культурно-исторические истоки имён собственных, соотносительных с нарицательными в современном языке, и тем самым он способствует продолжению русской исторической традиции и её отражению в поэтической речи.

Основной темой творчества С.С. Бехтеева была тема Святой Руси и Святого Царя. В его поэзии переход имён нарицательных в собственные служит средством сакрализации образа Николая II. *Царь, Его Лик, Глаза, Голос, Дни* Его жизни, а также Его близкие – *Царская Семья*, жена – *Царица, Дети* – все эти слова поэт пишет с большой буквы:

Когда, отрезвев от дурмана свобод,
За труд безмятежный возьмётся народ
И станет на пепле развала

Прошедшее строить сначала,
Тогда из далёких и ближних концов
Поднимутся толпы родных мертвецов
И сонмом бесплотных видений
Пройдут над юдолью мучений.
И светом Христовым весь мир озаря,
Воскреснет сияющий **Образ Царя,**
Царицы с Семьёю державной
И **Отрок** страны православной.
Царевны святые в лучистых венцах,
Целящие взорами муки в сердцах,
И горсть **Их** друзей неизменных,
С Царём и Детьми убиенных.

(Бехтеев, 49)

Священный для поэта и православных людей образ царя **Николая II** воплощается в поэзии С.С. Бехтеева в парадигме собственных имён, которые образованы на базе нарицательных в результате модальной транспозиции: *Царь* (Бехтеев, 79, 67, 68, 109, 111, 112, 115 и др.), *Царь-Вождь* (77), *Хозяин России* (72, 83, 126), *Хозяин земли* (83), *Самодержец в великой России* (83), *Державный Отец* (93), *Державный Царь*, *Отец*, *Царь-Страдалец* (106, 128), *Витязь армии* (107), *Блюститель святыни Православия*, *Монарх* (108, 116), *Изгнанник* (110, 113), *Страдалец* (113), *Пресветлый Царь* (119), *Пресветлый* (121), *Пресветлый Государь* (122), *Любимый* (122), *Царь Благочестивый* (123), *Царь Самодержавный* (124), *Царь-Отец Державный*, *Православный Царь* (125), *Родной*, *Самодержавный*, *Прирождённый Русский Царь* (125), *Страстотерпец-Царь* (128), *Святой Царь* (131). Данная система собственных имён царя Николая раскрывает в стихотворениях и поэмах С.С. Бехтеева духовную значимость этой личности, её священную историческую миссию и трагическую участь.

Подобные написания именовании Царя с прописной буквы – не только выражение преклонения перед погибшим Монархом, Его Семьёй и всей Царской

Россией, но и знак священного статуса Помазанника Божия. И это не какое-то субъективное мнение поэта, а выражение того векового народного сознания, которое было насильственно разрушено революцией 1917 года. Как писал П.А. Флоренский: «В том-то и дело, что в сознании русского народа самодержавие Царя относится к числу понятий не правовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из вне-религиозных посылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу» [Флоренский, 374; см. также: Аверинцев, 117].

До революции это нашло отражение в определённой традиции правописания имён, называющих монаршую особу, в официальных текстах, в публицистике, в художественных текстах. В том случае, если речь шла о конкретной особе, её имена писались с прописной буквы; а если существительное употреблялось в обобщённо-родовом значении, то оно писалось со строчной буквы.

Такая традиция написания соблюдалась непоследовательно еще и до революции, а в советское время была утрачена под влиянием цензуры. См., например, написания монарших особ в словаре-справочнике «Прописная или строчная?» [Розенталь]. Однако эта традиция сохранилась в эмиграции – в произведениях писателей-эмигрантов, в том числе и в стихотворениях С.С. Бехтеева.

Возникает вопрос, не является ли написание именований верховного правителя России (*Помазанник Божий, Царь, Самодержец, Император, Монарх, Государь*) с прописной буквы только выражением придворного этикета, и поэтому можно ли их отнести к собственным именам?

Как отмечает Б.А. Успенский, «конкретное значение царского титула в значительной мере зависит от культурной ориентации» [Успенский: 35]. Слово «царь» (древнерусск. Цьсарь, старослав. Цѣсарь) этимологически восходит к имени римского императора Цезаря [Фасмер]. Первоначально «царями» в Древней Руси называли византийских императоров, и только в XVI в. русский

государь принимает царский титул. Венчание на царство освящается Миропомазанием и совершается на Литургии [Успенский].

Историография монархической власти в России, начиная с XVI в., свидетельствуют о том, что именованная монаршей особы имеют статус имён собственных, так как содержат в себе сакральный концепт: *священная власть, то есть Богом данная власть, которая всегда личностна, индивидуальна и священна*. Так, Б.А. Успенский, рассмотревший семантику монарших титулов на фоне обширного исторического материала, свидетельств Библии и разнообразных западноевропейских и восточнославянских памятников письменности, делает вывод о том, что «в России наименование “царь” воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имён – наименование человека “царём” в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский 2000: 37]. (Сохранена орфография оригинала – Л.Я.).

Таинство миропомазания на царство совершалось в России сначала митрополитом, а затем патриархом и соответствовало миропомазанию при крещении [Барсов]. Если «в Константинополе помазывалась (крестообразно) лишь голова коронуемого монарха, в Москве помазывали чело, уши, перси, плечи и обе стороны обеих рук, причём каждый раз повторялись слова «Печать и дар Святаго Духа» [Успенский 2000: 28; Барсов]. Помазанник Божий после этого таинства – второго крещения получал новый статус, который отличал Его от всех других людей. Поэтому наименование *Царь* по отношению к конкретной монаршей особе становилось именем собственным. Собственными становились и его другие титульные имена (*Государь, Монарх* и др.).

Рассмотренный выше культурный контекст подобного именования объясняет, на наш взгляд, почему поэт С.С. Бехтеев считал монаршую особу священной и все его именованья считал собственными именами и последовательно писал их с прописной буквы: (1) Пройдут века, ночные тени / Разгонит светлая заря, / И мы склонимся на колени / К ногам *Державного Царя* (Бехтеев, 106); (2) <...> как умер преданный Сусанин / За православного *Царя*... (Бехтеев, 109); <...> о крестном подвиге *Царя* (111); Служа *Царю* беспечно и

небрежно, <...> (Бехтеев, 115); И в Царское Село стекались фарисеи, / И пьяный гарнизон Монарха оскорблял (Бехтеев, 116).

Миропомазание на царство в истории России восходит к ветхозаветным и новозаветным традициям, однако, если на Западе и в Византии верховный правитель уподоблялся ветхозаветным царям, то в России – самому Христу [Успенский 2000]. С.С. Бехтеев знает и глубоко чувствует эту духовную традицию, поэтому в его поэзии образ Царя Николая II уподобляется библейскому образу Христа. Например, такое понимание Царской Личности пронизывает всё стихотворение «Царский венец»,

Лучезарен и светел державный венец,
Много в нём красоты и блистанья,
Он рождает надежды у чистых сердец
И волнует безумцам мечтанья.
Недоступен он страсти и злобе людской,
Не сплетён он из листьев лавровых,
В нём сокрыт величавый, священный покой,
Тайна муки страданий терновых.

<...>

Благодатен Его светозарный приход,
Сладко бремя святой Его воли.
Он болеет душой за родимый народ
И состраждет скорбящим в неволе.
Преисполнены правдой и лаской уста,
Чужд Он гневу и казням суровым.
И грядет Он на подвиг стезёю Христа,
Озарённый сияньем терновым.

(Бехтеев, 114–115)

В стихотворениях С.С. Бехтеева оживает духовная связь евангельских событий с событиями русской истории. В стихотворении «Николай II», которое

было написано автором в 1917 году, на третий день «бескровной» русской революции (Бехтеев, 71), русский Царь уподобляется Иисусу Христу:

В те дни, когда мы все так низко пали,
Везде мне грезится священный Образ Твой,
С глазами, полными божественной печали,
С лицом, исполненным небесной добротой.
<...>

Слепой народ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой
Тебя клеймит постыдными словами
И казни требует над кем же ... над Тобой!
Не так ли пал и Царь коварной Иудеи,
Мессия истины, народная мечта <...>

(Бехтеев, 71)

В стихотворении “Видение дивеевской старицы” (1922 г.) образ Христа и образ Царя сливаются в один в глазах молящейся отшельницы:

<...>
Смотрит – и видит, молитву честную творя,
Рядом с Христом – Самого Страстотерпца Царя.
Лик его скорбен; печаль на державном Лице;
Вместо короны стоит он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и чудится ей –
В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-Царя ...

(Бехтеев, 128)

С.С. Бехтеев воссоздаёт в стихах и внешний облик Николая II, поскольку он был близок ко двору и неоднократно видел Царя и беседовал с Ним:

<...>

Красы той небесной, красы той чудесной
Нельзя на словах передать,
Казалось, что Ангел улыбкой небесной
Дарил мне свою благодать.
И эти *Глаза* с величавым смиреньем,
И кроткие эти *Уста*, –
Казались прекрасным, живым отраженьем
Пречистого лика Христа.
И *Царственный Образ* в оправе священной
С тех пор не могу я забыть <...>

(Бехтеев, 131)

Написание с прописной буквы слов *Образ*, *Глаза*, *Уста* (в других стихотворениях *Голос*, *Очи*, *Лик*) создаёт особую модальность текста. Наряду с другими средствами, транспозиция нарицательных имён в собственные в данном стихотворении способствует тому, что описание внешнего облика Царя становится не портретом, а иконой.

Модальная транспозиция ИН → ИС в творчестве С.С. Бехтеева, связанная с *сакрализацией реально существующей личности*, функционально отличается от подобного преобразования нарицательных имён в поэзии Серебряного века. Например, И.С. Приходько, рассматривая драму А.А. Блока “Король на площади”, в основе которой “лежит эсхатологическая мифология” [Приходько, 11], а не реальные события в жизни реальной личности, отмечает, что ведущие персонажи этой драмы “не имеют личных имён, но названы по занимаемому ими положению (*Король*, *Шут*), по профессии (*Зодчий*, *Поэт*), по родственным связям (*Дочь Зодчего*). Смысл такого именования – в *отсутствии индивидуализации* героев, необходимой в реалистической драме, и предельная их символизация [Приходько, 11] (Выделено нами. – Л.Я.). Если символистов интересовали

художественные идеи, то поэт С.С. Бехтеев – реальные личности и события трагической истории России XX вв. и их христианское осмысление.

Литература

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.

Азарх Ю.С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981.

Барсов Е.В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси. М., 1883. Оттиск из «Чтений в Обществе истории и древностей российских при имп. Московском университете», 1883, кн. 1.

Бахвалова Т.В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имён (на материале памятников письменности Белозерья XV–XVII вв. // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985. С. 71–82.

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Горбаневский М.В. Имена собственные в художественной литературе. М., 1988.

Калинкин В.М. Поэтика онима. Донецк, 1999.

Комлева Н.В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности к. XVI–XVII вв.: Дисс. ...канд. филол. наук. Вологда, 2004.

Кюрушнова И.А. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII вв. (в связи с реконструкцией лексики донационального периода): Дисс. ...канд. филол. наук. Вологда, 1994.

Розенталь Д.Э. Прописная или строчная? Опыт словаря-справочника. М., 1985.

Приходько И.С. Мифопоэтика А. Блока (историко-культурный и мифологический комментарий к драмам-поэмам). Владимир, 1994.

Смольников С.Н. Антропонимия памятников деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв.: субъектные точки зрения // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Межвузовский сб. научных работ. Вып. 2. Отв. ред С.Н. Смольников. Вологда, 2004. С.65–92.

Смольников С.Н., Яцкевич Л.Г. На золотом пороге немеркнущих времён: Поэтика имён собственных в произведениях Н. Клюева. Вологда, 2006.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н.Трубачёва. 2-е изд., стер. М., 1986–1987. Т. 1–4.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины // Флоренский П.А. Соч. Т. 1. М., 1990.

Флоренский П.А. Диалектика // Флоренский П.А. Соч. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990.

Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

Чайкина Ю.И. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка (на местном ономастическом материале письменных источников XVI–XVII вв. // Чайкина Ю.И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

Чайкина Ю.И. К вопросу о периодизации некалендарных личных имён на Руси // Проблемы текста. Материалы научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения академика Д.С. Лихачёва. Словесность. Вологда, 2006. С. 19–25.

Яцкевич Л.Г. Китоврас: Имя, Архетипы. Поэтические образы // История русского слова: Проблемы ономастики и специальной лексики. Вологда, 2002. С. 109–128.

Источники

Бехтеев С.С. Грядущее. Стихотворения. Санкт-Петербург, 2002.

Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. М., 1978.

Подп. к печати 12.12.2007. Формат 60х84^{1/16}. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,1. Тираж 265 экз.

Отпечатано в типографии ООО ТПФ «Граффити». Вологда, ул. М. Ульяновой, 9

